

Татьяна Хорунжая

ПРАВО НА СКЕЛЕТ

Городской девушке Ане достается в наследство старый деревенский дом. Чем он пугает ее — ощущением чего-то мистического, семейными тайнами или присутствием поблизости беглого уголовника? Разобраться во всем поможет верный Гюнтер.

Татьяна Хорунжая

Право на скелет

Пришло письмо.

«Опять реклама, — привычно подумала Аня, доставая белый конверт из почтового ящика. — Или налоговая жаждет моей крови».

Нет, письмо было не из налоговой.

«Нижегородская область, Починковский р-он», — прочла Аня адрес отправителя и открыла конверт. Неизвестная бабулечка старческим почерком сообщала ей, что Аня получила наследство, которое теперь нужно было официально оформить. Бабушкина сестра завещала ей свой дом в деревне.

— Мам, ты знаешь такое село — Ильинское? — спросила Аня, заходя в квартиру и бросая на обувницу ключ.

— Конечно, там баба Шура живет. — Мама отозвалась откуда-то с кухни. — А что?

— Жила...

— Откуда ты знаешь? — мама высунулась из кухни.

— Письмо пришло. Мне какой-то дом от нее остался, — констатировала Аня. — Что там хоть за дом-то?

— Представленья не имею, — не меньше Ани удивилась мама. — Я там была только в глубоком детстве пару раз. Значит, померла баба Шура... Эх, баба Шура... — запричитала мама. — И дом-то оставить некому... Детей у нее не было никогда... Помню, еще когда я приезжала, она... — и мама углубилась в воспоминания о родственниках, а Аня привычно отключила слух.

«Надо ехать в это Ильинское, — подумала Аня. — Посмотреть, что там за дом. Ну что же, поздравляю тебя, Аня, теперь у тебя есть домик в деревне... Нечем тебе было заняться в отпуске — вот и поезжай, развлекайся. Оформишь документы, посадишь картоху и репку...

«220 км туда и 220 обратно. По такой жарнице. Хорошо, что я выехала пораньше — к ночи успею вернуться в город».

Аня выезжала из знойного Нижнего в пятницу. Весь район Щербинки стоял в нескончаемой пробке. Мимо стоящих машин проходили хмурые, изможденные зноем и проблемами лица, бросая завистливые взгляды на счастливых, которые выезжали за город. «Счастливики» матерились на пробки, дураков и дороги и посильнее давили на свои клаксоны. Кто-то жевал за рулем шаурму, кто-то делал музыку в салоне погромче... На Аниной радиостанции, будто назло, шла реклама за рекламой, окончательно забывая мозг.

«Ну как так-то? Время 3 часа, а город уже стоит! Никто не работает, что ли?» — злилась Аня, поддаваясь всеобщему настроению. Мозг плавился, макияж норовил сплыть, длинные волосы прилипали к спине... Аня бросила руль, скинула привычные тесные каблучки, бросив их на заднее сиденье, и достала из пакета с соседнего сиденья плетеные эспадрильи. Настроение немного улучшилось. Подержав их в руках, она подумала и бросила рядом с туфлями и эспадрильи. Босиком удобней.

Ничто не вечно, даже пробки. Наконец, машины дернулись и потихоньку поехали, постепенно набирая скорость. Вскоре серые бетонные плиты девятиэтажек и пыльные газоны остались позади, а Аня так и не увидела, что же послужило причиной пробки.

Проехав пост ГИБДД и перечеркнутый знак «Нижний Новгород», Аня с облегчением вздохнула — то ли оттого, что самый напряженный участок дороги был позади, то ли оттого, что перечеркнутый знак гарантировал, что теперь будет легче дышаться лесным воздухом. Мысли постепенно успокоились и потекли в сторону пункта назначения.

Анина бабушка была родом из Починковского района. Она переехала жить в Нижний Новгород, когда ей было 15. Ей хотелось учиться, хотелось хорошую работу, хотелось городского мужа. Всё удалось ей, и ее судьба счастливо сложилась. Она всю жизнь прожила в городе, а ее старшая сестра, баба Шура, осталась жить в деревне одна, постепенно утрачивая связь с городскими родственниками. Оставшись старой девой, она была бездетна и завещать дом ей было некому. Кроме внучки сестры.

Баба Шура умерла в одиночестве, и обнаружившие ее тело соседи не нашли в доме даже номер телефона ее племянницы, чтобы известить близких о случившемся.

Аня, как родившаяся в городе во втором поколении, считалась уже коренной нижегородкой. От деревенских предков, как она сама считала, в ней не осталось ничего, разве что присказки да поговорки от бабушки. Никаких деревенских каникул у нее никогда не было, поскольку не было и самой деревни, и она считала себя абсолютно городской. В школе, когда одноклассники, вернувшись после летних каникул, обсуждали свои деревенские впечатления, Аня рассказывала об отдыхе в хорошем лагере на «Горьковском море». А в университете, когда все поездки на картошку были уже давным-давно забыты и деревня стала не в тренде, уже все однокурсники, включая Аню, хвалились поездками за границу. За несколько лет работы после университета она объездила почти все побережье Средиземного и Красного морей, поэтому поездка в деревню казалась ей «русской экзотикой», как это стало модно говорить иностранным туристам.

Работа в хорошей компании по продаже IT-технологий обязывала ее всегда выглядеть идеально, общаться с «правильными» людьми и тщательно планировать свой день. Никто и никогда не видел ее не накрашенной и не мог представить её в компании «пацанов» грызущей семечки в трениках на скамейке в парке. Никто не знал, какие тараканы живут в ее голове за всегда «приличным» лицом и «воспитанными» манерами. Никто не догадывался, чего ей стоит каждый день держать свою идеальную осанку — окружение замечало лишь новое дорогое платье и «лабутены» на запредельных своей высотой каблуках.

Никто так же не предполагал, как же отвратительно она водит машину. Дорога в 220 км была для нее просто непосильным героизмом.

«Тише едешь — дальше будешь» — методично «рулила» Аня.

В Богоявлении она остановилась, чтобы передохнуть и купить пирог с черникой у местной бабки, торговавшей на небольшой площади у автостанции. Пирог с черникой оказался пирогом с яблоками.

Под Арзамасом она свернула не в ту сторону и долго искала выход на прежнюю трассу.

В Шатках дорогу переходило стадо коров. Буренки, что-то с аппетитом пережевывая, медленно проплывали мимо машины. Они никуда не торопились. Вставали прямо перед мордой машины и, казалось, лягут ночевать прямо здесь, на дороге.

В Лукоянове Аня заехала на заправку. Ожидая своей очереди, размышляла о бренности суетных названий: «И почему Лукоянов называют городом? Обычная деревня, только большая».

На Ужовке был закрыт железнодорожный переезд. Здесь вереница машин терпеливо прождала 26 минут, пока один вагон поезда перегонят через дорогу, а потом обратно. А

потом еще 9 минут, пока женщина в оранжевой спецодежде тщательно подметет железнодорожные пути.

«Похоже, кроме меня здесь никто никуда не торопится...» — продолжала размышлять Аня, глядя на ее сосредоточенное лицо. Солнце клонилось к закату. За эти часы в дороге путешественница чудовищно устала, и сейчас у неё было только одно желание — поскорее поспать.

«Обратно сегодня я уже чисто физически не доеду. Придется заночевать здесь», — решила Аня.

Когда в сгущающихся сумерках, наконец, замаячил указатель на синем фоне, гласивший «Ильинское», Аня немного взбодрилась.

«Аллилуйя! Сейчас отыщу свой дом и засну прямо на пороге... Ключа от дома у меня все равно нет, придется спать в машине. Остальное завтра».

Девушка въехала в село. «Ильинское» оказалось довольно большой деревней.

«Никогда б не подумала, что в деревнях тоже бывает много улиц... Улица Большая, где это? — Навигатор, устав от долгой поездки, молчал. — Ладно, спросим у местного населения.»

Деревня начиналась с кладбища.

«Неплохое начало...» — Аня медленно катилась с горы и высматривала хоть кого-то живого. В этот поздний час деревня не отличалась многолюдностью. Какие-то подростки зашли за калитку дома. А вон женщина в платке, несмотря на ночное время, полощет белье на колонке.

— Извините, женщина, Вы не подскажете, где улица Большая?

— Какая-какая? — выпрямилась баба.

— Большая.

— Это Иика, что ль?

— Что? — не поняла Аня.

— Улица-то, говорю, Иика, что ль?

— Нет, Большая.

— Таку не знаю.

— Хорошо, спасибо.

Аня покатила дальше. Больше спрашивать было не у кого. Путешественнице это уже начинало не нравиться. Хотелось отдохнуть, выпрямить уставшие ноги и попить чайку... Хоть в поле ночуй. Тьма сгущалась, света в окнах почти нигде не было, фонарей — 2 штуки на всю улицу. Зато почти в каждом доме гулко брехали собаки. Аня наугад «брела» за одиноким светом своих фар.

Неожиданно за поворотом резанул глаза яркий свет около одноэтажного, но большого кирпичного дома. Звучала приглушенная музыка, и люди, как мотыльки на огонь, слетались к этому дому из ночной тьмы.

«Клуб, что ли?» — догадалась Аня. Приостановилась и, опустив стекло, спросила у подростков из окна машины:

— Подскажите, пожалуйста, где улица Большая?

В качестве ответа пьяные подростки загоготали и вошли в клуб.

«Так и придется выходить из машины, — сокрушенно подумала Аня и вышла на воздух, не без удовольствия разминая ноги после долгой поездки и вдыхая ночные ароматы.

Решительно открыв дверь клуба, Аня сделала шаг внутрь, и музыка оглушила ее.

— Имя любимое моё, твоё именно... — ритмично горланила популярная дискотечная группа. Анин сон как рукой сняло, захотелось двигаться в такт. Она невольно начала отыскивать глазами источник звука. Им оказался простецкий музыкальный центр, стоящий прямо на полу среди ног в центре зала. Вокруг него топталась с ноги на ногу, как умела, небольшая группа людей. «Имя» закончилось и началась какая-то медленная композиция. Танцующие стали складываться в пары.

Аня оглянулась, у кого можно поинтересоваться про улицу Большую. Вокруг по стенам стояли странные люди, на вид от 10 до 50 лет: подростки ярко покрашены и не менее ярко одеты, люди в возрасте — кто в чем попало: фуфайки, галоши, спортивные треники...

«Сразу видно, кто с какими целями на дискотеку ходит...» — подумала Аня и уже повернулась к мужику в домашних женских тапочках, чтобы узнать про улицу Большую, как вдруг неизвестно откуда появившийся высокий светловолосый парень схватил ее за руку, притянул к себе и, обняв за талию, стал танцевать с ней медляк. Это было так неожиданно, что Аня не успела возразить.

С мужчинами у нее были сложные взаимоотношения. Когда-то, на первом курсе универа, ей нравился один одноклассник... Но, повстречавшись с Аней совсем недолго, он выбрал ее подругу. Тогда Аня решила, что он просто ее не стоил. Что они все ее не стоят. Что такую девушку, как она, еще нужно заслужить...

«Так, надо объяснить этому сельскому увальню, что так не делается», — разозлилась Аня и подняла глаза, чтобы сказать ему, что она здесь не танцует, а ищет улицу Большую, но встретилась с ним взглядом, и у нее захватило дух.

«Какие глаза! Я думала, таких голубых глаз уже и не осталось. Интересные экземпляры сохранились в глубинке...» Парень молчал и ласково улыбался, и Аня отвела взгляд, чтобы невольно не заулыбаться ему в ответ. Сделала лицо посерьезнее. Крепкие руки этого «сельского увальня» настойчиво прижимали девушку к себе, и Аня с неодобрением заметила, что больше не торопится, а её собственные предательские ладони как-то сами собой обвили его шею. Так она и провисела на нем до конца трека. Когда музыка закончилась, светлоглазый и не подумал отпустить Аню из рук. «Ты нравишься мне! Мне теперь одной не справиться, ты нравишься мне...» — оглушила следующая быстрая песня той же группы. Это отрезвило девушку. Она очнулась и, круто развернувшись, стряхнула с себя руки голубоглазого и вылетела из клуба.

Мужик с розовыми тапочками уже куда-то делся, зато у входа стояли две «девчонки» лет сорока в галошах, увлеченно о чем-то болтая и отплевывая кожуру семечек в траву метра на два от себя.

— Подскажите, пожалуйста, где улица Большая? — быстро сказала Аня уже избитую фразу.

— Иика, что ли?

— Что?? Какая ещё Я...яика? Будь она неладна...

Почему все вокруг сговорились спрашивать её какую-то невыговариваемую чушь? Они все дружно оглохли? У слов «Яика» и «Большая» из общих букв только первая и последняя буквы алфавита!

Одна из баб, ничего не объясняя, повернулась к другой:

— У нас ведь Иика — это улица Большая?

— Да вроде...

Женщина быстро объяснила, как туда добраться. Главными ориентирами были магазин

и «дом с большим гаражом» по соседству. Аня мрачно села за руль и отправилась дальше.

Улица Большая оказалась улицей маленькой, с разбитым асфальтом, а местами и вообще без асфальта. «Хорошо хоть номера на домах есть...» — подумала Аня, увидела дом с большим гаражом и зарулила в соседний от него двор.

«Ну, здравствуй, бабушкино наследство...»

В сгустившейся темноте возвышался силуэт старого деревянного дома, заросшего крапивой выше человеческого роста. Рассмотреть его в кромешной тьме было практически невозможно. Как назло, было почти полнолуние: какая-то мистическая, огромная луна с красноватым, будто кровавым оттенком, кралась за спиной бабкиного детища. Каждое «море» на этой планете было видно так четко, будто оно было отчеканено в полиграфии. Вечерний туман, как последние вздохи, клубился вокруг крыши. Печаль и одиночество исходили от старого дома. Что-то страшноватое будто сидело в его комнатах... Наследство произвело на Аню гнетущее впечатление. Ей даже показалось, что в глубине дома что-то шевельнулось. «Жуть какая! — подумала Аня, и ее руки сами собой, на всякий случай, заперли дверки машины. — Я отсюда никуда не выйду... Лучше бы в поле ночевала...» Она немного поразмыслила, что же ей делать, но не найдя никакого другого варианта, решила остаться здесь. В конце концов, усталость от дороги навалилась на нее, спать хотелось так сильно, что она решила не придумывать себе лишних страхов, разложила кресло машины и довольно уютно устроилась, поскорее закрыв глаза, чтобы не видеть очертания дома.

Спала она плохо — было неудобно, тесно, хотелось горячего чая, которым она привыкла заканчивать свой день; «глаза» она не смыла и от этого было особенно дискомфортно. К тому же этот дом под боком... Но уже с двух часов ночи с горизонта начал пробиваться слабый свет июльского солнца, стало поспокойнее, и усталость окончательно взяла верх. Аня заснула, и ее уставшая черная машина слилась с предрассветной ночной тьмой.

Когда Аня открыла глаза, утро было в полном разгаре. Солнце светило и начинало жарить, птицы свистели, петухи пели, улица ожила звуками газонокосилки, чьим-то смехом и болтовней.

«Уже куры несутся, свиньи пороятся, а я все сплю», — подумала Аня и окончательно проснулась. Утро, похоже, было добрым. Аня вышла из машины. Чистый, свежий деревенский воздух буквально ошеломил ее. Пахло всё: и цвет каждой мельчайшей травинки, и чистый речной ветерок, гонявший запахи с деревенских дворов, и, казалось, пахла сама утренняя прохлада тенёчка.

«Цветущие сорняки так вкусно пахнут? — приятно удивилась Аня. — Так. Дом, надо осмотреть дом. И с чего я взяла вчера ночью, что он страшный?» Утром он производил вполне дружественное впечатление. Простой старый деревенский домик из не крашенного дерева, в три маленьких окошечка с облезшими наличниками, которые когда-то были голубыми. Покосившееся крыльцо из четырех ступеней под маленькой крышей. К дому примыкало большое строение, видимо, для содержания скотины. Все какое-то ветхое, старое... Поскольку ключа у Ани не было, она решила хотя бы обойти дом вокруг и заглянуть в окна. До наличников она не дотянулась, а обойти дом вокруг помешала крапива, которая стояла буквально стеной. Видно было, что кто-то здесь лазил до нее — крапива местами была поломана. Подобие узкой тропинки вело в заросший огород, в котором виднелось несколько старых яблонь. Поднявшись на крыльцо, где можно было заглянуть в

крайнее окно, и прислонившись лбом к стеклу, Аня рассмотрела одну комнатку без мебели и кухонку с ладошкой. Видимо, баба Шура в последние годы плохо следила за домом, потому что кругом были видны следы бесхозности — с крыши в одном месте немного съезжал шифер, обшивку дома у земли начала подъедать зеленая плесень.

«Дом как дом. Старье как старье... — разочарованно констатировала Аня. — И что мне с тобой делать... Ладно бы хоть поближе к городу, хоть маме дача была бы. А так — каждые выходные пылить 220 км — далековато... Ладно, найду местную администрацию, про которую говорилось в письме, что мне туда нужно явиться. Пока ищу — решу. А еще лучше для начала найти бы хоть, где умыться и купить зубную щетку и свой завтрак...» В таких спартанских условиях было дискомфортно. Свой день путешественница привыкла начинать с чашечки кофе и приведения себя в порядок. Ей захотелось поскорее сделать все дела и уехать домой, в город. Зачем ей эта старая рухлядь?

Нашла колонку, умылась. Накраситься в таких условиях составляло особый труд сегодня, но она справилась. Когда девушка докрашивала глаз, мимо, беззастенчиво рассматривая ее, прошел какой-то мужик бомжеватого вида. «На меня здесь как на диковинку смотрят», — подумалось Ане.

Вспомнив про магазин, который был ее ориентиром ночью, она отправилась на поиски своего завтрака. Найти его не составляло труда — он, единственный, стоял в центре села, издалека привлекая своим лимонно-желтым цветом и харизматичной вывеской «КООП». «Хорошо хоть нет записки на дверях, как в соседнем селе — «Хлеб привозят только по вторникам!» — вспомнила вчерашнюю поездку Аня.

На половине полок магазина стояли самые простые представители человеческой еды, некоторые упаковки которых украшала надпись «собственное производство», а на второй половине — стиральные порошки вперемежку с прищепками, искусственными цветами и игрушками. В углу стояла вешалка с женскими халатами и футболками всех возможных цветов радуги, лежали матрасы и обои, а в противоположном углу стояли открытые мешки с чем-то сыпучим и лопаты.

«Эх, сейчас бы кофейку глотнуть... — совсем скисла Аня. На прилавках она не нашла ничего из привычной ей еды для завтрака. — Ладно, возьмем то, что есть. Опробуем «шедевры местной кулинарии».

За прилавком, в уголке, оживленно болтали работники магазина.

— ...Да его намедни из тюрьмы выпустили, не слышала, что ли?

— Да ладно? Свят, свят...

— С кого ж он теперь начнет? Все трое на месте, как по заказу.

— Ясно, с кого: с сына милиционера. Неужто сломанную челюсть простит.

— А я думаю, сначала Антоху прирежет... Иль Кольку-тракториста.

«Брр, страсти какие...» — Аня даже на секунду забыла, зачем пришла.

Заметив в магазине нового человека, продавец прикусила язык и с готовностью подошла к Ане с немым вопросом на лице: «Че надо?»

— Здравствуйте, а у вас есть мюсли?

— Что?

Аня отметила про себя, что все люди, с которыми она здесь общалась, начинали свой диалог именно с этого вопроса. Видимо, это здесь излюбленное слово, вместо «здравствуйте». Хорошо хоть про эту... как ее... Яику не спросила.

— Ну, сухие завтраки такие, мюсли.

— А, такого нет.

— А отруби?

— Для кого? — уточнила продавщица.

«Ну уж глупее вопроса не придумаешь...»

— Для меня.

— Нет.

«Интересно, а для депутата нашли бы?» — начала закипать Аня.

— Жаль. — Тут Анин взгляд упал на открытые мешки, стоявшие в углу. В них лежало что-то, напоминавшее мелкие отруби.

— А это что?

— Комбикорм.

Аня вспомнила перекликающееся название одного известного бренда «здорового» питания и воодушевилась.

«Ну, это уже неплохо. Неужели в такой глубинке оно есть? — подумала Аня. — Что-то интересное. Не знала, что оно бывает и весовым».

— Завесьте мне, пожалуйста, грамм 200.

— 200 грамм чего?

— Комбикорма.

В углу стало тихо. На Аню с интересом поглядывали. У продавщицы заблестели глаза, а на лице заиграла плохо сдерживаемая улыбка. Аню уже тихо начинал побешивать этот нездоровый интерес к ее аппетиту. В городе продавцам нет дела, чем ты питаешься — хоть типографскую краску слизывай, только деньги плати. Деревенские мажоры!

— Вы сами хотите его покушать?

— Ну конечно, сама! — с жаром выпалила она.

В углу раздался дружный и бесцеремонный взрыв хохота. Продавец всё с той же улыбкой подошла к мешку и демонстративно отсыпала комбикорма в пакетик.

— 230 грамм оставлю? — В углу опять заржали.

— Оставьте.

— Что-то еще?

— Да. Еще йогурт питьевой. — И опять это ржание! Из угла донеслось:

— Наташ, подари ей комбикорм за счет заведения!

Аня вышла из магазина в оскорбленных чувствах. Какие-то деревенские хабалки смеют смеяться над ней, городской девушкой с высшим образованием! Уселась в тенек беседки на детской площадке и стала горестно пробовать свой завтрак. Комбикорм оказался какой-то дрянью. «Нет, эти отруби даже для меня мелковаты, надо их в какую-то другую еду добавлять, а сами по себе их есть невозможно», — сделала Аня экспертное заключение. Она знала о здоровой пище всё.

А кушать хотелось... Купить бы какую-нибудь другую еду, но в этом магазине ее ноги точно больше не будет! А другого магазина в селе не было.

Выпив йогурт, Аня полуголодная пошла искать ... «Искать что? Какое-то специфичное название у администрации здесь... — она достала присланный ей конверт. — Сельсовет?.. — прочла она еще раз, не веря глазам. — Я ищу сельсовет? Коопы, сельсоветы... Похоже, я на машине времени вернулась на 30 лет назад... Ну что ж, опять придется спрашивать местных...

Из местных на этот раз рядом оказались молодые мамочки с колясками.

— Здравствуйте, Вы не подскажете, где я могу найти ... — она собралась и выпалила, ожидая насмешек, — сельсовет? Женщины такому вопросу не удивились.

— Сельсовет на другой улице, — замолотила одна из них. — Дойдете до большого белого дома и повернете в проулок. Там через зада напрямую быстрее получится. У Рудни повернете направо и дойдете дотуда, где раньше был колхоз. Вот там в кирпичном доме и есть сельсовет. — подвела итог женщина.

— Эээ... спасибо, — вежливо поблагодарила Аня и отошла. Из всей речи она поняла только фразу «дойдете до большого белого дома». «Через зада» еще какие-то... Она с тоской заперла машину и пошла на поиски пешком.

На пыльной дороге почти не было машин, но часто встречались велосипедисты и мотоциклисты. Своим недешевым городским образом, красивым темным платьем до колен и распущенными длинными темными волосами Аня определенно привлекала внимание местных. Пара пацанов, проезжая мимо нее на мопеде, выразили ей свой респект, оглушительно присвистнув. Какой-то дедушка, дышащий на ладан, стоял на перекрестке, оперевшись на палку, и внимательно смотрел, как она приближается. Когда девушка поравнялась с ним, дед пригласил:

— Красавица, выходи за меня замуж!

Аня для приличия посмеялась и прошла мимо. Несколько неизвестных человек подряд поздоровались с ней. Аня вскинула брови и ничего не ответила.

Жара... Над асфальтом клубились волны горячего воздуха. Редко встречающиеся мужчины ходили «топлесс», дети — полуголые. Тем не менее Аня мысленно отметила, что жара здесь ощущается гораздо меньше, чем в городе — здесь не было асфальтовых и бетонных «клеток», а вместо них дороги охлаждали тенью старые ивы и тополя. Вереница домов не заканчивалась, но ни на одном из них не было вывески «Сельсовет». В палисадниках цвели лилии, розы, огромные шапки гортензий и прочие райские кущи цветов, в некоторых были даже клематисы. «Миленько. Любая городская бабулька обогатилась бы, продавая эти сокровищницы, — думала Аня, с любопытством рассматривая местные пейзажи. — А здесь, в глуши, только сами бабульки ими и любят.» Каждый четвертый дом был заброшен и стоял с заколоченными окнами, но те, что явно имели хозяев, радовали глаз ухоженными двориками, резными крылечками и тенистыми беседками. В некоторых дворах на траве лежали козы, бегали куры и даже настоящие цыплята. Где-то рядом истошно залаяла шавка.

Внезапно послышался шум, грохот какого-то железа и Аня увидела, что эта истошная шавка вдруг оказалась здоровенным кобелем, который перескочил через глухой забор и побежал прямо на нее. Его злобный лай не обещал дружеских ласканий. Аня оцепенела. Единственная «умная» мысль, которая мелькнула в ее голове, была «Она весит больше меня...»

Все произошло мгновенно: собака прыгнула в Анину сторону, рядом с собакой кто-то возник, схватил ее налету за пасть двумя руками, собака плюхнулась на землю, яростно завывала и всячески извивалась, пытаясь вырваться. Но этот кто-то зажал ее между ног, схватил за загривок и то место, которое у лошадей называют крупом, и подняв над головой, отнес к тому забору, откуда она выскочила секунду назад, и зашвырнул обратно. Аня услышала, как ее спаситель прокричал кому-то про «еще раз» и про «пристрелю» и только тут, наверное, начала медленно понимать, что вообще случилось. Стояла, не зная как повести себя, и проклинала глупое свойство своего мозга «зависать», когда так нужна его

работа. Молодой человек, «вернувший» собаку хозяевам, подошел к ней. Аня молчала. Где-то она его уже видела. Осталось только дожидаться, что он скажет, чтобы вспомнить, где же именно...

— Привет! — сказал он абсолютно неинформативно и незнакомым голосом. Зато голосом приятным, дружелюбным и как ни в чем не бывало, будто уже забыл про собаку.

— Привет, — выдавила Аня.

— Ты вчера убежала, как Золушка с бала, — улыбнулся парень. — Я даже имени твоего спросить не успел.

А! Так вот откуда она его знала: это вчерашний светлоглазик. Да, вчера в полутьме она не ошиблась: высокий, красивый, широкие плечи... «Богатырь местного разлива», — подумала Аня и пришла в себя.

— Да, торопилась в родные пенаты к злой мачехе... — Аня вспомнила вчерашний мрачный дом и мысленно содрогнулась. — Ты меня вроде как спас от бешенства. Спасибо!

— Да не на чем. Дело случая. Я здесь живу рядом. Пойдем, покажу тебе свои родные пенаты, — улыбнулся он.

«Ну все понятно... — разочаровалась Аня. — Герой хочет награды..»

— А что, там что-то интересное показывают? — девушка отправилась дальше по дороге, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Но не удержалась и ляпнула: — Обычно все мечтают посмотреть твои пенаты?

Он будто не заметил ее сарказма:

— Ну, многие хотели бы. Я здесь завидный жених, между прочим, — ухмыльнулся он. — Ну куда ты вечно торопишься? Постой! — он взял ее за руку.

«Ну все, хватит с меня завидных женихов! — с досадой подумала Аня. Она терпеть не могла, когда ее трогали. — Совсем уж... первый парень на селе...» — она вывернула свою ладонь их его руки.

— Скажи хотя бы, как тебя зовут? — крикнул светлоглазый удаляющейся Ане.

— Брунгильда! — прокричала Аня в ответ, не оглядываясь, первое, что пришло ей в голову.

Сельсовет она всё же нашла. Только смысла в этом было не много: на двери висел амбарный замок. Аня стояла на пороге и размышляла.

Рядом на огороде соседнего дома копался какой-то мужик.

— Здравствуйте, а Вы не подскажете, сельсовет сегодня не работает? — Аня была вежлива всегда!

— Так суббота же... — лениво отвечал мужик. — Нет, конечно... — он продолжал копать, но с интересом поглядывал на Аню.

Аня приуныла: «Ну только не это! Что мне теперь делать? Еще раз сюда возвращаться или ночевать в машине до понедельника?»

Видимо, мужик правильно понял ее расстроенный вид, потому что спросил:

— А Вы издалека приехали?

— Из Нижнего...

— А по какому вопросу в сельсовет?

«Здесь всем до меня есть дело...» — Аня уже начала смиряться.

— Да по вопросу наследства. Не знаю, что с ним делать, — честно сказала Аня. — Думаю отказаться.

— Я вообще-то работаю в сельсовете... — пожалел ее мужик, вытирая руки. — Могу подсказать. Пошли.

— Так-с, бабы Шуриин дом... — мужик открыл книгу, не менее амбарную, чем замок. — Общая площадь 41 квадратный метр, при нем 60 соток земли. Он принадлежал еще Вашей прабабке, бабе Нюсе, а уж потом перешел к ее дочери, Шуре. Я бывал у тети Шуры, нормальный дом... Я бы не советовал так сразу отказываться... Ну, подремонтируете. Правда, после похорон бабы Шуры мебель почти всю раздали соседям. Вот ключ от вашего дома, оставила Татьяна Никитишна, которая хоронила Вашу бабушку... Она сама из Починок... — Аня почувствовала укор в свой адрес.

— Я не уверена, что мы вообще будем сюда ездить, далеко очень. И продать его все равно не продашь, тут же каждый четвертый дом пустует. Я, наверное, не хочу оформлять документы...

— Ну вы знаете, дом Вам уже завещан и формально Вам уже принадлежит. Вы будете напрасно платить налоги за него и за землю.

— Что нужно сделать, чтобы не платить?

— Нужно написать официальный отказ от наследства в пользу государства.

— Давайте я напишу, — решила Аня. Она хотела поскорее разрубить этот узел и оказаться у себя дома.

— Если бы все так просто было ... Сначала нужно собрать несколько документов... нужно ехать в Починки. В понедельник съездите — возьмете, тогда и приходите снова к нам. Заодно заехали бы к Татьяне Никитишне, у нее сохранились личные вещи Вашей бабушки... — и мужик захлопнул амбарную книгу.

Аня вышла из сельсовета в раздумье и брела по улицам наугад. Раньше она думала, что наследство приносит радость. А ей наследство принесло только какие-то проблемы и бумажную волокиту... Ну и куда теперь? Где переждать до понедельника? Полтора дня... Две ночи... Или забить и ухать домой ни с чем...

«Пойду пока к машине, подумаю. Жарища ещё эта... Жара была, жара плыла, в июль катилось лето...» — вспомнились Ане строчки из детства. Даже шевелиться не хотелось, не то что думать. Когда уставшая и вымотавшаяся от жары Аня, наконец, очнулась от своих мыслей, то долго пыталась понять, где находится. Свою машину она оставила где-то в начале села, и теперь ей нужно было отыскать ее, пройдя по лабиринтам улиц с другого края деревни.

Откуда-то из проулка тянуло речной свежестью. Здесь Аня точно не была, но инстинктивно, как зомби, повернула в проулок и пошла в ту сторону, откуда тянуло ветром. Через несколько домов, улица неожиданно закончилась высоким, заросшим травой обрывом. Внизу текла широкая река. Аня подошла к краю и увидела, что прямо под ее ногами, в песке отвесного склона ласточки построили целую колонию гнезд, и если присесть на колени, то их можно достать руками. Конечно, она не стала беспокоить этих веселых птиц. Ане захотелось подойти поближе к воде, и она пошла вдоль берега в поисках спуска.

Ниже по течению Аня увидела небольшой пляж — серо-белый песок и отдыхающих. Местных и тех, кто «понаехал» на лето, было довольно легко различить. Местных было видно сразу по коричневому загару и, главное, по тому, в чем они купаются — мало кто был в модных купальниках, купались будто по принципу «кто в чем мимо проходил»: кто в

семейках и лифчиках, кто вообще в штанах и платьях. Было много рыжих макушек. Парнишки прыгали в воду с самодельной тарзанки и переплывали на другой берег сквозь сильное течение, распугивая стаи шныряющих десятисантиметровых рыбок. Отважные дети бросались в сильные ледяные волны, как в теплую лужу.

Холодные речные воды так и манили. Но у Ани не было купальника. Она с завистью посмотрела на девушку, которая плавала в шортах и майке. Аня так не могла. «Вот люди без комплексов...могут себе позволить. Им фиолетово на мнение других, поэтому они не страдают от жары. Свобода!.. — она потрогала воду — Бр-р, ледяная... — Нет, поправочка: это не люди, это моржи без комплексов».

Берег привел ее к бывшей плотине. Эпическое зрелище предстало перед Аней: бурные воды пенились через пороги и обрывчики бывшей плотины, а по берегам росли столетние ивы, укутанные дебрями «бешеного огурца». Местные переходили на другой берег прямо по порогам плотины, и вода была им по колено. А через два метра — обрыв и глубина. Воды с оглушающим шумом и белой пеной летели вниз, приятно холодя брызгами лица и босые ноги тех, кто стоял на берегу. Им приходилось кричать, чтобы слышать друг друга. Прямо в бурных водах, на краю обрыва сидели самые смелые и прыгали туда, вниз, следом за волнами. На бетонных плитах берегов люди целыми семьями мыли ковры. Какой-то отчаянный парень ехал по плотине прямо на мотоцикле. В одной руке он держал какую-то рыболовецкую штуку с сеткой, а второй — руль. Сильное течение грозило смыть его с обрыва, но он удержался. Один пацаненок поспешил снять мотоциклиста на телефон, чтобы завтра выложить эту картину в Интернет. Остановившись рядом с Аней, стоявшей на краю плотины, лихач смахнул воду с мотоцикла. Аня сделала пару шагов назад, чтобы мотоциклист не забрызгал ее.

— А ты чего не купаешься? — он повернулся к Ане, как к старой знакомой. Рыжая макушка и светлые глаза делали его добродушное «тыканье» каким-то не обидным.

— Да я... просто мимо проходила, — растерялась Аня. Почему здесь все такие фамильярные?

— Подвезти, что ли?

— Так...как бы...Я даже не знаю куда.

Мотоциклист засмеялся.

— Ну поехали тогда со мной кататься.

— Не... Я машину где-то оставила, не могу найти.

— Садись, вместе поищем.

Поразительная легковёрность, но ноги Ани сами запрыгнули на мотоцикл. Ну не мог такой открытый и дружелюбный красавчик сделать ей ничего плохого! Все так же придерживая одной рукой рыболовецкую штуку, красавчик повез Аню бог весть куда. Ей было приятно держаться за его крепкий пресс. Удивляясь себе, Аня мысленно отметила, что второй день подряд не стесняясь лапает местных мужиков.

Мотоциклист нарезал по деревне круг за кругом, пока на очередном повороте Аня не увидела свою машину.

— Стой! Приехали! — крикнула она, и ее водитель остановился. Спрыгнув на землю, Аня без удовольствия отметила, что он даже не спросил ее номер телефона.

— Ну, давай, красотка! — он подмигнул ей и умчался.

Аня вздохнула. Снова она осталась одна разбираться с особенностями местной культуры. Хорошо, что красавчик подвез, а то она бы до вечера машину на жаре искала.

В собственном салоне оказалось так нестерпимо жарко, будто этот железный склеп впитал в себя всё солнце пляжа. «Хуже быть уже просто не может, — совсем раскисла Аня. — Поскорее в тенек!» Она воткнула ключ «в зажигание» и с ужасом обнаружила, что он не поворачивается. Просто ни с места! «Нет, оказывается всегда есть куда хуже... Разве что только этого мне не хватало для довершения моего счастья.» Аня остервенело вцепилась в ключ, будто он был в чем-то виноват, вновь и вновь пытаясь повернуть его. Ей хотелось сломать его от злости и обиды. Застрять именно здесь! К кому идти? Что делать?

Через 10 минут безуспешных попыток она совсем потеряла надежду на спасение из этой ужасной деревни, открыла крышку капота и просто смотрела в нутро машины бессмысленным взглядом. Голова ее была пуста. Вдруг за ее спиной раздался громкий голос. От неожиданности Аня ударилась головой о крышку капота, которая упала и захлопнулась. Перед ней в демонстративную позу, на одно колено, прямо в пыль грохнулся утренний незнакомец, спасший ее от собаки. Протягивая правой рукой полевой колокольчик для Ани, левую он прижал к сердцу.

— О прекрасная Брунгильда! Будь моей женой! — с жаром воскликнул он.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал Аня, взяла ромашку и прислонила ее к ушибленному месту. — Ты за мной следишь, что ли?!

— Может, это ты за мной следишь? — сказал незнакомец, вставая и отряхиваясь. — Куда ни пойду — повсюду ты. Сильно ушиблась? Давай подую. — Он свысока подул на Анину макушку — Ну, до свадьбы заживет.

Его простота просто обескураживала. «Может, он местный Иванушка-дурачок? — подумала Аня — или у них здесь так принято общаться?

— Ну, что у тебя с машиной, красавица?

У Ани затеплилась надежда. Может, он дурачок, который разбирается в машинах?

— Я не знаю. Ключ не поворачивается.

— Давай посмотрю. — Он сел в машину и через секунду завел её. — Да у тебя просто руль заблокировало. В следующий раз поверти им одновременно с ключом — и будет тебе счастье. Недавно за рулем, что ли?

Аня не стала объяснять ему, что за несколько лет, проведенных за рулем, общаться с машиной на одном языке она так и не научилась. Она с силой хлопнула машину по капоту.

— Да бесит она меня! То не заводится, то жарко в ней, то найти я ее не могу!

— Эй, ты чего, с техникой так нельзя! Она у тебя умница: и завелась, и кондиционер сейчас включим, и нашлась же как-то.

— Это не она нашлась, а какой-то рыжий мотоциклист нашел... с рыболовной фигней в руке!

— Антон, одноклассник мой... — улыбнулся голубоглазый.

— Вы все тут друг друга знаете, что ли?

Ане стало обидно. Нет, это не она не вписывается в деревенскую картину, это они здесь все, со своим «простым» менталитетом, не вписываются в ее жизнь! А Аня может всё! Она с любой задачей справится! Вот только Иванушка-дурачок починил ее машину за секунду, а она, девушка с высшим образованием, не может ступить здесь и шагу, чтобы не вляпаться во что-то и не хлебнуть негативных эмоций. Ей постоянно требуется помощь местных! Ну почему она такая невезучая! В кое-то веки наследство дали — и даже отказаться от него без проблем она не может. Скорей бы домой, в город! Уехать прямо сейчас... От жалости к себе у нее навернулись слезы.

— Ну, Брунгильда, так не пойдет... — забеспокоился голубоглазый, заметив эти метаморфозы на Анином лице. — Давай я отвезу тебя домой, в родные пенаты к злой мачехе...

Слово «домой» стало последней каплей. Аня окончательно раскисла.

— Нет у меня здесь дома...

— Тогда поехали в кафе, хочешь? Покушаешь — и настроение улучшится. А то что-то ты совсем раскисла. Ну-ка, вылезай из машины.

Он по-хозяйски запер ее машину и за руку, как маленькую девочку, отвел ее в другую — стоящий неподалеку белый кроссовер.

— Не надо... — слабо сопротивлялась Аня. — Я и так покушаю... У меня еще этот остался... Комбикорм.

Красавчик удивленно вскинул брови:

— Комбикорм? Богато...

Он посадил её в салон кроссовера и закрыл за ней дверцу.

— Это твоя машина? — спросила Аня.

— Ну конечно. А ты думаешь, украл?

Как бы Ане ни было грустно, она все же не удержалась и съязвила:

— Сколько же у вас здесь колхозники зарабатывают, раз на таких машинах катаются?

Он опять проигнорировал ее сарказм:

— Нисколько. У нас давно никакого колхоза нет. Развалился в 90-е. Разобрали по кирпичикам. И совхоза тоже нет.

— Какая разница... колхоз-совхоз...

Он посмотрел на нее:

— Девушка, вы меня пугаете... Откуда ты такая приехала?

— Я не местная — надулась Аня.

— Я заметил. Саранск, Нижний?

— Нижний...

— Ты только не обижайся, но... Ты сама за рулем проехала 215 км?

— 220! — «Надутая» Аня в двух словах рассказала ему, как и зачем она здесь оказалась. И чем дольше она рассказывала, тем больше успокаивалась. То ли ей просто нужно было выговориться, то ли кондиционер произвел магическое действие.

В конце концов, ничего плохого с ней не случилось. Ну а дом? Что дом? Стоял и пусть стоит дальше. Аня окончательно взяла себя в руки и приняла свой привычный степенный вид с идеальной осанкой. Белобрысый слушал ее внимательно, а когда она, сгустив краски про современный бюрократизм, закончила повествование, он с понимающим лицом спросил:

— А у тебя, случайно, к спинке платья пуговичка не пришита? Я не обратил внимания.

— Что?? — не поняла Аня.

— Просто у тебя такая ровная спина, будто к платью пришита пуговичка, и на нее намотали твою косичку. Был раньше такой способ держать осанку... — он едва заметно улыбнулся.

Аня насупилась и промолчала.

— Да расслабься уже... Поможем мы твоему горю... Есть у меня знакомый в Починках... Дадут тебе твои справки в воскресенье...

Кафе оказалось в соседнем селе. Вопреки Аниным ожиданиям, это была не украинская хата, а вполне современное заведение. Чистенько и довольно уютно. Голубые занавесочки, плетеные солонки на столах, полная и добродушная официантка — всё было просто, по-домашнему. Дав себе слабину там, в Ильинске, Аня теперь уже ругала себя за то, что позволила себе глупое поведение при незнакомом человеке.

— Ты извини меня за беспокойство и за потраченное время. Я сама за себя заплачу.

— Ну уж нет. Я тебя сюда привез, я и платить буду. — Он заметно оскорблялся ее официальным поведением. Аня смотрела на него как на клопа.

«Ой, да ладно... Сельский увалень хочет заплатить за городскую девочку... Нью-ню, посмотрим...» — подумала она и стала выбирать самые дорогие блюда в меню. Как назло, ничего особо дорогого в нем и не предлагалось. — «Ну что же, возьмем количеством...» — и она стала заказывать все подряд названия.

Белобрысый засмеялся.

— Вас в городе не кормят, что ли? В тебя же столько не влезет!

— Ты не знаешь моих способностей... — Аня уплетала салатик за салатиком. Светловолосый наблюдал с умилением и интересом.

— Это потому, что ты ешь траву какую-то. От нее нет чувства сытости. На, попробуй мяса! Ням-ням! — он отрезал здоровый кусок со своей тарелки и, взяв вилку из ее руки, нанизал на нее мясо.

— Все люди должны есть «траву», — назидательным тоном сумничала Аня. — Мы не хищники, а приматы. У нас даже пищеварительная система травоядных. — Она позвала кошку, которая терлась у ее ног. — Кс-кс, Маруська! На. — И отдала мясо кошке. Кошка воздала благодарение Аллаху за такой подарок судьбы и, рыча, стала быстро поглощать его.

— Человек — хищник. — Светловолосый заказал себе еще мяса. — Я бы поспорил насчет пищеварительной системы, там не всё так просто. К тому же, у нас бинокулярное зрение — зрение хищников. А травоядные хотя не убивают себе подобных, как человек, но и не умеют смотреть на небо, как хищники... Но, чтобы сделать тебе приятное, я готов сойтись на всеядности. — И он протянул ей свою большую примиряющую ладонь.

Аня промолчала. Обычно после ее фразы про «пищеварительную систему травоядных» собеседник сдавался и менял тему.

— Как тебя зовут? — спросила она, протягивая ему свою руку в ответ.

— Гюнтер! — он засиял, будто ожидал этого вопроса, и пожал ее ладошку.

— Гюнтер?.. Я вижу, интернет у вас здесь хорошо ловит...

— Не жалуемся.

«Похоже, он был прав: покушала — и настроение наладилось, — подумала Аня. — Надо же, как мало нужно, чтобы заслужить благосклонность женщины — всего лишь накормить ее...»

Когда Аня, отдохнув и наевшись, посмотрела на часы, времени было больше, чем хотелось бы. Гюнтер заметил её движение.

— Значит, так. Сейчас забираем твою машину и едем ко мне. А завтра утром я отвезу тебя в администрацию Починок, чтобы ты ее с колхозом не перепутала...

— Эээ, я уточнить, — перебила его Аня. — А ночью я, то есть, у тебя?

— Ну конечно. Как будто у тебя есть варианты. Если хочешь, можешь ночевать как вчера, в машине. У нас как раз местный уголовник «выписался», может, познакомишься.

— Пожалуй, я так и сделаю.

— А мне прикажешь сидеть в кустах и ждать, когда тебе опять понадобится помощь?

Аня фыркнула:

— Можно подумать, я пропаду, как только сделаю шаг от тебя.

— Так и есть. Ты не приспособлена к деревенской жизни. Это другой мир для тебя.

— Но уж переночевать без тебя я смогу точно!

— Как хочешь, — пожал он плечами. — Но если передумаешь, запомни адрес: улица Октябрьская, дом 16.

— Не передумаю.

— Улица Октябрьская.

— Угу.

— 16.

— Ага.

— Повтори адрес.

— Октябрьская, 16.

Они вернулись в Ильинское — туда же, откуда он ее и забрал. Аня молча пересела в свою машину и демонстративно поехала в сторону бабкиного дома. В зеркальце заднего вида она видела, что Гюнтер, облокотившись на свою машину, смотрит ей вслед, и еще больше выпрямилась.

Но чем ближе она подъезжала к бабкиному дому, тем больше спина ее ссутуливалась. Чем ближе был дом — тем больше она его боялась... Когда Аня вновь увидела его зловещие очертания в сумерках, она поняла, что повторения прошлой ночи у нее точно больше не будет: жутко, да и так хочется простых бытовых человеческих условий... Самому убогому жилищу она была бы сейчас рада больше, чем родной машинке. Она притормозила у дома. Ну почему он так пугает?.. Призраки? А вдруг и вправду какой-то маньяк из тюрьмы вышел... Утром в магазине говорили... Аня посмотрела на зловещие, зияющие черные окна дома и с уверенностью нажала на педаль газа, проехав мимо.

«Нет, к нему тоже нельзя ехать... — уговаривала она себя. Меня не так воспитывали, чтобы я ночевала у всех подряд или крутила романы с деревенским хлыщом. Да и потом, одно из двух: либо он сумасшедший, который хочет благодетельствовать первых встречных, либо он бандит, который хочет заманить меня к себе в обитель зла. Может, он вообще про себя говорил, когда рассказывал, что здесь уголовник «выписался»?.. В магазине ждали, что кто-то, кто из тюрьмы вышел, прирежет кого-то... Может, Гюнтер и есть тот самый уголовник? Конечно, он не похож на маньяка, но это ни о чем не говорит. Да, он, в общем-то, неплох. Что-то в нем располагает к себе, что-то притягивает... Его голос. Его взгляд. Его плечи... Нет, я к нему точно не поеду. Нет. Хотя...

«Какая у него улица? Что-то, связанное с революцией...» — Аня уже пожалела, что не потрудилась запомнить его адрес. Наученная горьким опытом прошлой ночи, она решила искать его дом до наступления темноты, пока на улицах еще есть люди.

— Вы не подскажете, где здесь улица Революционная? — спрашивала она у прохожих и уже по привычке ожидала встречного вопроса про какие-то невразумительные яйца. Но никто не знал такую улицу.

«Надо спросить у старожил. Уж они-то должны знать!» — заметила она бабушек, громко спорящих в полутьме на лавочке у одного из домов.

— Я своих курей всех до единой на двор загнала! Этому уголовнику жрать что-то надо,

сейчас начнет таскать...

— Я уж и внучке сказала, пусть пока не приезжает. Она у меня девка видная, красивая... Вот к августу его за что-нибудь опять посадят — тогда спокойнее будет.

«Опять про «утреннего» уголовника... Вся деревня только о нем и твердит», — подумала Аня и обратилась к «старожилам».

— Подскажите, пожалуйста, где здесь улица Революционная?

Пока бабульки недоуменно обсуждали между собой, что это за улица, позади хлопнула дверь подъехавшей машины. Аня обернулась и засияла: вот уж никогда б она не подумала, что будет так рада снова видеть Гюнтера!

— Да как так-то?! — кипятился он — я раз пять сказал: улица Октябрьская! Октябрьская же, а никакая не Революционная! — он подошел и, схватив ее за руку, поволок к машине. — Всё в порядке, бабушки! — крикнул он ворчащим старушкам и продолжил бубнить: ну как тебя оставить одну хоть на пять минут...

Его дом выглядел вполне себе мирно. Белые кирпичи, светлое дерево и красивые резные наличники, пять штук в ряду. Около дома светил фонарь, мирно шелестели листочки на березке, растущей во дворе.

— Заходи! — он открыл дверь перед Аней.

«Ну, будь что будет! — подумала Аня и перешагнула через порог. — Ого, похоже от деревенского дома здесь только наличники...» Перед ней оказался обычный городской добротный коридор, выходящий на 4 большие комнаты и не менее большую кухню. «А снаружи дом казался не большим. Внешне так и не скажешь, что в этом доме столько места, столько комнат убирается...» Аня даже сама не ожидала, что будет так рада человеческому жилищу. Она раздулась и осторожно пошла осматривать комнаты. Было весьма уютно. Особенно Ане понравилась комната, оббитая светлым деревом вместо обоев. На полу лежал большой белый ковер с высоким пушистым ворсом. Ничего лишнего, только странно соседствовали между собой домашний кинотеатр в углу и старинная икона над ним. Гюнтер включил свою технику. На экран вылезли наименования треков — тонны музыки. Аня не успевала читать названия исполнителей: рок, попса, классика, фолк, хаос...

— Ты, что ли, ди-джем в клубе работаешь?

— Вообще там не бываю.

— А как же вчера?

— Друг, который там работает, попросил музыкой поделиться. Считаю, что это судьба подстроила, чтобы нам с тобой встретиться.

Аня усмехнулась и пошла дальше. Везде чисто. Слишком чисто... Не хватало разбросанных шмоток, бесполезных сувенирчиков на полочках, да и просто рюшечек на занавесках... С кем же он живет? Пока Гюнтер не видел, она открыла дверцу и заглянула в шкаф: ряд мужских рубашек, причем породистых, брендовых — белых и прикольных, но все ничегошные такие, со вкусом... Аня решила прощупать почву:

— Где твоя семья? — крикнула она.

— Кого именно ты имеешь в виду? — спросил он из другой комнаты.

— Ну... жена, дети...

— Ты невнимательна, Брунгильда! Я уже сообщал тебе, что я завидный жених, — показался он на пороге.

— А родители?

— Они живут в другом месте. Пойдем, я покажу тебе, где ты будешь спать. Я сейчас постелю. — Он водил ее по дому. — А вот здесь туалет. В баню пойдешь? Она еще теплая.

— Нет! — взвизгнула Аня и для интереса заглянула в туалет. Он перевернул ее представление о сельских туалетах — всё было как в городе.

— Эээ... А где же дырка в полу?..

— Тебе нужна дырка? Ну, ходи к соседям, у них есть. Я договорюсь.

— У тебя и вода в доме? И горячая даже? — Аня не переставала удивляться.

— А ты думала, в деревне люди на банановых пальмах качаются?

— Ну не обязательно на банановых...

— Ну дожили: раньше иностранцы думали, что в России ничего нет, кроме медведей, которые пьют водку и играют на балалайках, а теперь городские так же думают про деревню... Есть будешь?

— Я не ем на ночь.

— Да я и не сомневался. Хоть чай со мной попей.

Он пожарил себе яичницу из 8 яиц, налил горячего чаю. Аня взяла чашку. Стало тепло и спокойно. Он стянул с себя рубашку и бросил ее на кресло, оставшись в одних джинсах. У Ани захватило дух: да у него просто идеальная, дорогая фигура! Загорелое тело, ни грамма лишнего жирка, ни одной слабой мышцы. Тело Аполлона... Так и хочется потрогать... — всякие неприличные мысли полезли Ане в голову... Она покраснела и не сразу услышала, что он спрашивает.

— Брунгильда, хочешь шоколадку? — и он достал из холодильника хороший горький шоколад. Аня улыбнулась своим мыслям:

— А у тебя и шоколадка в холодильнике водится? Как мило.

— А ты думала, у меня холодильник сырым мясом забит?

Примерно так она и думала.

Кто он? Еще уголовник этот покоя не даёт... Да нет, это не может быть он.

— А что, у вас здесь правда какой-то уголовник из тюрьмы вышел?

— Правда.

— А за что сидел?

— Да за всё... — пожал плечами Гюнтер.

— У. Душевно у вас тут...

Они поболтали ни о чем и разошлись спать по разным комнатам.

— Ну, женских сорочек у меня не водится, могу предложить на выбор свою рубашку или футболку.

— Нет, спасибо. Не буду злоупотреблять Вашим гостеприимством, Гюнтер, — расшаркалась Аня и закрыла дверь. «Ну неест. Майки чужого сельского мачо носить... это уже перебор».

Уходя из кухни, Аня незаметно прихватила с собой вилку, которую теперь уютно устроила у себя под подушкой.

«Ну, обители зла, вроде бы, не видно... Уже неплохо. А если он будет приставать ко мне ночью — воткну в него вилку! Хотя... Жалко портить такое тело», — она вспомнила свои неприличные мысли и никак не могла заснуть. Немного поворочавшись в кровати, на цыпочках прошла в его комнату — проверить, что он делает. Гюнтер мирно сопел. Аня вернулась к себе с легким разочарованием и заснула — крепко, как младенец.

Проснулась она поздним утром. В комнате было тихо, светло и хорошо. С улицы доносилось пение петухов. Хотелось поваляться подольше. Где-то в глубинах комнат тихонько погремявала посуда и вкусно пахло. «Как в детстве по воскресеньям, когда мама блинчики пекла» — подумала Аня и ноги, гонимые любопытством, сами понесли ее на кухню. Так и есть: Гюнтер в своем вчерашнем «эротическом» наряде, с мокрой головой и полотенцем на голом плече, пек блины.

— Доброе утро, моя прекрасная принцесса! Садись завтракать. — И он, пробегая мимо со сковородкой, чмокнул ее в щечку. Аня умилилась.

— Почему у тебя всё так просто? — улыбнулась она.

— А зачем всё усложнять? Обычно проблемы сами находят нас, не стоит придумывать себе дополнительные.

Аня взяла чашку ароматного кофе в руки — то, о чем она так мечтала вчера утром. Блаженство...

Блинчики тоже оказались восхитительными. Гюнтеру было заметно приятно любоваться, как обжирается с утра пораньше его шедеврами Брунгильда.

— Какие сны видела моя принцесса?

— Никакие. Спала как убитая. А тебе что снилось?

— Таблица Менделеева.

Аня засмеялась.

— А ты всегда так рано встаешь?

— Кто рано встает — тому Бог подает. Так, на турнике поболтался.

— Зачем? — фыркнула Аня, не удержавшись от комментария. — Это типа фитнеса, что ли? А для кого? Перед кем красоваться-то? Перед коровами?

— Захотелось. Не знал, что спортом для кого-то занимаются. Я это делаю для себя, просто так, потому что мне просто нравится... Ну, пора ехать в Починки, нас уже ждут.

Когда Аня вышла на улицу, ее вновь охватили головокружительные запахи утреннего цветущего луга. Хотелось дышать глубже и глубже. Она решила осмотреть территорию и заглянуть на огород. Гюнтер провел ей экскурсию. Странное смешение стилей продолжалось и на улице: рядом с современным гаражом стоял памятник русского зодчества — мазанка, масенький летний домик без окон. «Обмазанная глиной, потому и мазанка», — пояснил Гюнтер. На огороде не росли ни огурцы, ни какие-либо другие овощи — все было засажено ровненьким газоном. Только старые яблони возвышались по центру, да кусты смородины, вишни и малины по периметру. У забора, над рядом незамысловатых цветочков кружились пчелы.

— Ты цветочки посадил? Как миленько! — хихикнула Аня.

— Это жена брата развлекается... Ну всё, поехали!

Перед тем как сесть в машину, Аня несколько раз напоследок глотнула воздуха. Наверное, она только сейчас поняла, что называют «чистым воздухом», ради которого некоторые люди меняют города на деревни.

На выезде из Ильинского, около остановки, Гюнтер остановился около одиноко стоящей пожилой женщины в платке и с ведрами.

— Бабуля, в Починки?

— В Починки, милый, еду викторию продавать.

— Садись, подвезем.

Бабуля с готовностью села на заднее сиденье. Она со своими ведрами как-то плохо

сочеталась с белоснежным кроссовером Гюнтера. Аня скривила недоумение на лице.

— Автобус ходит два раза в день, — тихо прокомментировал Гюнтер. — Поэтому у всех адекватных местных водителей неписанное правило — подвозить.

Бабуля протянула Ане на переднее сиденье стакан великолепной спелой клубники:

— Угощайся, милая!

— Спасибо!

— Вам спасибо, молодые. Дай вам Бог доброго здоровья.

— Гюнтер, почему эта милейшая бабуля назвала клубнику викторией? — заговорщическим тоном спросила Аня.

— Потому что клубникой здесь называют полевую, дикую ягоду, — вторил ее тону Гюнтер. — А это обычная виктория!

Районный центр оказался большой деревней. Они заехали к «нужным людям» и быстро получили все необходимые справки для отказа от наследства. Аня вспомнила, что мужик из сельсовета советовал ей забрать личные вещи бабы Шуры у некоей Татьяны Никитичны. Зашли и к ней.

Татьяна Никитишна оказалась неспешным и недоверчивым божьим одуванчиком. Она пустила их на порог только получив Анин паспорт. После этого долго шла через сени, где пахло книгами и старостью, долго копалась в комодке... Аня и Гюнтер стояли в ожидании.

— Баба Шура сама накопила денег себе на похороны, — наконец, прервала она молчание. — Сама оставила мне наказ, как и где ее хоронить... Вас не было на ее похоронах, и жизнью ее Вы так же не интересовались, как и смертью, — не стеснялась Татьяна Никитишна в укорах. — Но дом она завещала Вам... Мне это не любо, но я сделаю всё, как она наказывала. Вот ее икона, которую она просила передать лично Вам в руки, вот фотокарточки и украшения... А здесь все документы и письма, которые лежали в ее комодке. Я собрала всё до последнего листа, некоторые принадлежали еще ее матери. — Она передала в Анины руки весь этот незамысловатый скарб. — А вот это письмо ее матери она особенно просила передать Вам лично в руки, барышня, — она протянула кусочек бумаги, пожелтевший и помятый от времени.

«Моей внучке Анне на день ее 20-летия. От Анны Матвеевны», — прочитала Аня в уголке конверта надпись мелким почерком, сделанную химическим карандашом. Ей хотелось провалиться сквозь землю.

— Нет, это вряд ли мне... это ошибка, — тихо сказала она, протягивая конверт обратно. Что за Анна Матвеевна? Мою прабабку звали Нюсей. А ее единственная внучка — моя мама ее тоже зовут не Анна.

Татьяна Никитишна посмотрела на Аню так, что, казалось, она просверлит в ней дырку одним взглядом.

— Никакой ошибки! — прошипела она. — То, что письмо от Вашей прабабки — это очевидно. И, я думаю, Анна Матвеевна не осердится на меня за то, что я передала ее письмо не внучке, а правнучке Анне.

Выйдя из дома Татьяны Никитишны, Аня вздохнула с облегчением. Подальше отсюда... Так паршиво на душе у нее давно не было. Они прошли несколько шагов. Гюнтер молчал. Она посмотрела на него:

— Что? И ты считаешь, что я мерзкая внучка, приехавшая только ради наследства?

— Ну-у... Вообще-то... Да! А разве нет? Я всегда думал, что свои «корни» нужно знать и неплохо бы уважать. Особенно когда наследство от них получаешь.

Аня отвела взгляд.

Гюнтеру, видимо, захотелось подбодрить ее.

— Значит, моя Брунгильда оказалась простой Аней? — запаясничал он. — Брунгильда идет тебе больше. Аня — звучит слишком банально. Вот если б хотя бы Нюся...

— Мне просто не приходило в голову, что «баба Нюся» — это производное от Анны, — перебила его Аня. — Меня- то Нюсей, слава богу, никто не называет!

— Неужели ты думала, что твою прабабку звали Нюся Матвеевна?

— Я просто никогда не задумывалась над этим. Я ее никогда не видела, и мало о ней знаю.

— То есть о тех родственниках, кого ты не встречаешь каждый день в квартире, можно ничего и не знать?

Аня молчала. Он опять заёрничал:

— Позор тебе! Вот она — современная молодежь...

— Ну всё, хватит! — опять перебила его Аня. — Ты прав и мне стыдно. Просто у вас здесь принято давать какие-то странные кликухи. Мама, помнится, рассказывала, как трем родным братьям в паспортах записали три разные фамилии согласно их кличкам. А когда я искала дом, то меня все посылали на какие-то яйца... как их...

— Какие еще яйца?

— Погоди, вспомню... Яика, что ли..

— А, Иика? — он засмеялся.

— Точно. Что это такое?

— Да это просто местное название улицы. Ты еще не знаешь, на какой улице живу я, по-местному названию.

— Это Октябрьская-то? Я запомнила, обрати внимание... Ну и на какой же?

— На Самодурихе.

— Что?? Что за ругательное название?

— И ничего ругательного. Землю раньше колхозные власти не давали, а людям селиться где-то нужно было. Вот они и строили дома по ночам без разрешения, самодуром. Отсюда и название пошло. Надо же как-то новую улицу называть. Люди не виноваты, что село появилось раньше, чем официальная документация. Жил на улице Лукьян — получите Лукьянику. Жил поп — получите Попову гору. Жили нищие — получите Махровку.

— Ну а Иика-то почему?

— Этого я не знаю. История умалчивает.

— А еще зады какие-то... — вспомнила Аня.

— Не зады, а зада. Это...ммм... Ну как бы усадьба, не огороженный огород за домом — уж извините за оксюморон... Огород 50 соток, пока туда дойдешь... Вот так и назвали. Это как бы изнанка улицы, не красная линия, а задворки.

— А ты хорошо объясняешь.

Своим голосом Гюнтер заглушал голос Аниной совести, и она переключилась на исследование местности. Проходя через центр Починок, она, как ребенок, читала вывески, написанные краской на ватмане: Дом культуры, Дом Пионеров — всё такое советское. И вдруг вывеска «Кинотеатр».

— Ничего себе, здесь есть кинотеатр? Что там показывают?

— Понятия не имею, я там лет 15 не был...

— Позор! Что за молодежь пошла — вообще не следит за веяниями культуры, — передразнила его Аня. Гюнтер остановился и глаза его стали колючими, как крыжовник.

— Пошли! — и, схватив ее за руку, он потащил ее в кинотеатр.

— Да что ты меня все время тащишь! — возмущалась Аня.

В кинотеатре, казалось, от Советского Союза сохранилось всё. Даже запах. В пустынном холле, выложенном советской плиткой, им так обрадовались местные сотрудники, что специально для них провели сеанс — фильм ужасов с неизвестным Ане названием.

— Ничего себе, целый зал для нас двоих! — Аня была в восторге. — Выберем лучшие места!

Они зашли в советский зал, вдыхая историю, сели в самый центр на смешные короткие сиденья и приготовились смотреть ужас ужасный...

Когда кино началось, Аня зашлась в смеховой истерике. Это был американский «триллер» лет так 60-х, с нарисованными вручную спецэффектами, наиглупейшим сюжетом и театральной игрой актеров. Несколько раз лента, видимо, рвалась и склеивалась, потому что были смешные накладки кадров. Все это было так нелепо, что Аня прохохотала непрерывно весь час, что шел фильм. Гюнтер был счастлив от этого и получал эстетическое удовольствие, глядя на произведенное на Аню впечатление.

— Это был самый смешной ужастик в моей жизни! — вытирая слезы от смеха, говорила Аня, выходя из зала.

— Теперь ты понимаешь, почему я не был в этом кинотеатре лет 15?

На обратном пути в Ильинское они посадили в машину целую компанию молодых людей, которые шли пешком по жаре из одной деревни в другую. Это были очень веселые три парня и две девушки, которые, усевшись на заднем сиденье в два слоя, заряжали своей позитивной энергетикой, всю дорогу выкрикивали разные веселые глупости и, пританцовывая всеми частями тела, пели песни:

— Коровка на лугу, на лугу, на лугуууу... — вопили они хором. — Мычала на луну, на луну, на луну-у-у... — А когда песня заканчивалась, начинали новую:

— Бор-до-вые халаты, о-о-о... — разносилось в открытые окна машины. — Коричневые кеды, о-о-о, зеленые колготы, о-о-о...

Аня и Гюнтер двигались с ними в такт и подпевали. Даже жалко было их высаживать. «Спасибо, братан! Вы суперрр!» — кричали они и пожимали руки.

Высадив их рядом с рекой, Гюнтер поехал вдоль берега по песчаной дороге. Здесь, с другой стороны от дороги, начиналось поле. Перед машиной, будто указывая дорогу, перелётывали трясогузки, а за машиной вздымались клубы пыли. Ни одной живой души вокруг. В открытые окна дул свежий ветерок с реки. Здесь она была не такая бурная, но заросшие густой травой берега были всё же крутыми. Вспомнив плотину, Аня спросила:

— Как называется эта река?

— Это великая русская река Алатырь! — пафосно сказал Гюнтер. — Хотя большая ее часть на самом деле протекает по Мордовии.

— Тут была плотина?

— Бери выше: гидроэлектростанция. И мельница. Но это было давно... А сейчас в омутах живут гигантские щуки и сомы. Однажды, когда мы с братом рыбачили, они

перевернули нашу лодку.

Неожиданно он остановил машину посреди дороги, выбежал и, как был, в рубашке и джинсах, сиганул с небольшого обрывчика в воду. Вынырнув, стал плавать и нырять, совсем как дельфинчик. Аня невольно залюбовалась.

— Ты хорошо плаваешь! — крикнула она ему, открыв свою дверку.

— У нас все хорошо плавают... Алатырь обязывает. Иди ко мне? — позвал он.

— Нет, простите, я забыла свои парадные лифчик и семейки дома! — фыркнула Аня, вспомнив «купальные костюмы» местных.

— Ах да, простите, сударыня, и я забыл, что вы городская цаца, — раскланялся в воде Гюнтер. Аня вышла из машины и встала над обрывчиком.

— Мое платье, к счастью, стоит слишком дорого, чтобы я портила его Вашей грязной водой, Гюнтер! — парировала Аня.

Гюнтер подплыл поближе и встал напротив нее. Вода была ему по подбородок.

— Тогда позвольте мне взять эту обязанность на себя, сударыня, — и он плесканул на ее платье ледяной водой. Аня взвизгнула.

— Ну всё, я раздавлю тебя, презренный раб! — крикнула она и хотела вдавить его голову в воду босой ногой.

Он увернулся, и Аня с визгом занырнула в воду с головой. Ледяная вода обожгла ее тело тысячей иголок! Аня захлебнулась, вынырнула и с ужасом поняла, что не чувствует под собой дна! В панике начала бултыхать руками по воде и уцепилась за единственное твердое, что под них попало, — плечо Гюнтера. Ничего не соображая от страха и холода, подтянулась поближе и залезла на него как обезьянка — с руками и ногами, трясась от холода и страха и инстинктивно прижавшись к нему всем телом — какой он тепленький... тепленький...

— Спокойно! Я держу тебя, — тихо сказал Гюнтер. Он действительно крепко прижал ее к себе, и Аня увидела перед собой его голубые глаза. Ей стало жутковато — он глядел на нее взглядом голодного волка. Она сразу пришла в себя и замерла: «Боже, что я делаю — вишу полуголая на шее у мужика, даже имени которого я не знаю... Но какой же он притягательный...» Избыток эмоций перехватывал дыхание, оглушал. Гюнтер брал власть над ней одним своим волчьим взглядом, и хотелось ему подчиняться...

«Нет, я не могу! Это всё неправильно!» — Аня преодолела себя и отодвинулась от него подальше.

— Извини. — Тихо сказала она. — Я не хотела...

И, сама не поняв, чего же именно она «не хотела», оттолкнулась от Гюнтера и пособачьи поплыла к берегу. Когда она выходила из воды, новая волна стыдливости и вместе с тем ощущения собственной соблазнительности охватила ее: ее дорогое платье облепило всё тело, выставляя напоказ всё, что можно и чего нельзя... Она быстро посеменила в машину. Гюнтер молча стоял в воде и смотрел ей вслед. Простояв так еще пару минут и о чем — то размышляя, он, наконец, вышел и они поехали дальше, делая вид, что ничего не случилось, и Аня только искоса бросала взгляд на его широкую грудь в облепившей ее мокрой рубашке.

— Вчера в тебе убралось столько еды, что ты напомнила мне стишок про Робина-Бобина... — говорил Гюнтер, чистя картошку огромным ножом. Они разместились на светлой кухне. Пока он хозяйничал, она достала полученную в Починках пачку грустных документов из бабушкиного комода. Пачка была дольно внушительной — письма,

фотографии, записки и даже какие-то платежки. Разложив всё это на кухонном столе, Аня по очереди их просматривала.

— Это я только здесь, в деревне, столько ем... Не понимаю, зачем хранить столько старья?

— Значит, эти вещи были ей дороги...

Писем было много, а отправителей мало — в основном они повторялись: Анина бабушка; родственница из Нижнего; письма самой бабы Шуры — очевидно, их кто-то вернул; какой-то мужик со смешным именем Лукьян.

— Смешно: — заметила Аня — Лукьян из Лукоянова... Одни лУки какие-то... Будто другой еды не было, чтоб в честь нее назвать людей и населенный пункт. А у нас одни Анны. Что у людей с фантазией?

Потом посмотрела фотографии. В основном, это были черно-белые, советские старые «карточки» с неизвестными Ане людьми. Смотреть их было не интересно — она даже не знала, кто из этих людей баба Шура, кто баба Нюся, а кто пятиуродная тетушка. На одной фотографии вообще были изображены чьи-то похороны.

— Ну капец фотография... — удивилась Аня. — Никогда не понимала, зачем такие фотографии делать... Кому в радость? Ладно хоть трупак крупным планом не сфоткали... — она убрала фотографии подальше и вернулась к разбору писем. — Надо разобраться с иерархией старушек. Моя прабабка — Анна Матвеевна. У нее две дочери — покойная Шура и моя бабушка. У Шуры детей нет, у моей бабушки единственная внучка — это я. — В руки ей попал пожелтевший конвертик, которые особенно просила передать баба Шура. «Моей внучке Анне на день ее 20-летия. От Анны Матвеевны». И дата. — И вот, значит, моя прабабка пишет письмо какой-то «левой» внучке, которой никогда не существовало, по имени Анна. Интересно, а если бы меня звали Ефросинья, то письмо бы мне отдали? Или его бы никто никогда не получил?

— Я сварил тебе настоящий деревенский борщ, чтобы ты, наконец, наелась, — не обращая внимания на ее размышления, Гюнтер торжественно поставил на стол огромную кастрюлю. — Моя бабушка всегда говорила: кушай супчик — и будешь толстый и красивый.

— На мясном бульоне?

— Конечно. Куча мяса. Давай ешь!

— Прости, но я не ем трупную вытяжку даже в порядке исключения, — в задумчивости сказала Аня, не заметив, что Гюнтер немного расстроился.

— Ну и чем мне тебя тогда кормить?

— Ну... я бы, конечно, съела вареной фасоли и спаржи.

— Боюсь, вареной фасоли и спаржи в местном магазине не водится. Могу предложить картошку с салатом из помидоры и огурцов.

— Давай... Моя прабабка Анна умерла, наверное, лет 50 назад, я не знаю. И письмо, судя по дате, написано примерно тогда же.

Конверт был распечатан. Видимо, кто-то прочитал его раньше Ани. Может быть, сама баба Шура? Но почему она не передала его по назначению? Тоже не знала никакой внучки Анны и решила разобраться? Возможно, ее мать дала это письмо ей перед смертью? Или она сама его нашла, разбирая архивы. В любом случае, при чем здесь сама Аня и зачем этот конверт особенным образом просили передать ей?

Аня достала из конверта листочек, выдернутый из советской ученической тетрадки. В письме было всего несколько строк, написанных старческим почерком. Аня зачитала их

вслух: «Дорогая моя внучка Анна! В своем доме я оставила тебе немного безделушек, которые принадлежали нашей семье. Пожалуйста, найди их, для меня это важно. Мне хотелось бы, чтобы часть из них ты оставила себе на память, а остальными правильно распорядилась. Анна Матвеевна.»

— Какие еще безделушки? И где именно в доме? — ничего не поняла Аня.

— Похоже, прабабка для тебя сокровища несметные зарыла, — пошутил Гюнтер.

Но Аня задумалась серьезно.

— У нас в семье, вроде бы, не было зажиточных. Откуда взяться сокровищам? У крестьян, насколько я знаю, и на хлеб-то насущный не всегда хватало. Да и зачем их зарывать? Отдала бы дочери — да и всё.

Аня стала читать все старые письма подряд, но они ничего не проясняли. Какие-то нелепые предположения стали приходить ей в голову.

— Вообще, похоже на простую записку, которую на столе оставляли, когда на работу уходили — сотовых-то еще не изобрели. Но, вроде бы, не было никакой внучки Анны... да и зачем запечатывать записку в конверт? Да ну, бред какой-то... — Она ещё подумала. — А может, всё же были зажиточные? Может, вообще дворяне были, а я не в курсе? — неуверенно, но с надеждой предположила она. — Надо маме позвонить.

Ее размышления прервали какие-то голоса с улицы. Аня бросила письма и подошла к окну. По дороге ехала газелька-фургончик, которая часто останавливалась, и водитель громко выкрикивал что-то невнятное.

— Что-то случилось? Может, ему помощь нужна? — забеспокоилась Аня. — По-моему, он кричит что-то про пузо и башку...

Гюнтер засмеялся и вышел. Аня следила за ним в окно. Он подошел к водителю, тот открыл фургончик и они оба там довольно долго копались. Потом Гюнтер выбрался оттуда с большим арбузом и вернулся в комнату.

— Он кричал не «пузо» и «башка», а «арбузы» и «картошка». Люди из Астрахани привезли арбузы, чтобы поменять их на картошку.

— Какую картошку?

— Обычную. Раньше местные много картошки сажали — на тех самых задах, о которых я тебе рассказывал — чтобы потом сдать за деньги. А теперь никто не принимает, или слишком дешево- много работы за копейки выходит. Вот зада у всех и зарастают. Скоро уж лес будет, пойдем за грибами. А в других регионах такая же ерунда с другими продуктами. Вот они и придумали обмениваться.

— Ты дал ему картошки? — неуверенно предположила Аня.

— Нет, — засмеялся Гюнтер, — я дал ему денег. Да и рано они за картошкой приехали, не копают еще.

Он вырезал сверху маленькую дырочку и разломил весь арбуз руками пополам. Сочные, бордовые клетки его засверкали в луче солнца.

— Это тебе, — он поставил половину арбуза перед Аней, — а это мне.

Ане было не до арбуза. Она набрала номер. Мама не брала трубку.

— Ты что, серьезно? Да ладно тебе ... — удивился ее надеждам Гюнтер. — Какие ещё сокровища? Сейчас напридумываешь еще. Мало ли что имела в виду Анна Матвеевна. Да даже если и так, то их за столько лет наверняка уже кто-то нашел. Выброси из головы.

Но Аня уже не могла выбросить. Мысль о том, что она может найти настоящий клад, не давала ей покоя. А вдруг там сокровища? «Я стану богатой... Может, я вообще дворянка?» —

размечталась Аня и глаза ее засверкали.

— Многие мечтают найти клад, а у меня, быть может, есть такая возможность!

— Дались тебе эти дворяне! — пытался образумить ее Гюнтер. — У меня в роду точно одни крестьяне были, и ничего плохого в этом я не вижу. В наших местах, конечно, иногда находят сокровища. Говорят, что здесь проходил Степан Разин со своей дружиной и припрятывал награбленное. В Лукоянове даже камень Степана Разина есть. Всё вокруг перекопали... Но не думаю, что твоя прабабка как-то связана с Разиным...

Мама, наконец, взяла трубку.

— Мам, привет, как дела?.. Да, всё в порядке, собираю справки... Где ночевала? — она посмотрела на Гюнтера и, не моргнув глазом, соврала — у бабы Маруси. Ну это бабушкина троюродная сестра, ты не помнишь... — Гюнтер хмыкнул. — Случайно встретила на улице... Да... Ну, потом расскажу! Ты мне лучше скажи, зажиточные у нас в роду были? Ну просто интересно стало... — она включила громкую связь, чтобы он тоже слышал, показав ему жестами, чтобы он молчал.

— С чего это ты вдруг заинтересовалась семейной историей? — забубнил смартфон. — Столько уж раз тебе рассказывала, но ты же не слушаешь, глаза закатываешь, некогда тебе сразу... — мама разошлась.

— Мам! — она уже пожалела, что включила громкую связь.

— «...Мне не интересно знать про людей, которых я никогда не видела!» — передразнивала Аню мама. — «Я уже сто раз слышала рассказ про то, как ты яблоки в детстве воровала...»

— Мама! — закричала разнервничавшаяся Аня. — Просто скажи, были или нет у нас богатые в роду! — Гюнтер сдерживал улыбку.

— Вообще, у нас все крестьяне были, — наконец, отвела душу мама. — Была, конечно, байка про то, что через нашу деревню проезжал один князь и после него трое ребятишек в деревне родилось, но вряд ли он вообще про их существование узнал. Да почему ты спрашиваешь-то?

— Думаю, почему дом такой драный мне достался! — выпалила Аня. — Значит, одна нищета у нас была? — Аня разочаровалась и почти вернулась на землю.

— Никогда нищих у нас не было! — взвизгнула мама — Всегда колбасу на хлеб клали! Говорят, даже какой-то купец был! Или торгаш какой-то, уж не знаю... брат бабы Нюси, вроде.

Аня заинтересовалась:

— Какой купец?

— Да не знаю я.

— Ну что ж ты ничего не знаешь, мама?!

— Да потому что когда мне бабушка рассказывала, я так же, как ты, слушала. А сейчас уже спросить не у кого. Вот говорила же твоя тетка...

— Имя, мама! — умоляюще перебила Аня.

— Чье имя?

— Имя купца того хотя бы скажи! Знаешь?

— Имя знаю. Дмитрием его звали. А ты смотри там, веди себя хорошо... Местные пацаны знаешь какие приткие...

Аня быстро отключила громкую связь и молча, с кислой миной дослушала мамин монолог.

— Ну, вот видишь, — бодренько сказала она, когда, наконец, телефон был отложен. —

Был у нас купец какой-то. Дмитрий.

— «Баба Маруся», которую ты случайно на улице встретила, ни про каких купцов в Ильинске слыхом не слыхивала и знать не знает. Как говорят бабы Маруси, «слышала звон, да не знаешь, где он».

Аня посверлила его взглядом, а Гюнтер продолжил:

— Баба Нюся жила в 20-м веке, соответственно, ее брат тоже, никаких купцов уже в помине не было. У тебя даже мама про него ничего не знает. А был ли мальчик?..

Аня задумалась.

— У кого бы узнать?.. Я же никого здесь не знаю! А ты мог бы и помочь, вообще-то. Вы же тут все если не дальние родственники, то по крайней мере знакомые, — она надулась и надолго погрузилась в чтение писем. Гюнтер давно пообедал, помыл посуду, а она всё копалась в письмах, сиротливо поджав ноги. Наконец, Гюнтер бросил полотенце и сжалился.

— Ну что мне с тобой делать? Ладно, поможет «баба Маруся» твоему горю еще раз... Ты права, в деревне все и всё друг про друга знают, может, кто обмолвится. Только сначала мне нужно по своим делам съездить.

— А мне пока чем заняться?

Гюнтер подумал.

— На велосипеде ездить умеешь?

— Нет.

— Ну вот, учись.

Провожая взглядом удаляющуюся машину Гюнтера, Аня в задумчивости держала за руль сунутый ей в руки желто-белый велосипед. По каким таким делам отправился бы «выписанный» уголовник?.. Убивать каких-то троих людей, о которых говорили в магазине?

Да вообще... Что за глупости? Зачем ей этот велосипед? В последний раз она каталась на велике в детстве. Тогда ещё тормоз ножной был. Поставить его на место. Или попробовать разок?.. Аня закинула ногу и осторожно оттолкнулась от земли. Велосипед покатился. Ну, вроде бы, и ничего. Осталось только понять, как тут тормозить. Разбираясь в цифрах на руле, Аня не заметила, как подол ее платья попал в колесо велосипеда и запутался в спицах. Неожиданно что-то дернуло её назад, Аня чуть не упала и запрыгала на одной ноге по дороге. Поняв, что всему виной ее платье, она попыталась освободиться, но одной рукой у нее не получалось, а второй нужно было держать велосипед. Какой-то мужик бомжеватого вида, заметивший ее беду, поспешил ей на помощь. Аня уже начала привыкать, что без помощи местных не обходится ни один ее самостоятельный поход на улицу.

— Обожди, дочка, я подсоблю! — Ловко провернув колесо, он отцепил платье.

— Спасибо! — поблагодарила Аня и узнала его по «ухоженному виду» — этот тип рассматривал ее, когда она красилась в первый день на колонке. «Не суди человека по его платью, — подумала Аня. — Похоже, я уже запоминаю местных. Здесь в велосипедах даже бомжи разбираются.»

— К чему был этот цирк с велосипедом? — спрашивала Аня Гюнтера, когда они отправились наводить справки у местных.

— Маленькие радости. Ты боишься получать удовольствие от них.

— Так я и сейчас не получила.

— Этому нужно учиться.

— Зачем?

— Неужели ты во всем ищешь смысл? Если все свои действия совершать с конкретной земной целью, то зачем тогда вообще жить?

— Зачем совершать действия, если они не ведут к какой-то цели? Это глупо!

Гюнтер внимательно посмотрел на нее.

— Ты хоть попробуй. Просто скажи себе: я разрешаю смыслу отсутствовать! И тогда ты заметишь, что вся жизнь состоит из приятных мелочей. Птицы поют, облака плывут, колесо велосипеда подскакивает на мелких камушках... Приехали. Пункт номер один — дед Василий.

После Василия была баба Люся, потом баба Валя... Гюнтер спрашивал у старожилов села не знал ли кто Дмитрия, брата Анны Матвеевны с Ийки. Но никто о таком не знал. Вариантов имен братьев Анны Матвеевны у всех интервьюируемых было столько, что хватило бы, казалось, на роту солдат, но Дмитрия среди них не было. Дела давно минувших дней про какого-то неизвестного брата никого не интересовали. Деревню взволновало иное событие, которого все так ждали: сработала ставка тех, кто утверждал, что после «выписки» уголовного первым помрет тракторист. Все разговоры сводились к одному:

— ...нашли Кольку под собственным трактором на ремзоне. Полез ремонтировать, а трактор поехал.

— Алкаш твой Колька был, надо было трактор хоть на ручник поставить...

— Колька-то? Ты что, он уж три года, как в завязке! Не мог его трактор придавить! — громко спорили старушки.

— А чё он вообще ремонтировать-то полез? У него ж трактор новый!

— Ну конечно, вчера уголовник вышел, а сегодня Колька «случайно» под трактор угодил... Да никогда я не поверю!

В Аниной голове снова зашевелились подозрения: Гюнтер съездил «по делам», и вот теперь все обсуждают тракториста... Да ну, глупость какая-то. Она стряхнула с себя нелепые предположения. Что за дурацкие тайны она выдумывает!

Опрос населения не принес результатов, вернулись они ни с чем. Гюнтер, казалось, расстроился больше, чем Аня. Может, конечно, этот тракторист еще... В отличие от Ани. Гюнтер знал его лично. Ане не хотелось отвлекаться от поисков на нелепые сплетни и случайные совпадения. Глаза ее горели.

— Ничего страшного, надо просто систематизировать имеющуюся информацию и сузить круг поиска. — Она отобрала несколько писем, показавшиеся наиболее информативными. Все они сводились к двум потенциальным источникам информации. Потенциальным — потому что было не понятно, кто из людей, упоминавшихся в письмах, был жив в наше время, а кто канул в лету. Ане не терпелось проработать обе версии.

— Вот смотри, — она увлеченно разложила письма в две стопочки. — Вот этот путь ведет к некому Лукьяну из Лукоянова. Это неизвестный мужик, степень родства которого установить мне не удастся. А вот этот, — она торжествующе хлопнула рукой по конвертам, — ведет к моим родственникам. Родственников же много? Наверняка кто-нибудь сохранился, кто окажется хоть немного в курсе событий.

— Что за родственники? — удивился Гюнтер. — Ты же говорила, у тебя здесь никого не из родственников не осталось.

— Какие-то уже сильно дальние, я путаюсь в поколениях и сколько-то-юродности. Насколько я поняла, в письмах говорится, что какой-то Шурин двоюродный брат Петька ездил к Лукьяну и, более того, возил туда на лошади саму Шуру! Может, ты знаешь их? Ты же всех здесь знаешь.

— Фамилия какая у твоих родственников? Надеюсь, хотя бы она реально существующая? — усмехнулся Гюнтер.

— Петька, Петька... — Аня поискала глазами нужные строчки письма, — вот, Петька Нахимов.

Усмешка слетела с лица Гюнтера.

— Нахимов — твой родственник?

— Ну ты же не думаешь теперь, что я — родственник великого адмирала? Что ты так напрягся? — хихикнула Аня.

— Да нет, конечно, — Гюнтер явно что-то обдумывал. — Просто у Нахимовых почти никого не осталось. Жена этого Петьки только. Но к ней ходить не стоит.

— Почему?

— Она... как бы так покорректней... бабулька-алкоголичка. Это очень плохая идея идти к ней.

— Не беспокойся, к беседам с алкоголичками я тебя привлекать не стану, справляюсь сама! — Аня была так рада, что нашла хоть какие-то зацепки!

— Вместе пойдем, — буркнул Гюнтер.

Уже на подходе к дому Нахимовых Аня поняла, что узнать что-либо удастся вряд ли. По прогнившему забору, по заросшему травой двору, по валяющимся в грязном тазу дырявым сапогам посреди тропинки было ясно, что хозяева пили давно. Возможно, с рождения.

— Да где эта тварь! — вслед за хриплым, прокуренным криком что-то глухо ударилось в стену внутри дома. Аня подпрыгнула.

— Ты все еще хочешь туда зайти? — в голосе Гюнтера слышался укор. Аня с опаской посмотрела на него, набрала побольше воздуха и шагнула в темный заброшенный дом, провонявший перегаром, копотью и плесенью. Здесь, посреди сеней, среди махров, которые некогда были диваном, восседала ведьма. Иначе эту старуху назвать было трудно — грязная, беззубая, с взлохмаченными паклями вместо волос, она нечеловеческим голосом орала, призывая какого-то Витьку. Спутав с этим Витькой Аню, она сразу же стала требовать от нее «налить». Аня попыталась объяснить цель своего визита, спросила про бабу Шуру и даже, отчаявшись найти хотя бы какое-то отражение здравого смысла, задала вопрос, который никогда бы не задала трезвому: «Где зарыты сокровища?», но все было напрасно. Ведьма не соображала, а все слова ее были бессмысленны. Разочаровавшись, Аня захотела поскорее уйти из этого места и взялась за дверную ручку, как вдруг услышала хриплый голос ведьмы:

— А уж про Шурку твою я-то знаю... Я такое знаю...

Аня резко обернулась.

— Что? Что знаете? Муж Ваш рассказывал?

Старуха захохотала.

— В подоле принесла... И дядькины деньги не помогли. Деньги... Дай денег! У тебя их много! Налей! — она привстала, чтобы дотянуться до Ани. Та отшатнулась и выскочила на улицу. Глотнув свежего воздуха, схватила Гюнтера за руку и в каком-то оцепенении понеслась поскорее за пределы этой территории. В себя она пришла, только увидев за

забором уже знакомого мужика, который недавно помог ей справиться с велосипедом. После ведьмы она была даже рада видеть этого мужчину, и внешность его больше не отталкивала и не походила на бомжовскую. Теперь Ане было с чем сравнивать... Мужик увлеченно копался в двигателе «Москвича». Аня поздоровалась с ним, как со старым знакомым. Мужик поднял голову из-под крышки капота и увидел, как Аня держит за руку Гюнтера. Добрая улыбка его, заигравшая было на лице, сменилась злобным сожалением, будто он обознался.

— Ремонтируете? — Аня кивнула в сторону «Москвича».

— Угу, — мужик снова нырнул под капот. Поняв, что отвлекает мужика от работы, Аня дернула Гюнтера за руку:

— Помоги ему! Ты же шарить.

— Сам справится, — Гюнтер достал ключ и пошел к своей машине.

— Что она сказала про Шуру? «В подоле принесла»? При чем тут это? Это она что-то напутала, у бабы Шуры детей не было. Но мы ведь не зря съездили: про деньги дядьки сказала ведьма! А Дмитрий ведь был дядей Шуры... Значит, были деньги! — Рассуждала Аня по дороге домой. — А вообще, мне уже все равно, были у нас зажиточные или не были. Я хочу клад! — упрямо твердила она. Гюнтер отговаривал ее, но она не слушала. В конце концов, заходя в дом, Аня неожиданно выдала:

— Надо попробовать раскопать там пол!

— Это плохая идея! Утопия! — уже начал заводиться Гюнтер. — Даже если эти сокровища и существуют, зачем они тебе? Они тебе нужны?

— Конечно, да! А тебе бы они были не нужны?

— Конечно, нет! Зачем они мне? Мне хватает того, что я зарабатываю, лишнего мне не надо. Я за экологический подход к деньгам и к материи в целом.

— А я хочу денег!

— Это алчность, дорогая! Один из грехов! — цитаты посыпались из него — «Жадность фраера сгубила», «Но не к семи обычно губит, а к одиннадцати туз», «Мал золотник, да дорог», «Не в деньгах счастье», «Лучше синица в руке...»

— Ну всё, хватит, я поняла твою позицию. А если там фамильные ценности? Что-то, имеющее историческое значение?

Гюнтер фыркнул:

— Ага, корона королевы Англии...

— Ну вот у тебя есть фамильные реликвии?

— Есть.

— Какие?

— Часы отца.

— Это не серьезно!

— Еще как серьезно.

— Ну если тебе этого достаточно — сиди со своими часами на здоровье. А я хочу корону королевы Англии! — подвела итог разговора Аня. Потом, подумав, добавила:

— Слушай, мне неудобно просить, но... ты не против, если я поживу у тебя еще несколько дней?

— Это пожалуйста.

— Эээ... А можно я еще попрошу у тебя в аренду лопату?

— Сама копать пойдешь?

— Ну а кто мне копать будет? Гюнтер отказывается, а больше я здесь никого не знаю...

— Это точно, Гюнтер пас. Дядюшка Гюнтер останется дома пить горячий чай и смотреть увлекательные фильмы под теплым пледом. — Он, видимо, всё надеялся, что она передумает. Помолчали. — Еще топор прихвати.

— Зачем?

— А пол как вскрывать будешь? — он явно прикалывался над ней. — Чемодан для денег ещё возьми.

— Обязательно.

— Фонарик.

— Зачем фонарик-то? Я днем пойду!

— Да? Сокровищами с соседями поделиться хочешь?

— Да кому какая разница, что я в доме делаю.

— Запомни, дорогая, что в деревне уши и глаза есть у всего! Тем более, тебе и делиться нечем будет, когда ты государству свои сокровища сдашь. Сколько там полагается за находку сокровищ? 25 или 20 %?.. Или у тебя есть выход на черный рынок, чтобы обналичить свои находки?

Аня задумалась.

— А вот это уже аргумент. Пойду ночью!

— Да ты сумасшедшая!

— Нет, я просто хочу много денег. Это нормальное человеческое желание.

— Нет, это желание недовольных своей жизнью.

Он вышел и вскоре вернулся с лопатой, топором и клетчатым чемоданом.

— Пожа-а-луйте, сударыня! — поклонился он. — Или извольте чемодан на колесиках?

— Да, пожалуйста, сударь! Мои сокровища в Ваш мелкий чемодан не поместятся.

Аня едва дождалась прихода ночи. Демонстративно положив в багажник чемодан, она в одиночестве выдвинулась к старому дому. Машину оставила на соседней улице, как научил Гюнтер.

Но выходя из нее в крошечный мрак прохладной ночи, она быстро стала терять первоначальный «запал». «Тута так темно и страшно» — вспомнился ей мультик про Машеньку. Достала тяжелую лопату из багажника и, зябко пожимая плечами, побрела по пустынной улице. С далекой трассы Нижний — Саранск доносился гул проезжающих фур. Трещали цикады, где-то гулко лаяли собаки. Небо было усыпано звездами, как дети конфетами в новогоднюю ночь. Звезды, звезды... «Боже, какое здесь небо... — подумала Аня. — Оно будто гораздо ниже, чем в городе, и кажется, что оно лежит прямо на крышах домов. Небо здесь повсюду — и ночью, и днем, — а в городе его совсем не видно... Сейчас бы лечь прямо на землю и любоваться спутниками, пролетающими через Млечный путь... Если бы не было так страшно и не надо было бы идти в этот жуткий дом...»

Подойдя к нему, она в нерешительности постояла у калитки. Уйти бы подальше отсюда... Она уже начала жалеть, что пришла, как вдруг представила «дядюшку Гюнтера», сидящего сейчас под пледом с чаем и наверняка посмеивающегося над ней... Чемодан денег... А вдруг? «Волков бояться — в лес не ходить» — говорила бабушка», — подумала Аня и решительно открыла калитку. Включила фонарик и шагнула вперед, в мокрую от росы траву.

С каждым шагом ей становилось все страшнее... Казалось, что дом с ненавистью смотрит на нее всеми своими черными окнами. Аня всмотрелась в них, и вдруг увидела, что

внутри пустого туловища дома снова что-то шевелится... Серая человеческая тень мелькнула где-то в утробе заброшки, замерла и исчезла. В эту секунду Аня прочувствовала на себе буквально, что значит выражение «волосы встали дыбом»... Это ощущение ужаса — ужаса, пронизывающего до костей... Она могла поклясться, что видела на тени платье и старушечий платок... Шевелиться и снова дышать Аня смогла только через минуту.

«Нет, я не уйду — уговаривала она себя — у страха глаза велики... Буйная у меня фантазия...». Стараясь не смотреть на дом, заставляя себя делать каждый шаг, она упрямо подошла к крыльцу и начала нащупывать в кармане ключ.

В каком-то рассказе Агаты Кристи — вспомнилось ей — злодей закопал труп жертвы под крыльцом... Ухватившись за новую мысль, она слабовольно решила: «Буду копать здесь! Какая разница где начинать? Всё равно пол сломать у меня не получится... А там как пойдет!» — Аня вынула руку из кармана, обрадовавшись, что нашла отговорку от необходимости заходить внутрь дома. Успокоив себя всем этим, она выбрала местечко поудобнее, встав спиной к окнам, убрала отвлекавшие волосы под платье и положила фонарь на ступеньки, чтобы он не мешал в руках. Он почти ничем не мог помочь ей, тускло освещая лишь узкий кусок ночи. Девушка наощупь вырвала мешающую траву, приготовилась копать и уже замахнулась лопатой, как вдруг ей показалось, что она отчетливо слышит шаги в доме. Аня спиной ощутила щемящий ужас и замерла с поднятой лопатой, прислушиваясь. Шаги медленно отчеканили по сеним и стихли на дворном крыльце, ведущем туда, где раньше обитала скотина. Аня не шевелилась. Прошло ещё несколько минут. Было тихо. Даже шумные цикады притихли, и эта леденящая тишина звенела в ушах. И вдруг, разрывая воплями эту полнейшую тишину, с заднего крыльца прямо Ане под ноги бросилась кошка. Разумеется, черная. Будто кто-то испугал и ее. У Ани от страха чуть сердце не разорвалось! «Это кошка... Это всего лишь обычная кошка... — занималась самоуговорами Аня, удерживая себя на месте лишь силой разума. — Нет, ничто тебя сегодня не остановит... Да ты вообще начнешь сегодня копать или нет? Приперлась сюда, чтобы кошек послушать?» — мысленно отругав себя, Аня, наконец, начала копать. Раз лопата, два лопата... Аня, как человек абсолютно городской, впервые держала в руках лопату, и ей было трудно приспособиться. Но постепенно она втянулась и немного ускорилась. Сначала мешали трава и корни, потом копать стало полегче. «Ну всё не так и плохо, — подумала она. — Вот только с такой скоростью я до утра даже небольшой ямы не вырою...» Она покопала еще какое-то время и с досадой заметила, что уже начала уставать. Уставать физически и, главное, эмоционально, от долгого напряжения нервов. Голос разума звучал все слабее и начал сдаваться. На непривычных к лопате руках наметились первые мозоли. «Надо будет завтра у Гюнтера еще перчатки специальные попросить, чтоб мозолей меньше было... Завтра!? — она усмехнулась. — Да кого я обманываю! Я не приду сюда больше! Силы заканчиваются, а я проковыряла какую-то жалкую дырку по сравнению с площадью всего дома! Это пустая затея! — вцепившись одной рукой в лопату, другой она схватила фонарь, чтобы уйти, но он выскользнул из трясущейся руки, упал и выключился. А вместе с ним, кажется, выключились и все оставшиеся Анины собранные в кулак силы. Она даже не попыталась поднять фонарь. — Я хочу домой! Мне страшно! — разум капитулировал, и больше ничто ее здесь не держало. Она развернулась и почти побежала во тьме, волоча за собой лопату, не видя куда, но зная, что точно к выходу. И вдруг резко остановилась: впереди кто-то стоял. Черная тень мужчины прислонилась спиной к дереву... Аня оцепенела от ужаса. Не в силах шевельнуться, она просто стояла и смотрела на черную тень. Черная тень начала

приближаться к ней. Ане стало не хватать воздуха, ей показалось, что у нее вот-вот остановится сердце...

— Сорок три минуты пятьдесят две секунды! — сказала тень довольным голосом Гюнтера.

«Слава Богу, это Гюнтер! Он здесь!» — дошло до Ани и напряжение резко спало. Ноги стали как вата и перестали слушаться, а руки будто приросли к дурацкой лопате. Она хотела и не могла расцепить пальцы, и вдруг непроизвольно стала опускаться в траву на колени. Не ожидая такой реакции, Гюнтер сам перепугался и подхватил ее.

— Ты чего, подруга... Ты меня не узнала, что ли? Я Гюнтер! Тебе плохо? Сердце? — он схватил ее на руки и побежал к своему кроссоверу, который стоял за ее машиной. Она всё не выпускала лопату, которая волочилась за ними по всем кочкам.

— Да брось ты эту лопату! — он еле вытащил ее из Аниной окостеневшей руки, бросил ее и усадил Аню в машину. Стало светло от освещения салона.

— Слава богу, это ты! — еле слышно промямлила Аня. — У меня чуть сердце от страха не разорвалось...

— Да я, я! Ты белая, как мел. Брунгильда! — Аня не отвечала, погруженная в тягостные воспоминания о шагах в доме.

— Брунгильда! — Гюнтер потряс ее за плечо и вдруг дал ей легкую пощечину. Она лениво отвернулась. Он повернул ее голову к себе и еще раз вlepил по щеке. В этот раз она отвернулась быстрее. Когда он опять повернул ее голову, чтобы ударить в третий раз, она отшвырнула его руку, запутавшись в собственных волосах:

— Да хватит меня лупешить! — вдруг заорала она. Гюнтер вздохнул с облегчением и сел за руль.

Дома он отпаивал ее горячим чаем и укутывал теплым пледом. Аня держала чашку, уставившись в одну точку:

— Чтоб я еще хоть раз... Ноги моей... Лучше с соседями поделюсь своими 25 %...

Гюнтер торжествующе улыбался.

Аня вдруг осмысленно посмотрела на него:

— А ты ходил по дворному крыльцу? Там...

— Я не заходил в дом. И ключа от него у меня нет.

Аня опять побелела:

— Это была моя прабабка... Это ее дух... Сокровища свои охраняет... Я видела ее платье...

— Ну перестань... Брунгильда, принцесса моя... Ну какие духи... — он обнял ее голову, погладил волосы — Всё прошло, всё закончилось... Пойдем спать. Утро вечера мудренее.

Он проводил ее до комнаты и ушел.

Аня немного поворочалась в постели. Ей хотелось поговорить. Она встала и заглянула в комнату Гюнтера. Он тихо сопел, повернувшись к стене.

«Ну прям как по команде «отбой» засыпает...»

Утро и впрямь оказалось мудреней вечера. Аня проснулась в хорошем настроении. Светило солнце, громко пели птицы. Она вспомнила вчерашнюю ночь, и ей стало стыдно перед Гюнтером, что она такая трусиха и так неадекватно вела себя вчера.

«Что он обо мне подумал? Что я неврастеничка, страдающая фобией призраков? «Дух бабки»... — она пожалела, что всё рассказала ему. — Да и с какой стати я рассказываю ему

всё? Я его не знаю... Почему вообще я веду себя с ним так фамильярно? Если у них в деревне так принято общаться, то это не означает, что так же общаться должна и я. Так нельзя.» Она встала, натянула на тело платье, на лицо — официальное выражение лица, на спину — идеальную осанку. «И надо заплести, наконец, волосы — здесь они привлекают слишком много ненужного внимания и мешают поискам». Когда она вышла на кухню, Гюнтер пил кофе и читал какую-то толстенную советскую книженцию.

— Доброе утро, — Аня «прилично» улыбнулась. — Что читаешь?

— Да так... — он убрал книгу на шкаф. — Доброе утро. Сижу жду, когда ты проснешься. Как настроение? — он внимательно посмотрел на нее, но не прочитал на ее лице ничего, кроме непрошибаемой маски «хорошего воспитания». — Вижу, ты пришла в себя...

— Да, извини за вчерашнее. — Аня захотела сменить тему, но Гюнтер сам опередил ее:

— Какие планы на сегодня? — спросил он, наливая ей кофе.

— Я вчера еще не доделала одно дело...

— Не отказалась от дома?

— Нет, другое...

Гюнтер резко поставил чашку.

— Ты и после вчерашнего не оставила эту затею?!

— Конечно, нет! Просто теперь пойду днём.

Он молчал.

— Послушай, Гюнтер... — осторожно продолжила Аня. — А ты сегодня сильно занят?

Он сразу понял, к чему она клонит.

— Да! Сильно! У меня отпуск, и я намерен отдохнуть! Я буду сильно занят бездельем!

— Ну отдохни, пожалуйста, копая со мной в том доме... Ну пожалуйста. Если хочешь, я могу заплатить...

Гюнтер разозлился:

— Только этого еще не хватало! — он вскочил и взял ключи от машины. — Пойдем, раскопаем этот дом, и ты убедишься, что никакого клада там нет. Тоже мне, леди-кладоискательница...

Аня достала ключ, и они впервые вошли в дом. Здесь пахло сыростью и ветхостью. Сени были большими и пустыми, так что звуки эхом отскакивали от стен. Аня осмотрелась и вздрогнула: на входной двери мелом был нарисован большой церковный крест.

— Зачем это?

Гюнтер пожал плечами:

— Видимо, бабка твоя для защиты нарисовала.

— А она не была колдуньей?..

Аня заглянула во двор, где когда-то жила скотина. Гюнтер шел за ней. Здесь было темно, пыльно от старого сена на сушилах и тесно из-за низких потолков. В дверных проемах в полный рост встать было невозможно даже ей, Гюнтеру же, чтобы пройти, приходилось сгибаться вдвое.

— Почему здесь такие низкие потолки? — спросила Аня, смахивая паутину перед лицом и пытаясь рассмотреть в темноте дальние углы двора. — Здесь что, жили карлики?

— Так легче сохранять тепло зимой. Экономия материалов. Да много причин. Так раньше строили. Пойдем назад в дом, нечего здесь делать.

Вошли в комнату. Здесь было неуютно. На крашенном коричневой краской деревянном полу стояли одинокая табуретка, старый шкаф и еще более старый комод.

«Видимо, соседям это старье тоже не понадобилось... — подумала Аня. В маленькой кухонке, именуемой исстари «чуланом», стояла осиротевшая плита, которую никто не включал больше года, и тяжелый старый стол, обкапанный краской. В углу валялось какое-то тряпье.

— Ууу, богатая наследница! — не удержался Гюнтер. — А вот и Ваш трон, сударыня! — он широким жестом пригласил Аню на табуретку. — А Ваш крепостной раб будет копать Ваши золотые прииски.

— Не сяду я на эту табуретку. Она стоит посреди комнаты, будто с неё кто-то повесился... Сначала надо проверить мебель! — заявила Аня. — Может, копать и не придется? — она с готовностью стала открывать и прощупывать ящики комода.

— Это вряд ли, — Гюнтер даже не подошел к мебели. — Тут столько людей на похоронах хозяйничали. Всем миром хоронили... — Аня опять почувствовала заслуженный укор. — Или, ты думаешь, бабка перед смертью разложила своё золото-брильянты по полочкам, а соседи постеснялись прихватить кусочек? Может, кстати, твои бриллианты уехали в дом к какой-нибудь соседке вместе, например, с диваном или сервантом. И мы об этом никогда не узнаем. Вряд ли какая-нибудь баба Фая пригласит приятельниц оценить ее неожиданную находку...

— Ну и где же тогда предлагаешь искать ты? — Аня бросила бесполезное занятие. Вместо ответа Гюнтер взял лопату.

— Кто копает под крыльцом? — кипятился он. — Где логика? Во всех нормальных домах есть подпол, в который спрятать что-либо легче всего. Сама подумай головой: старая бабулька прячет свой рубиновый кокошник...

— Какой еще кокошник! — прыснула Аня.

— Не важно...свою пенсию...прячет куда?

— Куда?

— Ну явно она не возьмет в руки бур и не наймет экскаватор. Она просто откроет крышку подпола и спрячет ... свою золотую кочергу... в подполе!

Он нашел небольшую «дверцу» в полу, открыл её, спустился вниз и начал шарить там по углам.

— Ну, что там? — Аня опасливо заглядывала в черную дыру сверху. Там было довольно глубоко.

— Ну, никаких сундуков я пока не обнаружил. Будем копать! — и он углубился в работу.

— Будем копать! — ответила Аня и уселась в уголке пустой комнаты.

Ей было неуютно в этом доме. Она по-детски боялась трогать что-либо и тем самым «разгневать» духа, и постаралась переключить свои неправильные мысли на более позитивные. Сначала невольно подглядывая, а потом и в открытую она стала смотреть, как Гюнтер берет и бросает землю.

«Даа, никуда без грубой мужской силы... — думала она. Ей было приятно наблюдать, как работают его мышцы.

Копать с Гюнтером оказалось куда удобнее и продуктивнее. За пару часов работы он перерыл весь подпол, то есть всю площадь под комнатой и кухней, засыпав всё вокруг кучами чернозема. И — ничего! Пусто.

— Думаю, копать до воды смысла нет, — сказал Гюнтер, вылезая из подпола. Он

быстро забросал чернозем обратно в зияющую дыру-дверь в полу. Аня стала старательно заметать грязь и наводить прежний порядок, чтобы не гневить духов дома...

— Знаешь, — ей захотелось поделиться своими мыслями, которые так и рвались наружу из ее головы вот уже два часа. — Мне иногда кажется, что у домов есть душа... Что дом живет вместе со своими хозяевами их жизнью. Дом, где есть дети, светел и полон радости. Дом, где живут алкоголики, пуст и неуютен. Дом, где живет старик, дышит старостью и одиночеством... Дом, где живут хорошие люди, приносит счастье, а где плохие — несчастья: дома горят, в них происходят дурные события. Вот почему этот дом, оставшись без хозяйки, так быстро стал разрушаться? Может, от одиночества? Он же уже сыпется... — и она высыпала наметённую на газету пыль в подпол.

— Так и есть... — отвечал Гюнтер. — Брошенный дом, даже относительно новый, разрушается за несколько лет. Дом без хозяина — как ребенок-беспризорник: быстро зарастает, дичает, опускается и теряет свои лучшие качества. Внешне остаются только непригодность к социуму, отталкивающая неряшливость и грубость. Полная разруха... Но если этого «ребенка» взять в хорошие руки, он снова вернется к привычной жизни — и будет блистать. Гости будут приходить и восхищаться: «Какой уютный и удобный у вас дом», как если бы они говорили «ах, какой способный и вежливый у вас мальчик!» — Он помолчал. — В моем доме никто не жил 6 лет. Когда я приехал в него, он был сиротой... Я заново поднимал фундамент, перестраивал крыльцо, потом строил баню, проводил воду, ставил генератор... Ну, и так далее, неважно... И дело даже не в том, что дом нужно ремонтировать, поддерживать в нем постоянно одинаковую температуру и влажность, то есть обогревать зимой и вовремя латать прорехи в крыше, нет! Дело в том, что дом нужно... любить... — он помолчал. — Ну, где еще будем искать?

Аня задумалась.

— Бабушка же вообще не писала, что она именно закопала свои сокровища. Она написала «я оставила». А где можно «оставить»? Спрятать от досужих глаз? — они еще подумали.

— Слушай, — сказал Гюнтер — слазь-ка на чердак.

— Я??

— Ну я, по-твоему, в эту дырку пролезу? — Гюнтер указал на неширокое отверстие в потолке сеней.

— И как я туда залезу без лестницы? — удивилась Аня. — Предлагаешь допрыгнуть? Может, ты не заметил, но практика ныряния показывает, что моя макушка заканчивается там, где начинается твой подбородок. — Гюнтер подошел к ней. — А, нет, даже еще не начинается.

Пока она договаривала, он взял ее за талию и, подняв, посадил к себе на шею. Аня и ойкнуть как следует не успела.

— А так достанешь?

— Ну давай попробуем. Состыковаться с этой дырой.

— Это не дыра, это вход на паипсток.

— Куда??

— Раньше так чердак называли.

— Понятно.

Аня нащупывала, за что можно зацепиться, чтобы влезть на «паипсток».

— Барышня, Вы сколько весите? — послышался снизу голос Гюнтера.

— 45 кило.

— Понятно. То-то я не чувствую Ваш вес. Будто белку посадил.

Ане это польстило, ибо ничто не может польстить девушке больше, чем комплименты про ее стройность.

— А ты сколько вешишь? — ляпнула она и удивилась нескромности своего вопроса.

— А я раза в два больше.

«Ууу... — подумала Аня с интересом. — Хотя что «ууу»? Мне, по большому счету, должно быть это без разницы!»

Она, наконец, нашарила руками какие-то доски, подтянулась и влезла на чердак. Осмотрелась. Кругом лежала старая солома, явно накопившая за годы службы тонны пыли. Пылинки плавно летали в воздухе и светились в луче, падавшем сквозь малюсенькое окошечко. Железная крыша нещадно нагрелась на жаре и весь чердак был сплошным пыльным пеклом. У входа пара граблей старинной конструкции и еще какой-то сельскохозяйственный инвентарь — и всё.

— Ну что там? — послышался снизу голос Гюнтера.

— Тут девятый круг Ада! — прокричала в ответ Аня.

— Ну передавай привет Данте! — крикнул Гюнтер. — И заодно пошарь там руками, может, Люцифер припрятал себе на черный день в соломе пару взяток от грешников...

Аня стала ворошить солому, задыхаясь от пыли.

— Ни Данте, ни взяток... — наконец, сказала она, высовываясь в дыру. — Забирай меня отсюда.

Гюнтер поднял руки и поймал ее. Ей было так приятно, что он носит ее, как сказочную феечку. «Эх, зря я не пошла в парное фигурное катание», — почему-то подумалось ей.

— Грязные, как черти, — дома Гюнтер наблюдал, как Аня вынимает из косы застрявшие соломинки. — Пойду затоплю баню. Пойдешь? — он убрал палочку с ее макушки — Или опять меня побоишься?

— Пойду. Но только одна! — поспешила добавить Аня.

— Да мы и не претендуем-с, — пожал плечами Гюнтер. — Ты в бане-то была хоть раз? Справишься?

— Да уж справлюсь как-нибудь! Я в городе в хорошие бани хожу — и в русские, и в финские, и в хамам...

Гюнтер фыркнул:

— Сравнила! Городские бани и рядом с моей не стояли!

Аня умилилась его самонадеянности.

Он сходил в баню первым. Вернулся чистый, как молочный поросенок, красный, с взлохмаченными волосами, в одних домашних шортах и вкусно пахнущий каким-то мужским гелем для душа. Страшно милый и притягательный. Ане опять жутко захотелось подойти и потрогать его — какой он на ощупь? Она подавила в себе это желание, буркнула «С легким паром» и быстро ушла в баню.

— Постой, — окликнул ее в дверях Гюнтер. Он подошел и что-то хотел сказать, но, видимо, не решился. Отвернулся и буркнул:

— Баню потом запрешь. Ключ рядом с замком висит, у двери.

— Хорошо. Ключ потом сюда принести?

— Зачем? Не надо, назад повесишь.

— Рядом с замком?

— Да.

— Угу. Ну логично, в принципе. А смысл запирать — не подскажешь?

— Традиция. Тут полдеревни так делает.

В бане действительно было волшебно. В передбаннике пахло чем-то приятным и особенным: свежим деревом дров, чистым воздухом, вениками, влажным паром, шампуньками... «Какое смешение запахов, — подумала Аня, — настоящая ароматерапия.» В углу в ряд были вывешены венички — березовые, дубовые, можжевеловые, а под ними стоял музыкальный центр. «У него даже здесь музыка есть! — улыбнулась Аня и нажала на кнопку. «Ну где же ты была раньше-е, — разнесся вокруг чистый ритмичный звук, — давай без фальши...»

Аня разделась и открыла дверь в самую баню. Пар вуалью окутал, принял в свои горячие объятия ее тело. Он был более влажный, чем в городских саунах, и оттого казалось еще жарче. Баня была построена недавно и еще светилась чистым, светлым деревом и приятно пахла свежими бревнами. Аня с удовольствием взобралась на полку. Приятно было прикасаться любой частью тела к стенам, к полку, к лавочке. Как и любой истинный кинестетик, она наслаждалась, просто трогая горячее и влажное от пара дерево. «А Гюнтер ведь не соврал: настоящая деревенская баня сильно отличается от городской «настоящей деревенской». Здесь всё какое-то другое — другие запахи, другие ощущения. Это место, куда можно уйти от всех, от шума и суеты, «спрятать голову в песок» и побыть наедине с собой. Эта баня живая, будто с древних верований предков и до сих пор здесь живут добрые обереги. Эта баня настоящая, душевная. Это обновление. Это гармония. Гармония души и тела.»

Она достала из тазика «заваренный» веничек и немного пожалела, что ее некому попарить. «Когда паришься сама — ощущения совсем не те. Ну хоть ножки попарю...»

На маленьком окошке четким рядом, по-армейски стояли немудреные бутылёчки. Аня по запаху нашла тот, которым пах только что Гюнтер, и с удовольствием намылилась. Ей хотелось пропитаться его грубоватым мужским запахом...

Выходя, Аня увидела в передбаннике полотенца и чистую одежду, припасенную Гюнтером для нее. «Футболочки-рубашечки? — она невольно улыбнулась. — Ну нет, спасибо, конечно, но это сделает мои желания слишком очевидными...» — и она надела свою родную одежду.

Аня вернулась домой посвежевшей и обновленной, в спокойном и радостном состоянии духа. Гюнтер, уютненько развалившись на пушистом белом ковре, смотрел какой-то мульттик. Услышав Аню, он повернулся и пожелал ей легкого пара.

— Ты что, смотришь мультики? — Аня не сдержалась и прыснула со смеха. — Такой большой во всех смыслах мальчик! Ай-яй-яй! Как нехорошо! Пора бы уже переходить на НТВ и каких-нибудь «кровавых ментов», или что там... «реальные разборки на помойке».

— Да, смотрю мультики, и это один из моих любимых, — заворчал Гюнтер. — «Холодное сердце». Смотрела?

— Нет, я мультиками как-то не увлекаюсь... А у тебя просто идиллия. Какая прелесть, только плюшевого мишки под боком не хватает, чтобы обниматься, пока смотришь. А, у тебя вместо него там плюшевая подушечка есть, ну тогда всё в порядке. Я надеюсь, ты уже пустил слезу во все трагические моменты? Там же наверняка сюжет сильно захватывающий...

Гюнтер нащупал под рукой «плюшевую подушечку» и запустил ею в Аню. Аня поймала

ее и, подложив себе под спину, уселась рядышком с ним, похихикала еще немного, да и отстала. Они стали молча смотреть мультик.

— Ну ладно, пойдет для одного раза... — в конце концов, заценила сюжет Аня. — Хотя с некоторыми моментами я бы всё же поспорила... Но если б ты глядел раздавленные трупы, то это понравилось бы мне гораздо меньше...

Он посмотрел на нее, не сдержался и сказал:

— Как ты хороша без косметики, без идеальной осанки и без официального тона... Будто смыла маску.

Аня смутилась и, отвернувшись, промолчала.

— Такой ты мне нравишься больше...

Аня стала неловко натягивать подол на колени. Он посмотрел на ее голые ноги и неожиданно спросил:

— А ты, случаем, не помнишь, какой элемент идёт после радия?

— Понятия не имею, — удивилась Аня такому вопросу.

— И я что-то никак не вспомню... Придется тогда ехать в магазин, добывать еду. Если надумаешь, что нужно купить, — телеграфируй. — Он записал на её телефон свой номер, встал и вышел.

Аня вышла во двор и подпрыгнула от неожиданности: на лавочке у дома сидел какой-то мужик лет 50-ти. Аня напряглась: кто это и зачем пришел именно тогда, когда Гюнтера нет дома? А если беглый маньяк? И что с ним прикажете делать? Она хотела по-тихому уйти назад в дом, но тот уже заметил ее. Ладно, раз поздно бежать — придется подойти.

— Здравствуйте, — недовольно заявила Аня. — Вы к Гю...к кому?

— Здравствуйте, — приветливо улыбнулся мужчина ей в ответ, не обратив внимания на ее тон. — Так вот кто гостит у моего крестника. А я всё думаю: чья это машина во дворе стоит?

Аня сразу подобрела: крёстный! И почему в деревне все заходят в гости, когда и куда им хочется?

— Да, заехала на огонек... к старому знакомому, — дружелюбно соврала она.

— Вы, наверное, городская? Это даже лучше... Он не рассказывал про Вас. А меня зовут дядя Паша. А Вас? — мужчина оказался весьма словоохотлив. Они провели светскую беседу, в ходе которой Аня изложила свое мнение о погоде, о новостях города, о том, как изменилась деревня за последние 10 лет, хотя она понятия не имела, какой деревня была 10 лет назад, и, наконец, — видимо, это был главный пункт беседы — о самой себе: кто она такая, чья внучка, где познакомилась с крестником, зачем приехала, где работает и чем занимается. «Забавно — подумала она. Человек, у которого я живу, не знает обо мне ничего, а благодаря дяде Паше обо мне теперь будет знать, несомненно, вся деревня.» Ей почему-то захотелось быть хорошей девочкой и понравиться близким Гюнтера. Мужчина всё не уходил и всё присматривался к ней. Видимо, в конце концов, своими стараниями она втерлась к нему в доверие, потому что он доверительно подвинулся поближе и заговорщическим тоном начал издали:

— Я вижу, Вы девушка хорошая... Я хотел попросить Вас... Вы берегите моего крестника... Его бросать нельзя, он погибнет один... Вы его уговорите в город уехать. В деревне какая сейчас жизнь для молодых? А он мне как сын... Сам выбрался в люди, никто ему не помогал. Хотя мог бы и спиться, опуститься, как почти вся молодежь в селе, и поводы

были... Ему здесь многие завидуют... Он всё шутит, он никогда не жалуется, но внутри он волк-одиночка. Ему жениться давно пора, но Вы первая, кого он пустил жить в свое логово. А мужчине нельзя без женщины, никак нельзя. Женщина влияет на жизнь мужчины гораздо больше, чем иногда кажется. Мужчине нужна женская энергетика, он питается ею. А в женщине природой заложено столько энергетики, что если ее некому дать, женщина сама заболевает. Это женская самореализация... — он всё говорил и говорил. Аня слушала и не могла наудивляться — во-первых, откровенности этого мужчины с первой встречной и, во-вторых, откуда в деревне взялся этот практикующий философ. Столько умных вещей говорит. А так внешне по нему и не скажешь... Ей даже как-то неудобно было перебивать его речи, чтобы сказать, что он ошибся, что она не та, за кого он ее принял, что она вовсе не девушка Гюнтера и тем более ни о какой дележке энергетикой и речи быть не может. Он столько надежд на нее возлагает...

Он хотел еще что-то сказать, но увидел подъехавшую машину Гюнтера и замолчал.

Гюнтер вышел из машины и протянул руку мужчине:

— Дядя Паша, как жизнь?

— Спасибо, Ванечка, всё хорошо.

Аня даже хрюкнула от удовольствия: Ванечка?? Она не ослышалась? Давно ли таких слонярусов Ванечками стали величать? А еще над ее именем подшучивал, банально ему... а они одного поля ягоды: Аня-Ваня... Ей не терпелось поглумиться над ним, но дяди Пашино присутствие останавливало. Гюнтер посмотрел на ее ядовито-торжествующее выражение лица и прочитал все ее мысли. Незаметно улыбнулся и отвернулся к дяде Паше.

— А Вы нам как раз нужны. Баба Маруся ведь знала же Анну Матвеевну с Иики?

— Конечно, они же работали вместе.

— Можно тогда мы придем и попросим ее рассказать о ней?

— Конечно, приходите! Историю своей семьи знать нужно. Нужно, чтобы знать, кто такой ты сам. И ты же знаешь, Ванечка, что мы рады тебе в любое время.

Они опять повели светскую беседу. Аня не вникала, ей было приятно просто посидеть в вечерней тени березы после жаркого дня.

— ...Вся деревня только и говорит про Кольку-тракториста... — дядя Паша покосился на Аню. Гюнтер нахмурился:

— Да, быстро Колька почил... Этот только успел выйти...

— Ты понимаешь, даже зацепиться не за что...

— Антона не нашли?

Дядя Паша отрицательно качнул головой.

— Тебе бы побережься пока...

— Ну вот еще!

Дядя Паша опять покосился на Аню и что-то шепнул Гюнтеру на ухо. Аня поняла, что она здесь стала лишней, и из корректности раскланялась и ушла в дом.

Интересно, что за шифровки? Почему при ней нельзя говорить про этого Кольку? Подозрения опять зашевелились в ее голове... Может, этот дядя Паша — пособник убийцы? А сам убийца — тот человек, у которого она живет?..

— Твое смс — это нечто! — сказал Гюнтер, заходя в дом, когда дядя Паша ушел.

— Почему? Что там такое? — Аня взяла свой телефон и посмотрела отправленные: «куда, пожалуйста, кроме от банан, юоивву и говоренную конечно.»

— Вот блин! — смутилась она. — Я что, отправила такое? я хотела написать «купи, пожалуйста, крем от загара, бритву и шоколадную конфету», а получилась белиберда какая-то... — она вспомнила, как писала смс и одновременно досматривала мультик, жевала персик и «поправляла» после бани ногти.

— Ну ты не переживай, ты же не забыла главное — поставить запятые и «пожалуйста», — издевался Гюнтер.

— Ну знаешь что! — Аня вернулась на боевые позиции — я не виновата, что андроиды так медленно соображают и не успевают за скоростью моей мысли! Он не успел исправить мои опечатки.

— Опечатки? Да ты ни разу по кнопкам не попала! Но я нашел способ помочь тебе научиться печатать без ошибок, — он достал из кармана новенькие маникюрные ножнички и, демонстративно пощелкав ими, взял Аню за палец. Аня вырвала руку и спрятала длинные ногти за спину.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз поможешь. А ты мог бы и сам догадаться, что мне нужно!

— А я и догадался! Здесь всё по твоему списку! — он протянул ей большой пакет.

Аня заглянула внутрь:

— Ну конечно, сила есть — ума не надо! Ты скупил всё, что увидел? Зачем мне твои... что тут... сметана? Книжка? какая-то авоська?

— Это не авоська. — Он взял это «нечто» ужасного розового цвета из ее рук. — Это ультрамодный чемодан для переноски сокровищ, причем нужного тебе размера. — Он стал раскладывать эту авоську до невероятных размеров: туда бы влезли три Ани или даже сам Гюнтер. На боку красовалась сказочная надпись стразами: fashion. Гюнтер был доволен, видя произведенный на Аню эффект: у нее было только одно желание — надеть эту авоську ему на голову, но она «проглотила» его.

— Спасибо. Обязательно возьму ее в городе на fashion-party в качестве косметички. Это будет фурор. Ну а чем мне обгорелые плечи мазать?

— Ну вот видишь, сметану не зря купил.

— Зачем мне карта Сыктывкарской области?

— Ну откуда я знаю, что придет к тебе в голову завтра? Вдруг пригодится.

— Ладно, пойдем с другой стороны. В смс был написан банан, почему его здесь нет?

— Ну раз ты четко и адекватно написала «банан», то автоматически становится понятно, что его однозначно не нужно.

— Ну и чем из всего этого мне брить ноги?

— А тебе точно ничего из этого не подходит? Нет? — он заглянул в пакет, — Ну раз так, а второй раз в Починки я точно не поеду... не знаю, ну... побрей топором.

— Давай я лучше тебе ноги лопатой побрею... Ванечка! — вскипятилась она, а ему было приятно, что она назвала его по имени, пусть и с таким сарказмом.

Она высыпала всё нескончаемое содержимое на стол и вправду удивилась:

— А как ты догадался, что я хотела шоколадную конфету?

Гюнтер улыбнулся:

— Я уже достаточно тебя изучил...

Аня оттаяла и простила ему весь стёб.

— Я тут погуглила... После радия идет актиний, — сказала она.

Он как-то странно улыбнулся и сказал:

— Спасибо. Это очень важная информация для меня.

— Надо поискать больше информации в письмах. Может быть, в них есть какое-то указание, где искать сокровища. Иначе зачем мне передали это барахло? Может, попадетсЯ хоть какая-то полезная информация о сокровищах? Если через Нахимовых мне путь к сокровищам заказан, значит, нужно прощупать направление «Лукьян». Кто такой этот Лукьян из Лукоянова? — она пыталась определить степень его родственной связи по содержанию писем, но не могла. — Он всё время в разных письмах упоминает какой-то дом: мы переехали в новый дом... в доме тепло... в доме хватает места... А вот письмо с того же адреса, но пишет какая-то женщина: «Это наш дом, и мы сами решим, кто здесь будет жить, а кто нет. Не пишите нам больше. Дайте нам спокойно обо всем забыть...» Забыть о чем?.. — Аня размышляла, но у нее было слишком мало информации, чтобы сделать какие-либо выводы. История их семьи, по-видимому, хранила много тайн, которые теперь вряд ли кто-то раскроет...

— Слушай, — подняла она вдруг голову — а мы вообще в том доме ищем?.. У меня складывается впечатление, что мы не там копаем...

— Да уж, копнуть ты любишь.... Вот опять какие-то проблемы себе на голову накапываешь... Оставь своих предков в покое! И не придумывай про них то, чего не было. Это всё досужие домыслы... Иногда чем меньше знаешь про своих близких — тем лучше спишь... Кто знает, какие скелеты спрятаны у них в шкафах.

Аня пропустила это мимо ушей.

— Что это за дом в Лукоянове? Может, моя прабабка в нем жила и ее выгнали? А она успела зарыть сокровище там... Может, у нее было два дома?..

Аня в очередной раз посмотрела на старые фотографии.

— Вот смотри, на всех деревня, деревня... А вот эта пара фот — городские. Это Нижний? Или, может, Саранск?...

Он заглянул через ее плечо.

— Неужели не видишь — это Нижневолжская набережная. Вон край Чкаловской лестницы виднеется, вон Ока...

Аня удивилась.

— Откуда ты знаешь... про Нижний? Ты бывал там?

— Конечно.

— Ну и как?

— Хорошо, — односложно ответил он, видимо, не желая развивать тему. Но Ане развить ее хотелось.

— Ну а ты? Неужели ты никогда не хотел жить в городе? — спросила Аня.

— Зачем? И в деревне жить можно, поверь, были бы лишь желание, руки и машина под окном. У меня есть любимая работа, хороший дом, я живу так, как сам хочу жить. А что будет у меня в городе?

«Он думает так только потому, что, видимо, сам никогда не жил в Нижнем, — подумала Аня. — Это просто оправдание собственной нерешительности — взять и так кардинально сменить место жительства».

Он посмотрел на ее скептическое выражение лица:

— Ты не веришь мне?

— Нет. Все хотят жить в городе.

— Нет, не все.

— В городе удобнее. В городе ты можешь быть ... ну как бы сказать... — она не смогла подобрать другого слова, — «в тренде».

— И в деревне можно жить и оставаться в тренде, поверь.

— Я всё равно не представляю, как здесь жить круглый год... А зимой? Ну конечно, воздух здесь чище, но...

— Здесь в воздухе меньше не только смога и выхлопных газов — здесь меньше яда, злости, гордыни и оглядки на чужое мнение. Это у вас в городе иногда все готовы глотки друг другу перегрызть за место в очереди, а здесь другие законы, другие обычаи. А неудачи в жизни, так же, как и дурные люди, случаются везде — и в деревне, и в городе. И там, и здесь нужно уметь принимать их. И в городе, и в деревне перед человеком стоит тот же выбор — как и чем жить и какие пути себе выбирать?

Я считаю, что ты нужен там, где родился. Если тебе что-то не нравится — ну, исправь, если это в твоих силах, не проходи мимо с равнодушным лицом! Неудобное сделай удобным. Всё в наших руках! Если бы каждый положил около своего дома маленький кусочек асфальта, то во всей деревне была бы хорошая дорога. Но большинство хочет прийти на всё готовое и постоянно ищет место, где ему будет еще комфортнее, еще богаче, еще лучше. Лучше всех! Я знаю лишь одно: ты можешь объехать весь земной шар, но так и не найти это место.

Здесь у меня есть всё, что мне нужно. Чтобы получить то, чего нет в деревне, можно иногда съездить в город — например, образование, медицину, развлечения... Ну что еще такого есть в городе, чего нет в деревне?

— Ну не знаю... В городе столько возможностей. Для карьеры, например. Чего ты завелся?

— То, что модно, не всегда хорошо! Поверь мне, не все хотят жить в городе и вариться в привычном вам, городском, котле. Бывают иные мнения и интересы. Я в город не перееду никогда.

Ночью Аня долго ворочалась в постели. Ей вспоминалась удручающая атмосфера в старом доме и кресты, нарисованные мелом на дверях... Уже по привычке она заглянула в комнату Гюнтера и вернулась на свою кровать.

Но следующее утро вновь было добрым. Аню разбудил соседский петух. Она зевнула и выглянула из комнаты. Гюнтер уже ждал ее на кухне с мокрой после утреннего моциона головой и той же толстой книжкой. Ей было страсть как интересно, что деревенский мужик вообще может читать. Аня хотела заглянуть в книгу, но он опять убрал ее подальше на шкаф. Аня взглянула на часы.

— О, боже! 6 утра! — и, развернувшись на месте, она отправилась к себе в комнату, чтобы рухнуть на кровать доглядывать сны.

— Ну ты же все равно уже встала!

— Нет, я не встала, тебе показалось.

Гюнтер пошел вслед за ней.

— Подъем, спящая красавица! — он распахнул шторы и луч солнца попал Ане прямо в лицо.

Она, не открывая глаз, недовольно отползла в уголок кровати подальше.

— Зачем? Раньше десяти меня не буди!

— Ну уж нет! Пора делать зарядку!

— Какую еще зарядку?

— Бодрящую и оздоравливающую!

— И ты смеешь отвлекать меня от сна только ради этого? — Она отвернулась к стене и стала кутаться в одеяло.

— Я от тебя все равно не отстану, пока ты не пойдешь со мной.

— Ну вот еще... что я, советский олимпиец — становиться на зорянку?

— Партия сказала «надо» и Товарищ олимпиец занял все первые места! Товарищ олимпиец, примите вертикальное положение!

— Советский Союз... горны... — пробубнила Аня из-под одеяла, засыпая снова. Гюнтер понял, что сама она точно не встанет.

— Наш советский олимпиец так суров, что может бегать на зорянку прямо в своей эротической красной пижаме, купленной в местном «КООП». Надеюсь, он не придушит за это партию, когда проснется...

— Пятилетки... красные революционные трусы... — Аня окончательно заснула.

— Да-да, и красные революционные трусы тоже будут обязательно! Но позже, — он осторожно достал ее за ноги, притянул поближе к краю и запутался в ее растрепанных волосах. Аня спала.

— Волосы мешают нашим суровым победам! Ну, косы заплетать я не умею... — он взял Анину заколку и попытался заделать хотя бы хвостик, но это тоже не вышло. Тогда он вытянул из своих шортов шнурок и завязал ее волосы на узел.

— Мой советский олимпиец готов к покорению капиталистического мира! — он посадил ее на кровати. — Он порвет всех соперников на тряпочки!

«Олимпиец» медленно съехал в горизонтальное положение и воткнулся головой в подушку.

— Да никогда в жизни не буду... — она зевнула — отстань, я неадекватная, когда меня будят.

— Ну это мы еще посмотрим!

Он взял ее за ноги и за руки и забросил себе на плечи, как шашлык для каннибалов. Вынес на улицу и поставил на росистую траву. Аня тут же опустилась и села, обняв колени и положив на них голову. Гюнтер вновь поставил ее и стал махать ее руками:

— Раз-два, раз-два... — Аня безвольно колыхалась вслед за руками.

— Товарищ олимпиец завершает суровую разминку! Приступайте к подтягиванию! — он поднял и прицепил ее к турнику. Она болталась на нем, не отпуская рук только для того, чтобы не упасть. Тогда он энергично стал «подтягивать» её за попу:

— Раз-два, раз-два... Вперед, навстречу звездам! — почувствовав, что он ее держит, она тут же отпустила турник.

— Партия не бросает своих покорителей космоса, — он прицепил ее к себе на шею и стал подтягиваться сам.

Видя, что это тоже не имеет никакого эффекта и Аня абсолютно искренне продолжает дремать, посадил ее к себе на плечи. Она положила голову ему на макушку и зевнула.

— Теперь пробежка! — и он побежал с ней по улице. Две бабки, вышедшие в такую рань проводить своих коз на лужок, прервали разговор и уставились на эту картину.

— Доброе утро, Антонина Семеновна и Клавдия Ильинишна! — прокричал Гюнтер пробегая мимо. — Вы сегодня очаровательны!

— Здравствуйте... — кивнула Аня, поднимая голову. — Эй, там, внизу, потише! Трясет вообще-то! Спать неудобно...

Сделав круг почета, он вернулся обратно.

— Я бы прокатил тебя на велосипеде, но, боюсь, когда ты свалишься мне под колеса и я по тебе проеду, ты даже не заметишь. Ладно, побудь хоть утяжелителем...

Он брякнулся на траву и стал отжиматься. Аня уютненько улеглась у него на спине.

— Вот это другое дело, — пробубнила она, — еще бы одеялко...

Переложив Аню на лавочку, Гюнтер принес из бани два ведра холодной воды и вылил одно из них себе на голову. Вода хлынула с макушки до пяток. Аня открыла глаза, содрогнулась и отвернулась.

— Смотреть холодно... Ну всё, товарищ... партия, бодрящая зарядка закончена, можно идти спать дальше?

Он посмотрел на Аню.

— М-да, бесполезняк полнейший...

— Ну наконец-то ты это понял, — оживилась Аня и встала, чтобы идти домой.

— Секундочку, товарищ олимпиец... — Гюнтер взял второе ведро и вдруг вылил воду из него ей на голову. Аня, глубоко вдохнув воздух, резко проснулась от холода и неожиданности. Сон как рукой сняло. Ледяная вода стекала с нее потоками. Она яростно взглянула на Гюнтера и не спеша подняла ведро...

— О-ёй... — сказал Гюнтер. Кажется, партия немного переборщила... За это она будет пристукнута ведром... — и он драпанул от нее на улицу. Аня побежала за ним, размахивая ведром...

Раскопки были продолжены. Сегодня решили копать под сенями. Только войдя в дом, Аня спиной почувствовала, что что-то изменилось. Она не знала, что именно, но что-то, не бросающееся в глаза, было не так, как вчера, будто стояло не на своих местах.

— Здесь кто-то был! — сказала она.

— Да брось, ключ есть только у тебя. Даже если бы кто-то и залез в окно — зачем? Здесь брать нечего.

— Не знаю... но что-то изменилось... — Ане стало немного не по себе. Она села среди пустой комнаты на «табуретку висельника» и стала присматриваться. Гюнтер зашел в чуланчик.

— Не иначе как домовой, — донесся оттуда его голос. — Обиделся, что мы пришли в его владения. Говорят, если при переезде хозяева не пригласили его с собой в новый дом или бросили старый дом без присмотра, то домовой сильно обижается и становится злым... — Тон его стал зловещим, как в детских ужастиках. Аня слушала, затаив дыхание. — Злым бабайкой! Из брошенного дома по ночам слышны детский смех и плач, и даже сам по себе включается и выключается свет. — Он зловеще замолчал.

И вдруг резко выскочил из чулана:

— Бу!!

Аня вскрикнула от неожиданности и чуть не грохнулась с табуретки.

— Дурак! — она сняла с ноги эспадрилью и запустила ею в Гюнтера. Он засмеялся и пошел вскрывать пол в сенях.

Аня надела тапку и заняла свое дежурное место в уголке. Стало тихо, только слышно было, как Гюнтер гремит инструментами. «И всё же что-то изменилось... Сегодня пойдем к

бабе Марусе — подумала Аня. Может, она прольет свет на нашу историю. — Она вспомнила о вчерашнем дяде Паше и улыбнулась: «Ванечка...» Мы всегда остаемся детьми для тех, кто нас растил. «Ванечка...» С ним так легко общаться. Постоянно забываешь про пресловутую субординацию. С ним хочется быть самой собой. И странно, но хочется ему нравиться...

Ее размышления, словно в ответ, прервал голос Гюнтера из быстро образовавшейся ямы:

— Ну хоть бы спела что-нибудь, Брунгильда! А то тошно в такой тишине. Музыка нет...

— Все для тебя, мой рыцарь! — обрадовалась Аня и запела:

— Жил в одном замке король, ло-ло! Славный богатый король, ло-ло!..

Когда песня закончилась, Аня на секунду задумалась:

— Что б тебе еще спеть? — она вспомнила компанию, которую они подвозили до Починок, и завопила:

— Знаю! Есть одна душевная песня! Коровка на лугу, на лугу, на лугу-у-у!

Гюнтер подхватил, и они заблажили дурными голосами вместе:

— Мычала на луну, на луну, на луну-у-у!..

— Кто такая эта баба Маруся? — спросила Аня, когда они вечером ехали в гости.

— Это мама дяди Паши, — пояснил Гюнтер. — Она уже совсем старенькая, давно не выходит из дома.

Комната бабы Маруси дышала старостью. Вроде бы и ремонт недавно был сделан, а всё равно сразу видно, что человек здесь живет сильно пожилой. Может, ее выдают плетеные половики на полу или несколько старинных икон в углу, или советские свадебные фотографии в одной большой самодельной раме на стене. А может, это бабы Марусины грустные мысли и груз прожитых лет витали в воздухе... Баба Маруся в черном платке, в темном ситцевом платье и коричневых чулках уже ждала их на своем любимом стуле. Аня с Гюнтером присели на диванчик.

— Да, я знала Анну Матвеевну... И про Дмитрия слышала... И про внучку тоже... — Аня обрадовалась и воодушевилась этими словами, а баба Маруся продолжала. — Анна Матвеевна всю жизнь молчала и никому не рассказывала о своем брате. Его будто не существовало. До 90-х годов болтать было нельзя, болтать было опасно! Но как-то раз она мне рассказала, открыла душу незадолго до смерти...

Аня слушала ее рассказ как сказку. Мозг отказывался верить, что это история про реальных людей, реальная история про ее семью!

У отца Дмитрия и Анны было 9 человек детей — 6 сыновей и 3 дочери. Все они жили крепкой и дружной крестьянской семьей под одной крышей, хотя двое сыновей на тот момент уже были женаты и имели собственных детей. Все строго слушались батюшку и матушку, поэтому хозяйки на кухне никогда не ссорились, а братья ничего не делили спорами. Это была работающая семья — отец и сыновья уходили в поле с первыми лучами солнца и возвращались ночью. Кровью и потом добывали они свой хлеб насущный. Зато их семьи нужды не знали — зимой тепло одеты-обуты, во дворе стояли несколько коров и лошадей, а в каше всегда было масло. Дом — полная чаша.

Но в 1927 году в Ильинском началась коллективизация. Новые власти решили, что под крышей одного дома не может быть больше одной коровы и не должно быть лошадей, а большой дом их очень подходит для нужд строящегося колхоза. У них отняли всё. Выгнали из собственного дома, а взамен дали крохотную дырявую избушку.

— Скажите спасибо, что легко отделались! — говорил председатель. А соседи роптали: у работающих всё забрали, сделали нищими, а бездельникам отдали... Все лошади зимой напрасно издохнут...

Дмитрию на тот момент было 17 лет, младше него были еще три сестренки и двое братишек. Старшие братья стали разъезжаться, прихватывая с собой младших. Дети пошли по рукам. В избушке остались только мать с отцом и три младшие дочери.

Дмитрий на новую власть сильно осерчал. Он отказался работать на колхоз, а чтобы не посадили, аргументировал свой отказ откреплением в другой колхоз, в Саратове. И действительно уехал в Саратов. Вот только ни в какой колхоз там он, разумеется, не пошел, а занялся торговлей. Как говорят сегодня, «открыл свое дело». Дела у него, видимо, пошли в гору, потому что вскоре он начал тайно присылать деньги родителям. Наличие денег афишировать было нельзя — за это могли и расстрелять, причем и отправителя, и получателя, и доставщика — поэтому деньги вкладывались в рыбу, зерно или в другие продукты. Сам он из толпы не выделялся, ел хлеб и кашу, носил пролетарские штаны и жил в общаге.

Но потом заболела и умерла мать. На руках у отца остались три дочери и разбитое корыто... Дмитрий прислал отцу письмо, в котором звал его с сестрами в Саратов — работать на новом заводе. В колхозе денег не платили, люди годами работали «за палочки», то есть за отметки о трудоднях в журнале. А в городе деньги, пусть мало, но были. Собрав свой незамысловатый скарб и дочерей, отец поехал в Саратов.

Но черная полоса не заканчивалась: по дороге, в поезде, среди всеобщей нищеты и антисанитарии, отец и самая младшая дочка заразились холерой. Любимая малышка умерла в страшных мучениях на руках больного отца, не доехав до Саратова... Отец же передал оставшихся от семьи двоих дочек из рук в руки Дмитрию, схоронил умершую дочь и умер сам. Так у Дмитрия на руках остались сестренки 8 и 4 лет — Нюся и Лиза.

Он устроил Нюсю, а потом и Лизу в школу, одевал и обувал, кормил и лечил, заменял и мать, и отца, и при этом упорно работал. Свою семью он не создал. Так они прожили несколько лет. Нюся уже заканчивала 6-й класс — последний по тем временам год обучения. Дела торговые у Дмитрия процветали. Чем и как он торговал — никто уж не скажет, но удача не приходит одна. Она всегда приводит с собой завистников...

Однажды Дмитрий прибежал с работы раньше обычного и, ничего не объяснив, стал быстро скидывать вещи сестренкам в узлы и чемоданы. Всё, что поняла Нюся — это то, что его о чем-то предупредили... Он посадил их на первый же поезд, наказал никуда не выходить из вагона ни в коем случае, в последний раз помахал им рукой и ушел... Больше Нюся его никогда не видела. Ему было 27...

Видимо, по дороге с вокзала он успел дать телеграмму на родину, братьям, потому что на родной станции Ужовке их уже встречали на телеге.

Спустя месяц братья получили письмо без подписи, написанное женской рукой. В нем сообщалось о том, что Дмитрия ждать больше не нужно — в тот же вечер, как он отправил сестер домой, за ним пришли и забрали...

Никаких вестей от брата больше никогда не было. Вернуться на родину не было его судьбой. Это был 37-й год, и если ему каким-то чудом удалось тогда выжить, то вероятнее всего, он, как заключенный, попал в 41-м году в штрафбат, из которого живыми не возвращались...

Баба Маруся замолчала. Аня сидела молча, осмысливая услышанное. Сердце ее сжималось от жалости к Дмитрию, к его отцу и матери, к сестрам и ко всем, кому выпало жить в те времена.

— Я любила твою прабабку... — заговорила вновь баба Маруся. — Хорошая была женщина. Она была мне как старшая сестра. Всегда заступалась за меня... Павел ведь родился без отца — были послевоенные годы и мужей на всех не хватало... У многих мужчин дети были от нескольких женщин. И вся деревня знала, где чей ребенок. Когда родился Павел, был скандал, и только твоей прабабке я обязана тем, что меня не выгнали из колхоза — а это было бы смертеподобно по тем временам.

Она рано умерла. Я ходила к ней, когда она болела. Умирая, она в больном бреду всё говорила старшей дочери, Шуре, про свою внучку Анну. А Шуре самой тогда было года 23, наверное, или меньше... А Анны никакой никогда не было. Нюся ее выдумала в бреду. Видимо, ей так хотелось иметь внучек, и чтобы одну из них назвали в честь нее. Имя, говорит, счастливое. Но Шура осталась старой девой. Не знаю, почему же она не родила ребенка без мужа. Я уверена, Анна Матвеевна ее бы не осудила. Но она жизнь прожила в одиночестве. Так и умерла одна, на полу старого дома, у порога, где ее и нашли... И я бы так прожила, если б не мой Пашенька... — она помолчала. — А у меня есть фотокарточка твоей прабабки. Сейчас найду. — Она медленно поднялась, достала из шкафа старый-престарый советский альбом и стала перебирать «фотокарточки». — Вот. Это Анна Матвеевна. А это ее дочь, Шура.

На фотографии были несколько человек и среди них смеющаяся женщина в платке с медальончиком на шее, а рядом красивая хохочущая девчонка лет семнадцати.

— Какая красивая... Грустно. А знаете, мечту бабы Нюси иметь внучку Анну осуществила ее младшая дочь, моя бабушка. Она дала мне это имя.

— Береги его. Оно приносит счастье...

Домой ехали молча. Ане не хотелось говорить, и Гюнтер понимал ее настроение.

«Как я могла не знать всего этого раньше? — Ане почему-то стало стыдно перед давно умершими предками за то, что она проявляла к ним абсолютное неуважение, отмахиваясь от них, как от навязчивых мух. — Мне было даже не интересно, кто они и как они жили. Я ничего не знала о них. А ведь это их кровь течет в моих венах...»

В последнее время — с тех пор, как она связалась с этим домом — наступление темноты гарантировало Ане приход страхов. Поэтому она с тоской смотрела, как за окном становится всё темнее и темнее... Ей хотелось поговорить об этом.

— А ты не боишься темноты? — спросила она Гюнтера.

— Нет. Это бессмысленный страх. Темнота — это тот же день, только с выключенным светом.

— А мертвецов?

— Нет. Чего их бояться-то? Они уже не причинят вреда... А ты боишься, что ли?

— Ну не то что боюсь, но просто как-то не по себе... — соврала Аня. Гюнтер внимательно посмотрел на нее.

— Понятно... Страх нужен человеку, чтобы защитить его, предостеречь от чего-то, чтобы человек вовремя предпринял меры по своему спасению или просто сделал выводы на будущее. Страх — это наш хранитель. Надо принимать и уважать его. Если же страх ни от

чего не защищает, то он бессмыслен и не должен иметь места в твоей жизни.

— Неужели ты ничего не боишься? Не поверю...

— Боюсь. Все люди чего-то боятся.

— Чего боишься ты? Может, какие-то фобии?

Он помолчал.

— А ты с какой целью интересуешься? Хочешь узнать мои слабые места, как Далила, чтобы лишить меня сил, как она Самсона?

— Да у тебя всё равно стричь нечего. Просто спросила. Ну?..

Он опять помолчал, но всё же ответил:

— Да нет у меня никаких фобий. Разве что естественный человеческий страх потерять близких. Да, считай меня семьефобом.

— Что за глупость? — засмеялась Аня.

— Глупость — это бояться темноты и мертвецов...

Аня прикусила язык.

— Почему ты этого боишься?

— Потому что семья — это постоянные страхи... Нет ничего хуже, чем страх потерять близких. Я не понимаю, как люди мирятся с этим страхом, когда женятся. Хотя, возможно, они просто не понимают, какую страшную ответственность на себя берут... Я хотел бы прожить свою жизнь один, как твоя баба Шура. Меня греет мысль, что так я никогда никого не потеряю.

— А как же старость?

— Ну а что старость? Отложу денег, соседи схоронят...

— Мрачновато...

— Да почему? Каждый сам решает, как ему жить. Это мой выбор, и я не вижу в этом ничего плохого. Я привык жить один.

Ночью Аня никак не могла заснуть. Перед закрытыми глазами стояли груды земли в старом доме, а в мозгах постоянно прокручивалась история про несчастного Дмитрия. Потом она представила, как баба Шура умирала в том доме в полном одиночестве. Почему ее нашли на полу? Может, она хотела выйти? Сказать что-то? Ане стало не по себе. Она открыла глаза. Кругом было темно, как никогда не бывает в городских квартирах, где тусклый свет фонарей и проезжающих мимо машин обязательно находит щель в шторах. А Аня темноты боялась.

Было тихо. Жизнь в этот тихий мрак вносили только часы — от электронных часов на Гюнтеровской музотехнике на ковер падал слабый зеленоватый свет, да механические часы где-то в глубине комнат, на кухне, отсчитывали секунды жизни, словно отчеканивая метрономом шаги. Ей вспомнились шаги в недрах закрытого старого дома, и на нее вновь напал неконтролируемый страх, как тогда. «Этот дом проклят! — вдруг торкнула ее мысль. — Его прокляла умирающая баба Шура, за то, что ее все бросили! Или баба Нюся! За свои спрятанные сокровища. Эти проклятья пали на меня...» Постепенно ей стало казаться, что зеленоватый свет падает на чьи-то черные расплывчатые тени, стоящие во мраке. Тени приобретали всё более реальные и четкие очертания, и она уже могла поклясться, что видит перед собой душу прабабки. Вот ее тщедушные плечики, вот голова, вот черные глазницы... Она стояла у Аниного изголовья, она пристально смотрела на Аню.

Аня закрыла глаза, спасаясь от пронзающего страха. «Она пришла за мной... Я ищу то,

что спрятано не для меня...» Как в детстве, укрылась одеялом с головой. Оно давало ощущение защиты. Стало нестерпимо жарко и мало воздуха, но вылезти — смертеподобно. Аня боялась пошевелиться. «Нет, это всё неправда, это плод моего воспаленного воображения, это просто темнота. Придет солнце и разгонит все мои страхи», — разум уговаривал ее, но нервы опять перестали слушаться. Время шло, легче не становилось. Вот и одеяло перестало спасать от страха. «Я больше не могу быть одна в темноте. К утру я сойду с ума! Надо спасаться!» — решила она в конце концов. Собрала всю свою храбрость, выдохнула, резко сбросила одеяло и почти побежала на носочках, чтобы не шуметь, натываясь в темноте на все углы, в комнату Гюнтера. Без одеяла она была совсем незащищена, будто без кожи, и бабка следовала за ней по пятам.

Забежав к нему в комнату, Аня в нерешительности остановилась на пороге. Гюнтер равномерно сопел, как обычно. От его присутствия в комнате уже стало легче. «Разбудить и сказать, что ко мне пришел призрак бабки? Он решит, что я рехнулась. Не будить? Тогда зачем я здесь? Но идти одной назад... Может, посидеть в уголочке комнаты?»

Она тихо-тихо подошла к Гюнтеру, боясь его разбудить и в то же время ужасно желая, чтобы он сейчас проснулся сам. Встала рядом и помедлила в нерешительности. «Гюнтер, — хотелось прошептать ей, — мне страшно, можно я залезу к тебе под одеяло? Я хочу спать здесь, с тобой...» — но ее воспитанные губы никак не могли произнести этот бред. В темноте Аня едва различила его анфас. «А он в царстве Морфея, и не знает, что я здесь стою и всего боюсь... Он даже спит идеально, хоть стой любуйся... На спине спит тот, кто ничего не боится», — вспомнилась Ане очередная присказка. — Но в конце концов, это смешно... Гюнтер вообще здесь не при чём, он не обязан возиться со мной в две смены. Надо вернуться и достойно встретить страх в одиночестве.» Она стала медленно разворачиваться, чтобы уйти, но вдруг «спящий» Гюнтер схватил ее за локоть. Аня дернулась от неожиданности. Он притянул ее к себе.

— Зачем ты ходишь ко мне каждую ночь? — прошептал он ей на ухо. — Тебе что-то нужно? — он замолчал в ожидании ответа. Ане так многое хотелось сказать ему, поделиться мыслями, нырнуть к нему под одеяло, прижаться и спрятаться... С ним не страшно. Но губы сами по себе сказали:

— Нет...

Он разжал пальцы и отпустил ее. Она выпрямилась, сказала «извини» и, ругая себя, вышла из комнаты.

На следующее утро Аня специально встала пораньше. Незаметно выглянув в окно, увидела, что он подтягивается на турнике. «У меня есть немного времени...» — подумала она.

Пока он не видит, Аня зашла на кухню, придвинула стул и, встав на него, достала советскую книгу, которую он убрал на шкафчик. «Браун Д. Галогениды лантаноидов и актиноидов. 1972 год.» — прочитала она на обложке. «Что это за хрень?» — она быстро пролистала страницы. — Похоже, это химия. Ну то, что после радия идет актиний он и без меня знает... Только зачем ему это? — мысли бежали быстрее, чем пальцы по страницам. Начались всевозможные догадки. — Химия в деревне... Помогает выращивать помидоры? Он не сажает помидоры. Чем вообще он занимается? Кто он такой? Он говорил, что он в отпуске. А в отпуске от чего? От тюрьмы? А вдруг он всё же и есть этот самый сбежавший маньяк, укокошивший тракториста?.. Да нет, как-то нелогично... Посмотрим, что

интересного у него здесь хранится...» Она открыла шкафчик. Внутри в два ряда стояли бутылки с алкоголем — водка и какие-то заморские напитки. «Ничего себе... Похоже, он ещё и алкаш. »

— Мало того, что ты жадная, так ты еще и чрезмерно любопытствующая! — вдруг раздался за спиной голос Гюнтера. От неожиданности Аня дернулась, выронила книгу и обернулась. Гюнтер стоял, прислонившись спиной к дверному косяку и сложив на груди руки. — Фигов из тебя Джеймс Бонд... Белыми нитками шито... — он подошел и, подняв книгу, убрал ее на место. — Что тебе не ясно про меня? Спрашивай сейчас или никогда. — Он встал напротив Ани и выжидательно смотрел на нее. Стоя на этой табуретке, Аня хоть и смотрела на Гюнтера сверху вниз, но чувствовала себя клопом — неловко, как провинившаяся школьница. Она не знала, куда себя деть и уж тем более не собиралась ни о чем его расспрашивать. Но он ждал.

— Эээ... Где ты взял эту книгу?

— Это лучший твой вопрос за все дни, Брунгильда! «Золотая малина» ему! Просте гениально, надо записать... — Он даже не улыбался. — Взял в городе. Еще вопросы есть? Сейчас или никогда. Но будь добра — больше не ищи инфу про меня за моей спиной. Мне это не нравится.

«Что-то я безбожно туплю... Надо собраться и всё спросить. Такая возможность», — решила Аня. Она, наконец, подняла на него глаза:

— А если ты соврешь?

Он вновь взял книгу про эти самые галогениды, положил на нее руку и торжественно произнёс:

— Клянусь химией, что буду говорить правду и только правду! Этого достаточно или мне кровью в паспорте расписаться?

Ладно... Отвечай, раз хочешь. Аня начала:

— Ты пьешь?

— Никогда.

— Зачем тогда у тебя хранится водка?

— Ты в деревне, не забывай. Это местная валюта.

Аня решила и задала главный вопрос. Будь что будет...

— Ты уголовник?

— Нет.

Поверить наслово?..

— Что ты делал в городе?

— Я там жил.

Аня удивилась. Она привыкла считать его деревенским в доску.

— Долго?

— 6 с половиной лет.

— Ты же местный?

— Местный.

— Почему тогда жил в городе?

— Я там учился.

— Где?

— В Политехе. — Аня удивилась еще больше.

— Почему так долго — 6 с половиной лет?

— Магистратуру заканчивал, аспирантуру через полгода бросил. Вернулся в деревню.

«Ничего себе...» — подумала Аня и замолчала. Она бы легче восприняла информацию о том, что он уголовник... Он увидел произведенное этой информацией впечатление на Анином лице и добавил:

— Ну неужели ты правда думала, что в деревне не могут жить люди с высшим образованием?

— Если честно, то да... — призналась Аня — И родители одобрили твой выбор? То, что ты бросил учебу и вернулся?

Он отошел и поставил на огонь чайник.

— Да. Еще вопросы есть, товарищ начальник?

— Есть. — Аня решила добить мучавшие ее вопросы до конца, вопреки элементарной вежливости. — Где ты работаешь?

— В Починках на Газопроводе.

— Что это?

— Не вникай. Всё законно.

— Кем?

— Главным инженером. Допрос окончен? — он взглянул на Аню. Она молчала, теребя краешек подола. Он смилостивился. — Слезай с табуретки и садись завтракать, горе моё луковое...

В довершение этого глупого утра у бабкиного дома Аню остановил полицейский и отвел ее в сторону. У него были свои вопросы про местное население.

— Я никого не знаю, я не местная, — пыталась увильнуть от него Аня.

— Это очень хорошо, что Вы приезжая. Вы можете не опасаться, в отличие от местных, и сказать правду.

Аню покорила его честность. Он показал ей две фотографии. Под одной из них она успела прочитать имя — Антон Калинов — и дата рождения. На ней было изображение того рыжеволосого красавчика на мотоцикле.

— Да, я видела этого человека, он помог мне найти мою машину, — Аня рассказала подробности своих приключений в первое утро. На второй фотографии был изображен мужчина лет 40 в галстуке. Видимо, это фото было взято с паспорта.

— Фотография была сделана давно и может сильно отличаться от оригинала, так сказать... Но современной у нас нет. Присмотритесь.

Ане внимательно рассмотрела лицо на фото. Ей показалось, что где-то она видела похожие черты ... Да нет, только показалось: никого с такой интеллигентной внешностью она здесь видеть просто не могла.

Гюнтеру полицейский не задал ни одного вопроса. Странно всё это...

— Антона ищут... Твоего одноклассника, — объяснила Аня, когда полицейский, поблагодарив ее, уехал.

— Я знаю, — нахмурился Гюнтер. — Он пропал в ту же ночь, как ты пришла ко мне.

«Ты пришла ко мне... Как романтично звучит».

Только войдя в дом, Аня сразу стала искать, не изменилось ли что-то за время их отсутствия. Как ищейка, бродила по углам и внимательно всё «разнюхивала». Наконец, торжествующе закричала:

— Я могу поклясться, что эти тряпки лежали правее, а под плитой не было этого пакета! — она выковыривала что-то черное и грязное ногой из щели между досками пола. Наконец, выковыряв и подняв это что-то, заговорщическим тоном сказала:

— Посмотри, это же резинка для волос!

Гюнтер просто не мог быть серьезным:

— Ну всё, сокровища найдены? Идём домой? — но Аня не шутила. — Да ты сама же наверняка вчера ее и потеряла!

Аня скривилась:

— Я не ношу такие вульгарные резинки, — и тихо подвела итог: — Здесь кто-то есть...

Она вспомнила про дух бабы Нюры у изголовья своей кровати, и ей вновь стало страшно. Это уже паранойя, отклонения психики. Господи, походу, кукуха поехала... По спине пробежали мурашки. Нетвердыми руками она открыла свою сумочку и достала модные женские сигареты. Засунув одну из них в рот, она стала шарить по сумочке в поиске зажигалки. Гюнтер смотрел на нее во все глаза. Он явно был неприятно удивлен.

— Ты еще и куришь! — он вырвал у нее изо рта сигарету и вышвырнул в окно. Потом выхватил у нее из рук сумочку, вытряхнул всё ее барахло на табуретку, нашел пачку сигарет и зажигалку и кинул их туда же.

— Либо ты куришь — либо я копаю! Договорились?

Аня смутилась. Раньше таких бурных реакций на банальное курение ни у кого из ее окружения не было.

— Да нет, я вообще-то не курю... — зачем-то стала оправдываться она. — Это просто корпоративный стиль... У нас на работе модно... иногда...ну это круто... как бы... — мямлила Аня. — Когда начальник тебя бесит, ты берешь сигарету и закуливаешь... и все знают, что ты в бешенстве и что ты ... ну типа крут... Я по привычке...

Гюнтер перебил ее мямленье:

— Значит, это плохая работа. Когда я вижу курящую девушку, мне всегда становится интересно: в ее голове есть мозг или она без него справляется?

Ближе к вечеру, докопав вчерашние сени, Гюнтер бросил лопату:

— Мы как-то не методично ищем. Надо составить план. Кто сказал, что сокровища закопаны под домом? Может, они спрятаны между стен или вовсе на огороде? Если за пределами дома, то шансы найти их сводятся к минимуму. И — говорю сразу — перекапывать огород я не буду! В поиске нужна определенная последовательность, система, а не хаотичность по принципу «где стрельнуло — там и покопали».

Они составили план, в который включили по убывающей вероятности находок все объекты на территории дома, включая все возможные варианты во дворе и рядом с ним. Вечером, перед уходом, решили проверить между стенами во дворе, где раньше жила скотина. Гюнтер обратил внимание, что между ними пространства больше, чем требуется. Хотелось довести это дело до конца сегодня, чтобы на завтра приступить к крыльцу, как всё же настаивала Аня.

— Какие добротные, тяжелые бревна в доме, а здесь — догнивающее старье, — говорил Гюнтер, простукивая стену. — Сейчас быстренько сломаем — и домой.

Начинало темнеть, вечер выдался холодный. «Почему-то ночи здесь гораздо холоднее, чем в городе. Такие перепады температуры... Днем жарко, ночью холодно. — Аня посмотрела на термометр, приколоченный к окну. — Как может быть летом 11 градусов?»

На ней было одно платье, и она давно продрогла, но не жаловалась Гюнтеру, чтобы он не отпускал свои шуточки про то, что жадность важнее здоровья, и молча дрожала, глядя как он работает. «Быстренько сломаем» растянулось ещё на час. Вечер угасал. Впервые за отпуск Аня мечтала уйти с раскопок немедленно, а Гюнтер не торопился.

— Раньше строили на славу, — продолжал он свои рассуждения. — Этот дом простоял 80 лет и еще столько же простоит. Проще перекопать огород, чем разобраться со стенами...

От него, казалось, валил пар, и он не догадывался, что у нее зуб на зуб не попадает.

«Надо тоже поработать, — мысленно решила Аня. — Авось согреюсь.»

— Дай я попробую что-нибудь сломать, что ли, — она подошла и взяла из его руки топор. Гюнтер умилился, но инструмент отдал. Он оказался тяжелее, чем представляла Аня, и чуть не упал ей на ноги. Гюнтер на лету перехватил его, нечаянно коснувшись ее руки.

— Да ты ледяная! — опомнился он. — Чего не сказала-то, что мёрзнешь? Я бы тебе еще дома что-нибудь теплое дал, видишь же, что сам не догадался...

Он стянул с себя футболку и натянул ее на Аню. Футболка была согрета теплом его тела, пахла мужским парфюмом и вообще настоящим мужиком. Но грела она плохо.

— Честно признаться, футболка не очень-то спасает, — пожаловалась девушка. Гюнтер предпринял другую попытку согреть ее: обнял сзади и прижал к себе.

— Руки-ледянюки... — он возился с ней, как с ребенком, согревал ее пальцы, нежно растирая их своими большими и теплыми ладонями, дышал на них, поднося к своим губам. — Ну ты и мерзлятик. Ничего, зимой возьму тебя с собой купаться в проруби — перестанешь бояться холода. — Он продолжал болтать, а Аня прижималась к нему и чувствовала, как тепло возвращается, идет от его тела в её. Рядом с ним ей всегда тепло... Было так хорошо, что не хотелось больше ничего в этой жизни, только стоять бесконечно в этом пыльном темном доме и прижиматься к нему... Неожиданно он тоже притих и закопался лицом в ее волосы на макушке. Ему тоже было хорошо... Они стояли молча, обнявшись, и оба ощущали, как постепенно унимается дрожь в ее теле.

«Но нет, нет, нет! — возвращались и кричали откуда-то издалека мысли в ее уставшую от борьбы с собой голову. — Что за фигня сейчас происходит? Почему ты позволяешь лапать себя? Ты не можешь позволить себе роман с ним. Зачем тебе лишние проблемы? Ты уедешь — и вы расстанетесь, не нужно и начинать. Нельзя...»

Она медленно отстранилась от него и убрала с себя его руки.

— Спасибо, — сказала она чужим, сухим тоном. — Но нужно просто побыстрее доломать эту стену и поехать греться домой. Давай дальше работать.

Неожиданно Гюнтер разозлился.

— Хорошо, — ответил тем же официальным тоном, что и она, взял топор и размахнулся. Он ничего не говорил, но Аня видела бесов, заискрившихся в его глазах, и ей стало страшновато. Не поняв, что произошло, она невольно шарахнулась от этого психа подальше.

Больше ничего не прощупывая, Гюнтер шарахнул тыльной стороной топора по стене с такой силой, что ветхие конструкции дворной стены разом рухнули — и прямо на него. Облако полувековой пыли взметнулось до потолка.

— Гюнтер, боже мой... Ванечка! — кинулась к нему Аня, перескакивая через доски. — Ты цел?

Он удержал остатки стены плечами и, сбросив их, выбрался наружу. От злости он, казалось, и не заметил, что случилось.

— Отойди от меня! — огрызнулся он.

Но Аня схватила его в охапку.

— Ты цел? Где болит? — причитала она и стала исследовать его голову и плечи. Они были покрыты слоем грязи, а ей казалось, что под этим слоем непременно должна быть кровь. Аня руками сметала грязь с плеч и груди. Крови не было.

— Я цел! Не трогай меня!

Она не верила и продолжала ощупывать его спину и голый живот.

— Тебе больно? Больно?

Он скинул с себя ее руки.

— Я сказал: не трогай меня! — неожиданно тихо сказал он. — Не испачкай руки о деревенского холуя. Потом опять будешь извиняться и сожалеть...

Он развернулся и быстро пошел на выход.

Она бежала за ним, не зная, что сказать. Даже дом запирать не стала.

— Ты неправильно меня понял... — начала было оправдываться она, но он резко остановился и перебил ее:

— Я не слепой, как ты иногда думаешь... — Он хотел еще что-то добавить, но передумал и пошел дальше. Аня бежала и уговаривала:

— Да нет же, я не...

— Всё, закрыли эту тему, — уже спокойным голосом Гюнтер закончил разговор, садясь в машину.

Они молчали всю недолгую дорогу. Дома он сразу прошел в баню, пробыл там недолго, вернулся чистый и спокойный и, включив телевизор, уселся на любимый ковер. Аня поняла, что разговаривать с ним сейчас бесполезно, молча развернулась и тоже пошла в баню.

Стянула одежду и со злости швырнула ее в угол — всю, кроме футболки Гюнтера. Ее она обняла, залезла на полку и заплакала от бешенства на саму себя и от собственного бессилия. Вроде бы она всё делает правильно. Она все еще приличная девушка. Но почему тогда сейчас ей так паршиво, почему теперь кажется, что она с самого начала вела себя с ним как-то не так... Высокомерно, что ли...

«А гордиться мне нечем... Чем я лучше его? Ничего в моей жизни не было... Кроме сплошных запретов. Тут нельзя, там нельзя, везде нельзя, всё нельзя! — в бешенстве она сняла и швырнула в стену браслет с руки. Он разорвался, и бусины с шумом покатались в разные стороны. — С этим не общайся, сюда не поступай, здесь не работай, это не принято, это не модно, начальнику улыбайся, маму слушайся... Общайся с моральными уродами, если они имеют хороший статус в обществе. Вся жизнь по часам: работа-дом-работа-дом-работа... Ничего в моей жизни не было, кроме серых будней и одиночества, а молодость проходит зря... мимо меня... Я только и делаю, что всего боюсь и подстраиваюсь под нужных людей. Зато всем угодила! Примерная девочка, молодец, в старости можешь помереть с чистой совестью, потому что кроме нее у тебя ничего не будет. Серая, мышастая жизнь. Да я вообще живу не своей жизнью, а жизнью тех, кто диктует мне правила! А теперь и Гюнтера заставляю подчиняться этим правилам. Но что я потеряю, если упаду в глазах других? Да ничего! Ни-че-го...»

Она проревелась от злости и обиды на саму себя и бессмысленно уставилась на капли пота, стекающие с нее. «Вода... Вода дает очищение. Вода успокаивает и помогает смыть старую грязь.»

Девушка решительно встала. Навела тщательный марафет, смывая с себя остатки

неуверенности и неприятных размышлений, и вышла из бани другим человеком. В передбаннике по-прежнему лежала стопкой нетронутая Гюнтеровская одежда. Она выбрала себе рубашку и с наслаждением надела только ее.

Когда Аня вернулась в дом, Гюнтер мирно лежал на том же месте, где она его и оставила. Аня взяла расческу и демонстративно встала перед экраном телевизора, расчесывая длинные волосы, с которых еще капала вода. Он отвел глаза:

— С легким паром! Тебе идет. А теперь выйди и переоденься.

— Зачем? Мне нравится, и я буду ходить так.

— Не упускаешь возможности продиктовать свои правила?

Аня пожала плечами:

— Тебе можно, а мне нельзя? Ты же ходишь полуголый.

Она подошла ближе. Он напрягся и сел, глядя в сторону. Чтобы положить расческу на место, Аня прошла, перешагнув через Гюнтера и нарочно коснувшись его лица краем своей рубашки. Он вскочил.

— Ты определись, чего тебе хочется! То избегаешь меня, то сама провоцируешь. То ты девочка-недотрога, то... — он не стал договаривать.

— Да тут, по-моему, всё очевидно... в чем я определилась и чего мне хочется...

— Перестань! Ты издеваешься надо мной?

— Да. — Она сделала шаг к нему. Он сделал шаг назад, отстраняясь от неё.

— Не делай того, о чем будешь жалеть. Не трогай меня, я уже просил.

— Да почему я должна тебя не трогать, если мне хочется? — и она, подойдя так близко, что ощутила, как он дышит животом, повела ладонью по его телу, от шеи до пупка, пока он не остановил ее руку. Сделал еще шаг назад и спрятал свои руки за спину.

— Неужели ты не видишь... что у меня сейчас крышу сорвёт? Я здоровый мужик, а ты полуголая разгуливаешь рядом. Каждое твое прикосновение — 220 вольт для меня... Ты садистка, всего меня в бабкинском доме облапала!

Аня всё отлично видела. Она торжествовала: он смотрел на нее тем же взглядом изголодавшегося волка, но теперь он был полностью в ее власти... Волк, загнанный в угол. «220 вольт, говоришь?..» — она расстегнула свою рубашку и прижалась к нему всем телом. Это оказалось еще приятнее, чем она много раз представляла. Она чувствовала тепло и напряжение каждой его мышцы. Он сделал последнюю попытку предотвратить неизбежное:

— Анна! Прекрати! Не играй с огнем!

— Ты назвал меня по имени... А может, я хочу обжечься?.. — она достала его руки, спрятанные за спину, и засунула их себе под расстегнутую рубашку. — Да ладно, сдавай позиции, я же вижу... я чувствую, что ты проиграл. Полная капитуляция...

Рассветные лучи плыли по комнате сквозь занавешенные шторами окна. Начинили петь первые птицы. Белый мягкий ковер.

Он лежал у нее на спине, взяв ее в охапку и оперевшись на локти.

— Ты такая маленькая, хрупкая... — шептал он. — Я боюсь дотрагиваться, чтобы не сломать тебя нечаянно...

Да, она видела, что каждое его движение, как и каждое слово, — это постоянный самоконтроль. Но если бы он знал, как ей приятно ощущать его тяжесть и силу...

— Да брось. Пара синяков от мужских пальцев только украшают женскую попу! Ты для меня как одеялко: можно укрыться с головой, и еще куча места останется... Я боюсь другого.

— Чего?

— Что ты больше меня не захочешь...

— Дурилка... Это невозможно. Я хочу тебя 24/7. Ты бы физически не выдержала воплощение всех моих фантазий.

— Что-то я не замечала особого хотения.

— Это потому, что ещё в студенческие годы я придумал один прекрасный метод: когда чувствую, что всё, мозг отключается, сейчас башню сорвет, я вспоминаю описание элементов таблицы Менделеева. Помогает отвлечься.

Вспомнив их прежние разговоры, Аня возмущенно шлепнула его по плечу:

— Маньяк! Ты мысленно раздевал меня с первой же ночи, как я пришла к тебе!

— Нет. Ещё раньше: с первой секунды, как увидел тебя тогда, в клубе. — Он снова начал целовать ее плечи...

Из дома в этот день они вышли только к обеду. На улице было как-то тихо.

— Будет гроза, — сказал Гюнтер. — Может, не поедем копать сегодня? Останемся дома.

Аня не поверила, что с палящего июльского неба вдруг ни с того ни с сего пойдет дождь, но почему-то сегодня сокровища перестали её интересовать. Никуда не хотелось, и она с готовностью согласилась остаться дома. Гюнтер устроился на высоком крыльце, Аня уютно привалилась рядышком, забросив свои ноги на его. Она просто сидела и наслаждалась летним затишьем и присутствием Гюнтера. Хорошо!..

На небе неожиданно начали сгущаться облака, они всё больше темнели, и, наконец, с горизонта на них пошла черная туча. Время от времени ее черноту пронзало молчаливое электричество ярких молний. Тишина сгустилась. Птицы замолкли совсем. Полный штиль. В душе нарастало непонятное чувство какого-то волнения, ощущения чего-то приближающегося. Аня подумала, что здесь, в деревне, любое изменение в природе воспринимается острее, чем в городе — здесь теснее связь с природой, поэтому обращаешь внимание на то, что в городских условиях заметить сложно.

И вдруг в небе ка-ак бабахнуло где-то прямо над ними! Рванул свежий ветер, деревья заметались и зашумели, небо прорвало тоннами воды и оглушительно загрохотал по крыше и траве ливень! Тишина была разорвана в клочья. Ощущение волнения сменилось на какой-то всё нарастающий детский восторг! Хотелось подставить лицо ветру и ловить огромные капли, которые долетали до их ног. Аня выставила ладонь из-под крыши наружу.

— Какой теплый дождь! — прокричала она с восторгом и выставила руку сначала по локоть, потом по плечо, потом неожиданно для самой себя вскочила и выбежала на улицу. Теплые, тяжелые капли ошеломили ее тело. Одежда и волосы мгновенно промокли насквозь. Она подставила лицо дождю и раскинула руки. — Никогда не понимала, как это — бегать под дождем босиком, — крикнула она и, скинув с ног намокшие эспадрильи, раскидала их в разные стороны. Гюнтер с тихой и светлой улыбкой смотрел на нее и любовался.

— Иди ко мне! — крикнула Аня и стала кружиться и орать: Йе-ху!

Наконец, и он не выдержал:

— Неправильно ты кричишь, — сбегая с крыльца, крикнул он. — Надо кричать вот так: — и он неожиданно завопил, — Эге-гей! — Схватил Аню, посадил ее себе на шею и стал носиться и подпрыгивать, как конь ретивый. Как ненормальные, они орали и хохотали, Аня размахивала руками и убирала со своего лица и лица Гюнтера прилипшие волосы. Вода

окутывала их теплым мокрым пологом.

«Дураки какие-то!..» — наверно, подумали бы случайные зрители. Но им было всё равно. Они гоготали и носились, пока Гюнтер не поскользнулся в мокрой траве, и они оба не шлепнулись с размаха в набежавшие лужи. Визги, смех усилились и они, не вставая, стали кататься по мокрой траве. Гюнтер схватил Аню за ногу и покатил спиной по луже. Аня пнула его и подставила подножку. Он опять шлепнулся, она села верхом и ткнула его лицом в мокрую траву.

— Ах ты хулиганка! Напорю! — он стащил ее за ногу, положил себе на колени и стал шлепать по попе...

Когда Аня устала беситься, она просто легла «звездой» в траву. Ливень всё не кончался, небо грохотало. Гюнтер подполз и положил голову ей на живот. Так они и лежали, подставив лица дождю.

«Боже, что я творю? — думала Аня. — У меня сорвало крышу. Но если я делаю что-то неправильно, то почему тогда мне так хорошо от этого? Так хорошо... Это свобода...»

Когда она в конец замерзла, он обхватил ее и понёс греться в баню, стягивая свободной рукой с нее мокрую одежду прямо на улице. В этот раз было, кому попарить ее сразу двумя веничками.

— Что у нас на обед? — нагулявшаяся по мокрому после ливня полю Аня откопала в шкафу и отмыла от пыли глиняный кувшин. Поставила на стол букет свежесобранных полевых ромашек.

— Я съездил в Починки и нашел для тебя спаржу и фасольку.

— Спасибо за заботу! — она подошла и чмокнула его. — А что у тебя? — она села ему на колени, взяла его ложку и попробовала. — О, борщец! Пожалуй, я лучше поем здесь! — она бесцеремонно подцепила самый большой кусок мяса. — М-м-м, как же давно я не ела мяса! Буду толстой и красивой!

После грозы и в доме стало свежо и прохладно. Аня ёжилась, завернувшись в одеяло Гюнтера. Тот вспомнил:

— Точно, мы же хотели поискать тебе что-нибудь теплое. Поехали завтра в Починки или в Саранск, купим тебе теплые вещи?

— В Саранск на шоппинг?

— Ну да. Местные ездят за покупками в Саранск или в Нижний. До столицы Мордовии здесь, кстати, в три раза ближе, хоть область и Нижегородская.

— Так вот где ты берешь свои красивые рубашки, — улыбнулась Аня. — Ну и всё прочее.

— Конечно. Не думала же ты, что я купил машину на сельской воскресной ярмарке.

— Нет, я не хочу новые вещи — их мы еще успеем купить. Я хочу твои...

Он открыл шкаф и встал в задумчивости:

— Что бы тебе такое дать, чтобы ты не утонула... Вот такой свитер хочешь?

— У тебя всё белое... Машина, одежда, волосы... — она погладила их рукой.

— Зато у тебя всё темное: машина, одежда, волосы... — он поцеловал ее в макушку.

Аня взяла белый свитер и надела его на голое тело. Он был мягким, приятным и согревающим.

— Идеальное платье, — оценил Гюнтер. — Как раз до колен.

— Пожалуй, оставлю. Заверните вот это, пожалуйста! — снисходительным тоном сказала Аня и обратила внимание на полку с цветастыми вещами. — А здесь у вас что? Поступила, наконец, новая коллекция весна — лето? Разрешите примерить? — начиналась новая игра, и ей хотелось играть. Но Гюнтер закрыл шкаф.

— Нет. Там вещи родителей. Пойдем погуляем? После грозы так хорошо на улице.

Они вышли. Воздух, казалось, был еще свежее и чище, чем обычно. Было тихо и безветренно. Крупные капли воды время от времени срывались с подрагивающих веток деревьев и кустов. Белые облака как ни в чем не бывало плыли по высокому голубому небу навстречу розовому закату, будто и не было никакой грозы. Маленькая дикая птичка на тонких ножках, похожая на воробьишку, но с синей грудкой, схватила с ветки спелую ягоду малины и, усевшись на земле, с аппетитом расклевывала ее. Увидев Аню и Ваню, она вспорхнула.

— Что это за птичка?

— Варакушка. Их здесь много, живут прямо в кустах смородины.

Аня набрала в ладонь ароматной мокрой малины.

— Почему ты не собираешь ягоды? Малина облетает.

— Не люблю, — пожал плечами Гюнтер. — Да и что с ней делать? Варенье варить? Я не буду.

— Ну отдал бы родителям.

— Им не нужно. Приедет жена брата, если ей нужно, и соберет.

Аня уловила непонятную, уклончивую интонацию в его голосе.

— Жена брата — единственная женщина, которая здесь бывает? Мама не приходит к тебе? — Гюнтер, казалось, колебался. — Вы поругались, что ли?

Гюнтер решил:

— Пойдем. — Он развернулся и пошел к дому.

— Куда?

— Я вас познакомлю.

Аня напряглась. Она не была готова знакомиться, тем более сейчас, разволновалась и стала искать причины, чтобы никуда не ездить.

— Ты что, ты время видел? Нормальные люди в 9 вечера в гости не ездят!

— Мне можно.

— Я не могу так сразу собраться, — засуетилась Аня. — Мне надо привести себя в порядок, нужно в магазин заехать, какой-нибудь торт там, гостинцы купить...

Гюнтер зашел на кухню, достал бутылку водки, что-то ещё, и взял ключи от машины.

— Пойдем, больше никаких гостинцев не надо.

Аня почуяла недоброе. «Его родители- алкоголики? Он стесняется их...» — догадалась она и села в машину. Они молча проехали всю деревню.

— Они живут в другой деревне? — осторожно спросила Аня.

— Нет, в этой.

— Но мы проехали все дома...

— Нет, еще не все, — и он повернул к воротам кладбища. Аню будто прострелило. Она осторожно поглядела в лицо Гюнтеру, но он не смотрел в ее сторону и, молча выйдя, пошел к воротам кладбища. Аня посеменила за ним. У ворот он остановился, перекрестился широким крестьянским жестом, как положено, поклонился иконе над воротами и, по-прежнему не глядя на Аню, не спеша открыл ворота и зашел.

В этот вечерний час на кладбище было тихо. Тихо и спокойно. Не пели птицы, не разговаривали люди — никого. Пахло тополями и прибитой ливнем пылью. Легкий ветерок срывал с листьев последние капли дождя. Они проходили мимо простых деревенских могил и с темных от воды крестов на них молча смотрели незнакомые люди. Аня не любила глядеть на фотографии на памятниках — ей всегда казалось, что эти люди будто укоряют ее своими взглядами в том, что она жива, а они уже здесь...

Наконец, они остановились в дальнем углу кладбища. Гюнтер открыл голубую калитку одной из могил, зашел и неожиданно приветливо и громко сказал:

— Здорово, батя! Мама, привет!

С красивого белого мраморного памятника на Аню посмотрели двое немолодых людей — красивая женщина и мужчина, похожий на Гюнтера. Они были сфотографированы вместе, рядышком, и им было хорошо друг с другом. Может, это было фото с семейного праздника. У обоих были веселые глаза и добрые улыбки на лицах. Аня чувствовала себя не в своей тарелке.

Гюнтер открыл припасенную бутылку, достал откуда-то из-за памятника рюмку, почистил ее от нападавших листьев, и налив доверху водки, поставил ее на могилу, а сверху положил кусок ржаного хлеба и сел на скамеечку рядом.

— Суббота...

Помолчали.

— Вот, привел к вам знакомиться свою Аню. Прошу любить и жаловать.

Ане стало совсем не по себе. Ей казалось, что родители внимательно изучают ее с фотографии: с кем связался их любимый сын? Не обидит ли она его? И ведь им не угодишь светской беседой, как дяде Паше, не встанешь на носочки, чтобы казаться лучше, чем ты есть — они видят тебя насквозь...

Гюнтер усадил Аню рядом с собой и опять замолчал. Было очень тоскливо.

«Могила такая ухоженная» — подумала Аня. Подстриженная травка и немного живых цветов украшали ее.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она тихо.

— Захожу, когда взгрустнется, — пожал плечами Гюнтер.

«Часто же тебе бывает грустно...» — подумала Аня. Больше она ни о чем спрашивать не стала. Они немного посидели и ушли, попрощавшись. Фотография осталась одиноко прозябать в последних лучах уходящего солнца. Рюмка и хлеб остались нетронутыми.

Спать легли в тишине. Аня не знала, насколько уместно задавать вопросы по теме или, наоборот, начинать болтать обо всем подряд, как раньше, и потому молчала. Гюнтер тоже молчал. Наконец, он решил прервать тягостную паузу и ответить на немые Анины вопросы.

— Мне было 16. Отец работал участковым. Его ранили при задержании на пьяной драке. Ножевое... Он не выбрался. А следом за ним заболела и ушла мать. — Он помолчал. — Она очень любила отца и хотела быть с ним. Теперь они снова были вместе. А я остался один.

«Лаконичный рассказ», — подумала Аня.

— А как же брат? — тихо спросила она.

— Брат на тот момент уже был женат и жил в Нижнем. Он оформил опеку на меня и звал жить в городе. Я решил поступать в Политех. Мне нравилось учиться, у меня мозги под это заточены... Новая жизнь, новые знакомства. Но брошенный отцовский дом словно тянул

меня обратно. Научный руководитель уговаривал меня остаться, он всё для меня делал... Но я ушел из аспирантуры и бросил всё в городе. Я не смог остаться там. Я не создан для города. Здесь меня легко взяли на нормальное место — людей с хорошим образованием в районных центрах всё же не так много, да и отца моего многие знали, я был на хорошем счету. Сначала был просто инженером, потом ведущим, потом стал главным. Дядя Паша — помнишь его? — он работал вместе с отцом. Он и сейчас там работает, дослужился до подполковника.

— Тот самый милейший дядя Паша — полицейский? — удивилась Аня, вспомнив, как он рассуждал о женской энергетике.

— Угу.

В голове у Ани смутно зашевелились какие-то воспоминания. Господи, что там говорили, в этом дурацком магазине, про уголовника? Что он прирежет тракториста, Антона и сына милиционера?..

Она резко села.

— Погоди, погоди... Ты — сын милиционера?

— Ну да, сын полицейского. А что?

Аня обдумывала услышанное. Если Иван знает, что его хотят прирезать, почему тогда такой спокойный, почему ничего не делает? Занимается ерундой, бабкин дом копает, ничего не опасается... Может, это всё глупые сплетни? Но ведь тракторист реально почил... А Антон пропал!

— Погоди, а в этой истории фигурируют Антон и тракторист? Если да, то какая у них роль в этом всем?

— Та самая пьяная драка, на которую приехал отец, была между трактористом и этим. Отец полез разнимать, тот достал нож... А Антон, тогда 16-летний мальчишка, был единственным свидетелем, подтвердившим, что отца не тракторист убил, а этот. По сути, и трактористу, и Антону он мог «отомстить» за то, что «из-за них» отсидеть пришлось. А на их месте любой мог бы быть.

Ане стало жутко.

— А что стало с этим, который... При задержании?..

Он понял ее.

— Он отсидел 2 года и попал под амнистию.

— Его просто выпустили спустя всего два года? — ужаснулась Аня. — И чем он с тех пор занимается?

— Да всё тем же... Он с тех пор уже пару раз снова «садился». И до этого... Выйдет погуляет месяц — и опять на зону. Он всю жизнь такой. И всю жизнь его кормят воровство и бабы, у которых он живет.

— Почему же тогда он в первое свое освобождение не «отомстил»?

— А не было никого — Антон в город учиться уезжал, как я, тракторист работал вахтовым методом — жил где-то в Сибири. А этот снова дел натворил, его быстро посадили... В этот раз он ведет себя осторожнее. Видимо, подольше на свободе побыть запланировал.

— А за что он еще сидел?

— Да за всё... — уклончиво ответил Гюнтер. — Сейчас за изнасилование ищут.

— Постой, а как же тракторист? Ведь искать должны за тракториста! Разве это не уголовник убил его? Вся деревня только об этом и говорит.

— Все знают, что это сделал он, и все понимают, что доказать его вину невозможно.

Антон еще без вести пропал...

— Может, еще найдется... А ты ведь знаешь этого лично? Иногда пересекаешься с ним на улице?..

— Нет, за руку с ним не здоровался, — пожал плечами Гюнтер. — Я уж и не помню, как он выглядит. Столько лет прошло, а видел я его только на суде.

— Но ведь... От него можно ожидать чего угодно...

— Аня, все хорошо. Ничего не бойся.

Аня решила:

— Ваня, пожалуйста... Поехали со мной в город? Ну найдешь ты себе нормальную работу с твоими- то мозгами. Квартиру снимем...

Гюнтер даже не сразу нашел, как ответить покоректнее.

— Ань, ну я тебе только что сказал, что не создан для города. Никогда я туда не поеду жить. Я был бы рад, если бы осталась ты...

— Ну тогда не захотел остаться в городе, а в этот раз вдруг все получится?

— Нет.

— Ваня, пожалуйста.

— Господи, давай закроем эту тему, пока не поругались!

Аня замолчала. Ладно, он взрослый здравомыслящий человек. Он знает, что делает. Если он говорит, что бояться нечего, значит ей остаётся только доверять ему. Ее распирал вопрос...

— У тебя никогда не возникало желание отомстить ему? — не сдержалась она. — Он несколько раз выходит из тюрьмы, обитает где-то по соседству с тобой...

— Бог ему отомстит. А я не Бог, чтобы судить людей и вершить их судьбы. И не граф Монте-Кристо, чтобы делать месть смыслом своей жизни. Это во-первых. А во-вторых, я не хочу из-за какой-то гниды стать уголовником. Это не кино про супергероя, где все тебе будут аплодировать за убийство злодея. Здесь просто посадят. А когда выйдешь — у тебя уже не будет шанса жить как прежде.

Он помолчал.

— Его убийство не принесет мне радости. Ничто и никогда не заполнит ту пустоту, которая остается, когда близкие уходят.

Среди ночи Аня внезапно проснулась от приступа страха.

«Опять бабка! Она стоит рядом со мной!»

К голове мгновенно прилила кровь. Страх перед темнотой и призраком пульсировал в мозгу, страх сковывал движения и пронзал разум. Она перелезла через Гюнтера, мирно спящего рядом, к стеночке и спряталась за него, но страх не отпускал. Не в силах терпеть его, она затормошила Гюнтера, и зашептала:

— Ваня, моя крыша сейчас рухнет... Я ненормальная, мой мозг сейчас взорвется от страха!

Он подскочил:

— Что случилось?

— Это бабка. Она стоит рядом с кроватью. Мне страшно! — шептала Аня, боясь нарушить тишину комнаты.

Он спокойно обнял ее:

— Бояться нужно живых, а не мертвых. Мертвые не причиняют зла. Тем более

собственные предки. Предки защищают нас. Значит, бабка приходит, чтобы защитить тебя, а не причинить вред.

— Нет, она пришла отомстить. Я хочу забрать ее сокровища.

— Аня, ну какие сокровища? Мы ищем то, чего никогда не было. У нее не было сокровищ!

— Нет, они были! Я же чувствую, что что-то было...

— Даже если это и так, отступись, прошу тебя! Неужели этот клад для тебя важнее, чем собственная психика? Живи спокойно и не придумывай себе и мне проблем.

— Я уже не могу. У меня останется незаконченное действие. Меня так и будет мучить вопрос, что же баба Нюся имела в виду в своем письме. Но письмо было тоже не для меня, поэтому призрак бабки преследует меня и будет преследовать, пока я окончательно не свихнусь... Я уже жду наступления ночи как страшный сон! Я уже жду её ночами! Этот дом проклят, в нем что-то происходит...

Гюнтер погладил ее по голове:

— Лучший способ борьбы со страхом — просто забыть о нем, отвлечься. Ну или усилием воли выкинуть из головы, заставить себя думать о чем-то другом. — Его ровный, спокойный голос успокаивал и парализующий страх постепенно отпускал.

— Но я никак не могу заставить себя... Мне кажется, что она влезла мне в голову.

— Бойтся тот, у кого совесть нечиста. Попроси прощенья у своих бабушек. И надо тебя в часовню свозить, умоешься святой водичкой — и все пройдет. А сейчас... — он встал и включил свет. Все призраки сразу исчезли. — Пойдем попьем всегда успокаивающего чайку.

Они долго сидели на кухне. В тишине ночи здесь было особенно уютно. Аня окончательно успокоилась, и разные мысли полезли ей в голову. Ей вспомнилось сельское кладбище.

— Такие разные судьбы у людей... Ирония жизни: тот, чьи предки были крестьянами, катается на кроссовере, а династия с такой великой фамилией, как у моего родственника Нахимова, может деградировать до маргинальной бабульки-алкоголички. Кто-то, как я, даже не знает историю своей семьи, легко расстается с прошлым, забывая лица и действия, а кто-то хранит скелет в шкафу всю жизнь... — она осторожно посмотрела на Гюнтера.

— Это наш собственный выбор.

Помолчали.

— Зачем ты хранишь вещи родителей столько лет?

— У меня рука не поднимается их выбросить. Я раздал всё, что мог, но эти мама любила... Ты не поверишь — там до сих пор вещи, которые они носили, когда с отцом познакомились... Да по всему периметру дома многое еще от них осталось... Мазанка...

— Я заметила... Но ведь нельзя всю жизнь прожить одним прошлым. Часто прошлое — плохой советчик. Мы меняемся, и жизнь меняется, и в одну реку уже не войти дважды. Проживая жизнь своих родителей, ты рискуешь так и не увидеть своей...

Тишина, только часы тикают в ночи.

— Ты, наверное, был идеальным сыном...

— Я был отвратным сыном... Не веришь? Когда мне было лет 14, у меня была очень веселая компания. Однажды мы, шляясь ночью по деревне, залезли на один огород, в котором росла виктория. Вот казалось бы — у всех свои огороды с той же самой викторией, но нет, на чужом-то огороде слаще. Адреналина хотелось. Ну поели да ушли. На следующую

ночь кто-то сказал: «А пойдёте опять туда же? Только давайте фонарики возьмём». Взяли, сходили. На третью ночь пришли уже не только с фонариками, но и с табуретками, чтоб удобней собирать было... Кто-то заодно музыку захватил... Вот наглые! Сейчас прибил бы... А однажды поспорили с другой компанией: слабо нам или нет залезть ночью через окно к самой вредной в деревне бабке — Шуматихе, прозвище у нее такое было — и спереть у нее старую швейную машинку?

— Ну и как, слабо вам оказалось?

— Да нет, конечно. Мы пришли двумя большими компаниями. Окна ночью здесь у всех открыты нараспашку. Мы впятером залезли — самые инициативные, — а она у самого окна спит. Мы разулись, как положено в гостях, и по очереди через нее перелезли, прямо по кровати... А она толстая-я... Попробуй перелезь! — он воодушевился приятными воспоминаниями. — И спит, как в танке. Мы эту машинку нашли, а она советская, тяжёлая, большая — страсть! Ну мы ребята не слабые были, взяли вчетвером — и в окно, прямо через Шуматиху поперли. И вынесли, представляешь? Так бы и ушли незамеченные, да только один пацан не сдержался, заржал, как конь... Шуматиха проснулась и нас через окно узнала. Спор мы честно выиграли, машинку в сарае спрятали. А потом всем досталось... Вот отцу стыдоба была — у участкового сын — вор! Меня отец лично выпорол своим ремнем — взрослого парня! Но мне как-то даже хотелось понести заслуженное наказание. А вот мама только одну фразу сказала: «А я-то мечтала, чтобы мой сын вырос Иваном-царевичем, а не Иванушкой-дурачком...» Я эту фразу на всю жизнь запомнил. Меня как отрезало от всего дурного одной только этой фразой... Ты вот улыбаешься, а нам тогда не до смеха было. Одному пацану на тот момент было 18, ему год дали! А он просто под окнами стоял, даже не лазил.

— Год за старую швейную машинку?! — не поверила Аня.

— Да.

— То есть за убийство человека всего два года, а за машинку целый год?

— Получается, так... Он потом сильно осерчал на это... Пошел по стопам этого уголовника, будто в отместку за незаслуженное наказание... Сейчас уже почти никого из нашей компании не осталось: кто в тюрьме сидит, а кто в сырой земле лежит... Только несколько человек по городам разъехались, нормальные ребята. — Он помолчал. — Все уходят, а я остаюсь... — и он вновь погрузился. — Иногда мне кажется, что всё уже было и ничего впереди больше не будет. Я ломоть отрезанный...

— Моя бабушка говорила: — осторожно сказала Аня — «Зачем вы плачете об умерших? Неужели вы думаете, что сами будете жить вечно?»

— Мудрая женщина была твоя бабушка. Знаешь, я про родителей даже с братом с тех пор не разговаривал... У нас негласное табу на эту тему. А сейчас с тобой поговорил и будто легче стало...

Спать больше не хотелось. Аня достала пачку писем, ставшими хобби. Она читала их не в хронологическом порядке и от этого было труднее вникать в них. Но постепенно у нее всё же складывалась картина прежних лет, повседневной жизни бабки и прабабки. Гюнтер расположился по соседству от Ани и делал вид, что слушает. В сотый раз перечитывая интересные моменты, она увлекалась и не переставая комментировала:

— Вот смотри, она опять этот дом в Лукоянове упоминает! Что там за дом?.. Есть обратный адрес... Несколько лет переписывались ведь! Надо все же «пробить» это

направление. Да что тут еще... — Она вытряхнула из конверта пожелтевший листок, сложенный вчетверо. — А вот это я еще не читала, — она развернула и пробежала по нему глазами. — Смотри-ка, Лукьян написал бабе Нюре! Одно-единственное письмо! Все остальные на имя бабы Шуры, странно как-то... Бабушки же вместе жили. «...На Ваш вопрос отвечаю: жива-здорова, растет умным и послушным ребенком, прошу больше не беспокоиться...» — она посмотрела на дату на конверте — это всего за пару месяцев до бабы Нюсиной смерти... — она включила всю свою логику. — О чьем ребенке она могла беспокоиться, зная, что скоро умрет?.. Может, у нее все же была внучка на тот момент? Две дочери. Баба Шура была старой девой, моя бабушка еще в школу ходила... Нет, у моей бабушки еще не могло быть детей... Бабы Шурина? Тайная дочка? Такое вообще могло быть в деревне, где все обо всех знают? — она напрягла мозг. — Ведьма Нахимова не врала: Шура «в подоле принесла»... То есть, получается, если у бабы Шуры были дети, то внучка Анна, которой баба Нюра завещала свои сокровища, реально существует? Настоящая Анна! Я ищу сокровища, у которых есть реальный хозяин? Точнее, хозяйка... А у нее, наверное, сейчас уже есть свои дети, примерно нашего поколения, нет, чуть старше... Неужели я воровка? — Она встала и начала ходить по комнате: — Я хожу где-то рядом, но никак не могу понять... Где-то рядом...

Гюнтер смотрел на нее как на сумасшедшую:

— М-да... Бурная у тебя фантазия, конечно... Хотя — кто знает — всё может быть...

Она подошла к окну и стала смотреть на занимающуюся зарю. На горизонте уже светлело. Коротка июльская ночь.

— Мне бы хоть посмотреть, что там за дом в Лукоянове... Есть ли смысл там искать...

— Ну так поехали посмотрим, что там за дом.

— Прямо сейчас, в другой город?

— Ну а чего тянуть-то? До него ехать всего ничего.

— А поехали, — согласилась Аня — Прогуляемся в три ночи.

Они сели в его машину и выехали на междугороднюю трассу. Аня разулась и уютно устроилась на переднем сиденье, поджав под себя ноги.

— Мне нравится, что ты едешь босая, — заметил Иван. — Надо тоже снять сандалики.

— Сандалики? Какая прелесть...

Он на ходу сбросил обувь и стал давить на педали босыми ногами.

— Да, в этом определенно что-то есть!

Занимался рассвет, и вокруг уже угадывались очертания деревьев и домов, а навстречу им, в конце шоссе, уходящего за горизонт, поднимались первые лучи Солнца. Шоссе было пустым — нормальные люди еще спали. Аня улеглась, положив босые ноги на переднюю панель перед лицом Ивана, и стала дразнить его. Включила радио. «Радио Эталон-он» — запело оно.

— Что? Эталон?? — прыснула со смеху Аня.

— Лукояновское радио, — кивнул Иван, глядя на Анины ноги. — Другое здесь всё равно не ловит.

— Что за нелепое название? Хотя, ты знаешь, музыка вполне себе... и вообще... Удивлена. Пожалуй, это радио действительно может быть эталоном для некоторых других, городских радиостанций. — Она открыла окно и высунула в него ладонь, ловя сильные порывы врывающегося в машину предутреннего ветра и отбивая такт музыки ногами. — Эх, хорошо!..

— Твои ноги... Они отвлекают водителя... Я начинаю думать о... ну, в общем не о дороге...

— Ну вспомни про свой актиний! Радий, что там еще есть...

— Да я теперь из-за тебя вообще не могу адекватно таблицу Менделеева воспринимать! Ты перепрограммировала меня тогда своим актинием и у меня теперь обратная реакция начинается, когда я просто слышу словосочетание «таблица Менделеева»! — сказал Иван и прибавил скорость.

— Куда ты так несешься? Я боюсь!

Он посмотрел на нее:

— Ну ты и трусиха... всего боишься! — он остановил машину и вышел:

— Садись за руль!

— Я??

— Давай веселее.

Она перелезла на его сиденье. Он сел рядом.

— Поехали.

Аня не торопясь тронулась.

— Быстрее.

Аня осторожно ускорила.

— Еще быстрее.

— Нет, я быстрее ста никогда не езжу.

— Ну тебе же хочется скорости — так возьми ее! Перестань ограничивать себя страхами! — сказал Иван и просунул свою босую ногу к педалям. Поставил свою ногу на Анину, и напрочь прижав ее к газу, «вдавил тапку до пола». Машина взвилась до 160.

— Что ты делаешь? — закричала Аня, вцепляясь в руль. — Мы же разобьемся!

— Значит, про нас напишут: они жили недолго, но счастливо, — ответил Иван, обнимая Аню. — Надо это один раз пережить, и страх больше не вернется. Не бойся. Я же доверяю тебе — значит, тебе можно доверять. И ты доверяй себе.

Дорога шла через высокие холмы, и машина то спускалась в низину, то взлетала до небес, но Аня не успевала замечать, как в низинах еще слоится туман, а по верхушкам холмов уже разливается багряное солнце. Руки ее занемели от напряжения. Но, постепенно привыкая, она «доверилась» Ивану и себе самой, и почувствовала, что от скорости можно получать удовольствие:

— Йе-ху! — кричала она, когда машина подскакивала на вершине холма. — Давай еще! Эге-гей!

Иван давно убрал свою ногу, а Аня вместо того чтобы сбавить скорость, добавила еще 40 километров до Лукоянова пролетели на одном дыхании, и она с сожалением сбавляла скорость до 60.

— Первый раз в жизни я так быстро ездила на машине за рулем! — сказала Аня, перебираясь на другое сиденье. — Спасибо, что помогаешь мне бороться со своими страхами...

— Лучше сожалеть о том, что сделал, чем о том, о чем всю жизнь бесплодно промечтал, но так и не решился попробовать.

Они стали искать адрес, указанный на конверте письма от Лукьяна, и вскоре нашли: вместо ветхой избушки, которую они ожидали увидеть, на этом месте стоял чей-то коттедж. Понятно, что искать сокровища здесь не имело никакого смысла.

— Похоже, здесь без вариантов, — сказал Иван и развернул машину.

Днем на огонек заглянул дядя Паша. Он опять пришел, когда Гюнтера не было, будто специально выжидая момент.

— Дядя Паша! — Аня обрадовалась ему, как старому доброму знакомому. — Чаю хотите?

— Нет, спасибо, тороплюсь.

— И Ваню не дождетесь?

— Нет, я к Вам.

— Отлично, расскажите мне... что-нибудь интересное, — ей нравилось болтать с дядей Пашей обо всем подряд. Хотелось послушать его философские рассуждения. Но дядя Паша сегодня не отличался словоохотливостью и хорошим настроением. Он внимательно посмотрел на нее и вдруг выдал:

— Вот Вы девушка вроде бы не глупая. Я хочу вам честно сказать: Вам здесь ловить нечего. Ну, поживете Вы здесь две недели, три... А дальше что? Вы уедете, Ваня останется. Для Вас это не более чем легкомысленное увлечение, о котором Вы забудете через месяц, а для него отношения — это серьезно. Ничего личного, но я убежден, что Ваня на Вас никогда не женится. Тем более, что вы с ним слишком разные. Для счастливого брака нужно искать своего поля ягоду.

— Спасибо, что поделились, Ваше мнение очень важно для нас, — Аню зацепили его слова. — Но мы уж сами как-нибудь решим, будет у нас счастливый брак или нет. — Ей не хотелось больше находиться рядом с этим разочаровавшим ее человеком. А она к нему, как к родному... Еще какой-то деревенский мужик не решал за нее, как жить...

О визите дяди Паше она не стала рассказывать Гюнтеру. Слишком обидно было. Тем более, у него свой повод для огорчения представился.

У дома остановился полицейский УАЗик. Из него вышел человек в форме. Иван подошел к забору.

— Иван Николаич, вы ведь знали Антона Калинова?

Иван посерел лицом.

— Знал... Это мой одноклассник.

— Нам нужен человек на опознание... Вы готовы?

Иван кивнул и сел к ним в машину.

Аня еле дождалась, пока он вернется. Опять этот уголовник...

— Что случилось... с Антоном? — кинулась она к нему с расспросами, когда он вошел в дом.

— Плавал ночью. Не знал, что в этом месте браконьер поставил сети. Запутался и... — он замолчал.

— По крайней мере, это сделал не тот уголовник, — у Ани немного отлегло от сердца.

Иван скептически улыбнулся.

— Разумеется, не он... Только ты можешь объяснить, как лучший среди местных ныряльщиков мог утонуть в «неизвестной» браконьерской сети, если этим самым браконьером был он сам...

Аня помолчала.

— То есть сначала он «убрал» тракториста, а теперь еще и Антона?

— Не совсем... Сначала Антона. Он пропал почти сразу после «выписки» этого. Столько времени искали...

Какая жуть...

— Как же местные живут в таком соседстве? Встаешь утром и не знаешь, кто следующий?..

— Нет, «мирным жителям» можно не бояться уголовного. Ты никогда бы и не поняла, что он — убийца, если бы встретила его трезвым на улице. Он никогда не трогал «случайных» людей — только тех, с кем сводил личные счеты. Ну или по пьяни, конечно... Все знают, что тракторист и Антон перешли ему дорогу... В любом случае, вряд ли он когда-нибудь скажет, сколько человек убил на самом деле...

— Ты все время называешь его «этот» или «уголовник»... Как его зовут?

Гюнтер усмехнулся.

— Ты постоянно ищешь какую-то информацию, что-то раскапываешь во всех смыслах этого слова... А зачем тебе это? Ты уверена, что эта информация не будет для тебя лишней?

Аня насторожилась:

— Его фамилия?..

— Слушай, выкини его из головы и живи спокойно...

— Фамилия?!

— Нахимов.

— В смысле? Это тот самый, мой родственник из писем?..

— Он самый. Сын той старухи.

Аня судорожно переваривала информацию. Её родственник — убийца? Он виноват в гибели родителей Гюнтера? Прав был Ваня: иногда о родственниках лучше ничего не знать, чем знать такое.

— А ты ведь говорил, что у Нахимовых только ведьма живая осталась... А он сам, выходит, — мой троюродный дядя, что ли? — Аня не понимала, почему Гюнтер скрыл, что жив еще один Нахимов. Только ли потому, что само упоминание о нем было ему неприятно? Или он не хотел, чтобы Аня пошла к Нахимову со своими вопросами? Надо проверить...

— Интересно, а Нахимов знает что-нибудь про сокровища?

Гюнтер будто ждал этого вопроса.

— Ну сходи, спроси у него.

— Ну блин. Не обижайся. Ты же знаешь, что я чисто гипотетически спросила.

— Я уже ни в чем не уверен, уже не уверен...

— Сегодня Казанская — сказал Иван, открывая шторы на ослепляющих светом окнах. — Престольный праздник Ильинска.

Аня зажмурилась. Новый день пришел, есть шанс забыть все вчерашние неприятные разговоры, будто их и не было.

— Что значит «престольный»?

— Значит, главный религиозный праздник деревни. В каждой деревне он свой. Сегодня в Центре будут массовые гуляния. Все местные жители и гости «столицы» придут послушать поздравительные речи официальных лиц и выступления коллективов народного творчества!

— О как! Пойдем и мы? — предложила Аня. — Поздравительные речи — это тебе не закатывание катком дыр на дороге: пропускать нельзя!

— Пойдем, если хочешь.

— Ну, раз сегодня праздник — будем веселиться! Я хочу веселиться! — и она включила громкую музыку: «Навернопотомучто... Всё это моё чу-чувство...» Она стала скакать, танцевать и вертеть попой перед Гюнтером, который уютненько устроился в кресле и глядел на нее.

— Ты хотела недавно померить одежду из «новой коллекции»... Померь?

Аня остановилась.

— Может, не стоит?

— Я тут подумал: ты права, если всю жизнь хранить скелеты в шкафу, то к середине жизни их накопится столько, что вещи будет некуда складывать...

Аня внимательно посмотрела на него и не увидела хандры на его лице. Она осторожно открыла шкаф и достала с полки прямое желтое платье с белыми кармашками.

— О, 70-е! «В моде эпатаж с вызовом обществу: — вспомнилась ей статья о моде тех времен — яркие цвета, нестандартные принты, чудовищный клеш, бородатые мальчики...» Мода циклична, многое вернулось. — Она раскладывала на диване всю сокровищницу.

— Вот это надену. — Это было голубое платье в красный цветочек с юбкой-солнцем и широким поясом. Она быстро влезла в него и стала кружиться, так что юбка взлетала до ушей. — Почти как раз, только у меня для этого размера платья не хватает в некоторых местах...

Гюнтер подошел сзади и обхватил руками эти «некоторые места»:

— Кому не хватает? Мне хватает вполне...

— А теперь ты что-нибудь примерь.

— Да ну, не буду я...

— Давай, это весело! Померь!

— Не хочу... да и что, например?

— Ну, хотя бы вот эти штаны, — Аня достала из кучи смешные оранжевые клешеные брюки с высокой талией. — Тебе сильно пойдет. — Она села к его ногам и сама стала надевать их на него.

— Я сам. — Гюнтер взял цветастую тряпку из Аниных рук и стал впихиваться в штаны, которые оказались на пару размеров меньше нужного. Аня покатила со смеху и стала помогать ему. Он вдохнул и штаны застегнулись.

— А у тебя, я смотрю, в некоторых местах, наоборот, перебор... Ничего, сейчас так модно! — и добавила подчеркнуто-гламурным тоном: — Это же fashion! Будешь теперь так ходить на воскресную ярмарку!

Гюнтер выдохнул и пуговка от штанов покатила по полу.

— А-а-а! — Аня хохотала, вытирая слезы. Гюнтер решительно стряхнул с себя штаны и сказал:

— Нет, на воскресную ярмарку я буду ходить в... — Он посмотрел на кучу шмоток и схватил первые попавшиеся зеленые клешеные брюки — вот в этих!

Они оказались размером побольше, и Ваня с успехом в них влез, закрепив этот самый успех желтой попугайчьей рубашкой с острым воротничком. Аня угорала.

— Ну, теперь, так и быть, можешь играть в моей песочнице! — разрешила Аня тем же гламурным тоном. Они встали перед зеркалом в позы суперагентов, прислонившись друг к другу спинами.

— Сделайте серьезные лица, господа! — сказала Аня, доставая телефон для селфи. Они оба нахмурили брови, как на паспорт.

— Раз, два...три! — и оба скорчили глупые рожи. Гюнтер взял телефон и стал сосредоточенно рассматривать фото:

— И почему я всегда так божественно получаюсь? Это же гениально... Fasion! — повторил он Анину присказку. Аня опять захохотала: — Ты и гламур несовместимы... Когда я слышу подобные слова в твоём исполнении, мне представляется картина Васнецова, на которой лысый Илья Муромец сидит на коне в зауженных джинсах, с дредами в бороде и с тоннелем в ухе. Гламурный богатырь!..

— Ну всё, мы готовы к выходу в свет! Пошли!

— Куда?

— В центр, на сельскую ярмарку!

— Что, прямо так?

— Ну конечно. Это мой лучший наряд.

Аня помедлила, но озорство взяло верх.

— А, пойдём! — для завершения образа она заделала себе на голове высокую причёску с «мочалкой», а Ивану нацепили «модную» кепку. Они вышли на улицу, хохоча, как ненормальные, но остановиться уже не могли.

— А-а-а... — Аня уже не могла смеяться, — ну мы придурки-и-и... — Хотелось хулиганить, хулиганство рвалось наружу, как у разбаловавших детей.

— Тебе-то ещё что, а меня здесь всё село знает...Подчиненные будут... А я как клоун такой из машины выхожу... Точно, поедём на велосипедах! Эх, жаль самокатов нет...

Он пригнал из дома свой желто-белый велосипед, потом сгонял через пару домов и вывез с чужого двора ещё один.

— Да у друга я взял, у друга! — ответил он на Анин вопросительный взгляд. — Поехали!

— Да не умею я, говорила же! Ничего, что я в последний раз на велосипеде в глубоком детстве каталась?

— Эх, плавать она не умеет, на велосипеде ездить не умеет... Да ты не жила, девочка моя! Поехали, по дороге научишься!

Аня села на велосипед.

— В детстве я каталась на велосипеде с ножным тормозом, а тут тормоз на руле.

— Ничего, привыкнешь!

Аня оттолкнулась и тут же, вихляя рулем, свалилась попой в крапиву на обочине.

— Ничего, ещё разок, — поднял её Иван и подтолкнул велосипед... Третья попытка увенчалась успехом. Аня неуверенно крутила педали, петляя рулем.

— Я еду! Еду! Эге-гей! — и дух захватило от непривычной высоты и скорости. — Эх, понеслась душа в Рай! — вспомнилось ей очередное бабушкино выражение.

На повороте улицы прямо на дороге стояли несколько человек: немолодой мужчина играл на гармошке что-то веселое, а женщина пела, остальные были зрителями.

«Оказывается, не одни мы такие — народ развлекаем» — подумала Аня. Она остановилась, бросила велосипед и под аккомпанемент гармошки неожиданно громко спела матерную частушку. Веселые зрители засмеялись и захлопали. Только Иван удивленно вскинул брови. Один из мужчин-зрителей подарил ей букет душистого горошка. Аня довольно поклонилась и поехала дальше.

— Здравьете, здравствуйте... — с ними здоровались все подряд: и дети, и бабушки. Гюнтер отвечал им и Аня тоже.

— Неужели ты всех их знаешь? — спросила она.

— Мало кого. У местных жителей на лето приехало много городских родственников, плюс из других деревень — на праздник.

— А они тебя?

— Вряд ли.

— А зачем тогда все со всеми здороваются?

— А что плохого в том, чтобы просто пожелать человеку здоровья?

Ане понравилась эта мысль и она стала первой кричать всем подряд: «Здравствуйте!». «Забавно — подумала она — в деревне никто не знает друг друга — и все здороваются, а в городе те же самые люди даже если и знакомы — проходят молча.»

В центре, на крошечной площади у мемориала воинам ВОВ, царило всеобщее оживление, было много зрителей. Общась, люди стояли посреди дороги, и машины медленно объезжали их.

— Вот уж не думала, что в деревне столько людей есть! — сказала Аня.

— Лето... Приезжих много, — отвечал Гюнтер. — А ты попробуй зимой хоть одного человека на улице встретить.

Здесь было шумно. Все нарядные, праздничные. Но самыми нарядными были, конечно, Аня с Ваней. Аня думала, что будет стесняться, но нет — она чувствовала себя в этом платье так гармонично, будто оно было сшито специально для нее. И ей так хотелось быть самой собой — пусть даже назло всем. «Если нам хорошо в этой одежде, то почему мы должны оглядываться на мнение других? — уговаривала она свой иногда включающийся мозг. — Мы не нарушаем приличий. И если душа моя хочет радости и праздника, то почему я должна сдерживать себя глупыми стереотипами поведения?»

Ещё Аня ожидала, что на них будут косо смотреть и показывать пальцами. Ей хотелось «эпатировать и бросать вызов» привычным устоям жизни общества и, главное, жизни своей собственной. Но большая половина людей, которые им встречались, не обращали на их наряды ни малейшего внимания, а некоторые по-доброму улыбались, глядя на них. Все были в хорошем настроении. Три машины остановились прямо посреди дороги и водители, открыв окна, о чем-то болтали. Остальные объезжали их в пыли по обочине, не предъявляя претензий. «Попробовали бы они так в городе встать...» — снова сравнила Аня.

В Центре к ним начали подходить и подавать руку знакомые Ивана. Сначала пацаны и молодые мужики: «О, Ваню!». «Это друзья» — думала Аня. Потом люди в возрасте: «Иван Николаич» — «Это с работы». «Ванюшечка...» — кокетливо улыбались какие-то девицы, беззастенчиво разглядывая Аню. «А это еще кто?!»

Пока Ваню отвлекли, Аня отошла, чтобы посмотреть, что происходит на «сцене». Сцена была организована на широком крыльце-веранде клуба, и на ней под громкую музыку танцевал какой-то детский ансамбль.

— Девушка, угощайтесь пирожками! — прервали ее размышления какие-то женщины. На расставленных прямо на улице столах с белыми скатертями гостеприимно стояли пироги в больших тазаках и ряженка в стаканчиках.

— Это пироги с черной смородиной, — приглашали её женщины. — А это с рыбой и рисом.

— Вы угощаете? Бесплатно? — удивилась Аня.

— Конечно! — засмеялись женщины.

— А что, так бывает?..

— Сегодня Казанская! Нужно есть пироги, особенно со смородиной! Их в каждом доме

сегодня пекут...

— А два можно взять?

— Ну конечно!

— А три?

— Да кушайте на здоровье!

Аня так любила домашние пирожки. В городе пирожки маленькие и какие-то постные. А здесь огромные и сдобные. Аня наелась до отвала. Со смородиной пирожки были особенно душевны.

Когда она жевала, к ней подошел мужчина, которого она тоже где-то видела.

— Здравствуйте, с праздником! — улыбался он. — Ну что же Вы не приходите писать отказ от дома? Не все документы еще собрали?

«А, это мужик из сельсовета! — вспомнила Аня, — как же давно это было...» И, жуя, сказала:

— Да, Вы знаете, не все пока... Я ещё подумаю, отказываться ли... Все-таки 40 соток — это вам не шутка! Сколько картошки посадить можно...

— А я слышал, что Вы с Иваном Николаевичем в этом доме ищите сокровища Степана Разина.

«Офигеть! — подумала Аня. — Не успеешь на одном конце деревни кашлянуть — на другом все уже на твои похороны соберутся».

— Да что Вы, упаси Бог!.. Это моя покойная бабушка завещала мне корону королевы Англии.

Мужик опять заулыбался:

— А Вам на пользу пребывание в деревне! Вы так загорели, и настроение гораздо лучше стало!

— Конечно! Это всё местная сметана... Я ее каждый вечер на лицо наношу, и Вам рекомендую!

Гюнтер нашел ее и незаметно оттащил за рукав к мемориалу.

— Ну ты, мать, совсем распоясалась! Надо проверить, сколько спирта содержится в смородине... Поехали-ка дальше.

— Погоди, я цветы положу.

«Никто не забыт, ничто не забыто, — гласила надпись на мемориале, — Они погибли, защищая родно село» — и огромный список имен был напечатан ниже. «Как много имен...» — подумала Аня. Одних только Голиковых насчитала 8 человек. Положив к подножью свой букет душистого горошка, она отчалила с праздника.

Дальше была улица-гора — крутой подъем, незаметный на машине и такой ощутимый на велосипеде.

— Она так и называется — Попова гора, — комментировал Иван. — А по официальному — улица Ленина.

— Как неожиданно, — заметила Аня. — Ни в одном другом населенном пункте нет такого названия... — она проехала всего несколько шагов вверх по горе и пошла пешком. Мышцы ног гудели. — Я не въеду.

— Давай-давай! — подзадоривал Иван. — Это всё твои пирожки виноваты, утяжеляют... Зато съезжать хорошо будет.

Аня еле вползла в гору.

— А теперь вниз! — и Иван лихо укатил вперед. Аня села на велосипед. Он поехал сам,

постепенно набрав страшную скорость. Ветер хлестал в лицо. Было страшно и весело, будто летишь над землей! Аня отпустила педали, как повод лошади, и велосипед полетел птицей по середине дороги. Руль стал угрожающе юлить в разные стороны. «Сейчас я размажусь об асфальт», — ужаснулась Аня и рефлекторно стала притормаживать ногой. Но велосипед почему-то не тормозил! А вот уже и конец горы! Впереди перекресток!

— А-а-а! — завопила Аня. Иван уже ждал ее внизу:

— Тормоз на руле! — крикнул он. — Нажми!

Аня резко нажала на тормоз. Велосипед встал, как вкопанный, и Аня по инерции перелетела через руль. Иван вовремя подбежал и поймал ее.

— Далеко собрались, сударыня?

— Да я тут мимо пролетала... Решила заскочить к Вам на огонек... — Аня, смеясь, обхватила его руками за шею — и что бы я без Вас делала... — она поцеловала его.

— Заглядывайте ко мне почаще, сударыня... Потому что огонек в мою одинокую жизнь приносите именно Вы... — он поцеловал ее в ответ.

— А ты мне никогда так не говорил... и не ловил никогда, кстати, — вдруг раздалось за их спинами.

Они обернулись. На перекрестке, который Аня с Ваней перегородили собой и упавшими велосипедами, стояли две машины и ждали, когда дорога освободится. В открытые окна и двери одной высовывались дети и их мама. Папа стоял рядом и курил. Во второй сидела интеллигентная пожилая пара. Все смотрели на Аню с Ваней.

— Я себе тогда такую шишку здоровую набила — продолжала мать семейства, — а ты только подорожник прилепил и сказал: «До свадьбы заживет!»

— Ну зажило же... — отозвался курящий мужчина.

— Не расстраивайтесь так, дорогая! — донесся голос интеллигентной женщины постарше, из второй машины. — Я бы сейчас была счастлива, если бы мой муж прилепил мне подорожник... Просто не все умеют выражать свои эмоции должным образом... Бывают такие неловкие... такие неумелые... — она подбирала нужное слово, — такие... Козлы! — неожиданно закончила она и с выражением посмотрела на своего мужа. Пожилой мужчина вышел и молча пожал руку Гюнтеру.

Тот поставил Аню на землю и быстро растащил велосипеды по краям дороги. Машины проехали дальше.

— Никогда бы не подумала, что простой велосипед может принести столько адреналина... — сказала Аня.

Домой они добрались только поздно вечером. Все знакомые, которых они встречали на улице, буквально тащили их в гости и никак не отпускали. Кто как праздновал Казанскую — кто жарил шашлыки во дворе, сидя на орущих музыкальных колонках вместо табурета; кто нырял в гигантскую бочку на огороде, кто звал ловить рыбу на Алатыре — каждый сходил с ума по-своему. У всех играла громкая музыка, стоял радостный галдеж, под ногами шныряли дети, тайно хватая со стола конфеты, и у всех были пироги со смородиной.

В конце концов, когда к очередным хозяевам, у которых гостили Аня и Ваня, во двор зашел не знакомый никому пьяный мужик и попросился лечь поспать, Аня решила, что пора домой. Воспользовавшись паузой, пока хозяева укладывали на веранде неизвестного гостя, они распрощались и уехали домой.

Она устало разоблачалась в своей комнате, в тишине после шумного праздника.

— У тебя вся деревня — родственники?

— Да нет, не вся... Есть счастливые исключения, — улыбнулся он и помог ей стянуть яркое платье. — Просто здесь люди проще. В жизни так мало поводов для праздника в душе, что нужно придумывать их самим почаще. К тому же обычай такой, сама знаешь, — путников накормить и спать уложить. Русское гостеприимство, если хочешь. Сохранилось, видимо, с тех пор, когда путешествия были долгими и тяжелыми, и не впустить путника в дом на ночь — значило оставить его погибать на морозе... Ты слушаешь?

— Да, я просто задумалась: вроде ничего такого особенного в сегодняшнем дне и не было, а столько душевных впечатлений осталось. Как там ты говоришь? Маленькие радости?

— Да, — он прижал ее ладонь к своим губам. — Простые человеческие радости. И обрати внимание, этот день прекрасно прошел без поиска сокровищ.

— Расплети меня? — Аня ушла от больной темы. Ей было приятно, как он копается в ее волосах, пытаюсь распутать заколку. — Тебе понравилась моя прическа сегодня? Такая высокая «шишка» нравилась мужчинам в 70-е.

— Запомни, бесценная моя, — он, наконец, распустил «мочалку» и с наслаждением окунул свое лицо в ее длинные волосы, потом намотал их себе на руку и притянул ее за волосы к себе. Обнял сзади. — Всем мужчинам во все времена нравятся длинные распущенные волосы... Всё остальное — ханжество, — он поцеловал ее в шею. — Кто-то сегодня, помнится, попой в крапиву сел... Давай натру кремочком...

Среди ночи она неожиданно нащупала рукой под подушкой что-то холодное. Это была ее вилка! Аня вспомнила, как хотела в первую ночь воткнуть ее в спину Гюнтера, если он надумает приставать к ней, и ей стало смешно.

— Ты чего? — поднял голову Иван.

— Да так, глупости... Просто подумала: а что такое, интересно, снилось самому Менделееву, если, просыпаясь, он целую таблицу придумал...

— Вставай, красавица моя! — Гюнтер стоял над ней в спортивных шортах.

Аня мгновенно вскочила и схватив из-под кровати тапок, замахнулась им на Гюнтера:

— Опять на зарядку?! Я тебя предупреждаю: когда меня рано будят, я не только неадекватная, я еще ругаюсь, как сапожник, и могу залепить по уху всем, что попадет под руку!

— Спокойно, спокойно. Я передумал. Спи.

Аня с облегчением вздохнула и бабахнулась назад в нагретое «гнездо» под одеялом. Он присел рядышком.

— Слушай, а ты можешь спать так же замечательно, как сейчас, но только на улице? Мне так хочется, чтобы ты была рядом, что бы ты ни делала...

Аня заулыбалась с закрытыми глазами. Как-то само по себе начало «вставаться». Он достал из-под одеяла ее ногу и стал целовать пальцы и щиколотки.

— Ну побудь со мной... Ну не хочешь двигаться — хоть поработай моим «утяжелителем».

Аня окончательно «растаяла» и села в кровати.

— Да фиг с тобой... Пойдем. И как ты это делаешь...

Она болталась на нем, пока он подтягивался, сидела на нем, пока он бегал и стояла с тапком в руке, пока он обливался.

— Ладно уж, — зевнула она, убедившись, что попыток облить ее больше нет. — Пожалуй, разбуди меня и завтра тоже...

Потом Гюнтер отжимался, а она по новой традиции работала «утяжелителем». Лежа на его спине, она со скуки листала книгу про галогениды.

— Неужели тебе интересно это читать?

— Ну физика мне, конечно, больше душу греет, но для разнообразия и это подходит. Уж лучше книги, чем телевизор. Его я смотрю только тогда, когда хочу отключить голову, отвлечься от мыслей, чем-то не обязательным и глупым забить мозг.

Аня поглядела на игру его мышц, потрогала и задумчиво спросила:

— Знаешь, что в тебе самое сексапильное?

— Что?

— Ум.

Она встала, убрала галогениды, взяла пачку оставшихся писем и, вернувшись в исходную позицию, стала их дочитывать. Всё чаще и чаще посещали ее мысли о том, что есть еще одна ниточка информации о ее бабушке, которая осталась непроработанной. Нахимов. Возможно, он мог бы рассказать что-то про бабу Шуру. Но связаться с ним — значило бы плюнуть в душу Гюнтеру... Да и как найти его, если его и полиция найти не может. Но если бы представилась возможность... Озвучивать эти мысли при Гюнтере она не стала. Он и так думает, что она ради сокровищ на всё готова...

— Кто эта женщина, писавшая с адреса Лукьяна? «Пусть Анна Матвеевна не беспокоится, в нашем доме места хватит на всех. Это наш дом, и мы сами решим, кто здесь будет жить, а кто нет. Не пишите нам больше. Дайте обо всем спокойно забыть», — она замолчала, напряженно соображая. — Слушай, я поняла! — вдруг вскочила она со спины Гюнтера. — По ходу, он отнял у нее ребенка! Аню! Настоящую! — она сказала это таким тоном, будто раскрыла величайшую тайну Вселенной. Гюнтер спокойно отжимался дальше.

— Три вопроса, — сказал он. — Номер один: кто? Номер два: у кого — у нее? И номер три: какого еще ребёнка?

— Да как же ты не понимаешь! — разгорячилась Аня. — Помнишь, у бабы Шуры был незаконнорожденный ребенок! У той, которая старая дева! А этот Лукьян пришел и забрал его!

— Зачем? Нет, это не логично. Судя по переписке, баба Шура хорошо знала адрес этого Лукьяна. Почему тогда она, вместо того чтобы пойти и забрать своего ребенка обратно, на протяжении нескольких лет переписывается с ним? А он адекватно отвечает?

— Не знаю я! Может, она боялась его! Или еще почему-то...

— Ну тогда ложись обратно и думай.

Аня легла обратно ему на спину и продолжила читать.

— Много у тебя еще осталось непрочитанных писем?

— Нет, уже немного. Вот эти «старые» — она бросила прочитанное письмо в большую кучу бумаг. — А вот эти «новые» — и она взяла из маленькой кучки очередное письмо.

— Слава Богу... Твои родственники уже замучались в гробах вертеться....

Аня, стоя за занавеской с чашкой кофе, незаметно смотрела в окно.

— Какие-то странные у тебя соседи... Что они делают? Варят еду в кастрюльке на костре посреди огорода? Целая компания со стопками? У них День рождения, что ли?

— Обычная картина: готовят завтрак.

— А на плите им чего не готовится? Скучно?

— У них газ уже несколько лет как отключен за неуплату. Они зимой печку топили досками, которые отрывали от собственных сеной. Холод тоже не тетка... Они не работают нигде, пьют.

— Кошмар! И хочется им жить как скотина!

— Да тут полдеревни так инициативно живут, они не одиноки... Работать негде, молодежь уезжает в город, а кто не уехал — в основном, обречен жить так же. Деревня вымирает... Мне жаль нашу деревню.

— Ужасно! Напиться и забыться — и никаких проблем!

— Да чем же они тебе так не угодили? Отстаньте вы все от них, они ничем не хуже других — никого не трогают, не воруют и не убивают. Это их право. Их жизнь и их выбор. Пусть живут как хотят. Посмотри, они всем довольны — счастливые люди, между прочим! Мало кто может похвастаться, что счастлив. Не осуждай их...

— Я бы так жить не смогла...

— Ну и слава Богу! Радуйся, что у тебя моральные запросы выше.

— Просто в городе в принципе алкашей меньше.

— Да не факт. К тому же, в городе свои заморочки. Это крест нашего века: мы не умеем радоваться. И вроде всё есть, живи-не хочу, но ничто не радует и ничего не хочется. Нет ни больших, ни маленьких радостей. Еды полон холодильник — а хочется чего-нибудь «такого», особенного. Есть удобная одежда, но в ней не выйду в люди, если она не брендовая. Есть любимая работа — но ее придется сменить, если она не престижна и приносит мало дохода. Со «странными» людьми не общаются, нищих стыдятся, инвалидов обходят стороной... Люди в деревне спиваются, а в городе сидят с гаджетами сутками напролет, уходят от реальности. Молодежь слоняется, не знает, чем заняться, ничего не хочет, будто все разом заболели. Сейчас столько возможностей для творчества, для образования и саморазвития, для отдыха на природе — но большинство из нас добровольно выбирает зомбирование мозга интернетом и телевидением. У наших бабушек не было и нет ничего! Война, послевоенные годы, тяжелая работа «за палочки» — но послушай, с какими теплотой и позитивом они вспоминают свою жизнь! Они были счастливы!

— Да, бабушки, пережившие сороковые, — особенные, — согласилась Аня.

— А главное, у нас есть свобода! Нет войны, нет цепей концлагеря — живи радуйся, но нет, люди всегда чем-то недовольны, выдумывают проблемы себе и другим, набирают кредиты... Большинство поступков людей руководят либо алчность, либо конформизм: что другие подумают? Это жизнь живота! Удовлетворяются только базовые, животные потребности в пирамиде Маслоу. Простые человеческие желания — жить, любить окружающих, быть в гармонии со своей собственной совестью — не в тренде, это не пропагандируется с экранов. Жить так, как выбираешь ты сам, а не твое окружение — это требует усилий, тут нужен собственный мозг напрягать. Хотя цель тоже есть — стремиться к обогащению, к определенному статусу, и никому не важны способы и тем более не важно, а стоит ли вообще сам человек этого статуса. Посмотри на двухлетних детей — им ничего не нужно, чтобы быть счастливыми, они сами делают свое счастье из любых простых вещей: речка, солнце, мама...

Счастье на поверхности, а все что-то копают и копают, все глубже и глубже... — он замолчал.

— А ты умеешь быть счастливым?

— Я стараюсь. Я знаю, что скоро ты уедешь в город... Но я счастлив здесь и сейчас!

Ночью ей приснилось, что пришла «настоящая Анна» и обвинила Аню в воровстве. Она проснулась в ужасе и с мозговым штурмом в голове: А если я найду сокровища на самом деле? Что мне с ними делать? Надо, по идее, искать настоящих хозяев и делиться с ними... Нет, надо всё отдать, это же их... А как их найти? Да зачем вообще я ищу эти сокровища?..

Когда Гюнтер проснулся ранним утром, Аня уже сидела, закопавшись в старые письма и фоты, с торжествующим выражением лица.

— Ну, никак что-то нашла за бессонную ночь?

— Да! Я узнала бабу Шуру на фотографии!

— Это радует. Ты уже узнаёшь на фотографии человека, который тебе свой дом оставил. Покажи?

Аня протянула ту самую «похоронную» фотографию.

— Вот видишь, эта женщина, стоящая за спинами всех?

— Да не, это не она... Баба Шура красивая была, ты же видела... А у этой женщины... не ваши гены.

— Вот я тоже удивляюсь — всего 6 лет со времени той фотографии прошло, а она так постарела... Но это точно она!

— Не хочу тебя расстраивать, но то, что ты узнала бабу Шуру, не дает никакой информации...

— Поэтому и читаю дальше! — насупилась Аня. — Мне вот интересно, кто вернул письма бабе Шуре? Адресатом был Лукьян! — Она открыла «новое» письмо и побежала по нему глазами. Гюнтер пошел заниматься своими делами. Когда он в очередной раз проходил мимо Ани, она схватила его за штанину:

— Постой... тут интересно... щас-щас... вот! Слушай! «Здравствуйте... поклон ей... трали-вали... жива ли здорова Аня...» — Представляешь? Я глазам своим не поверила — Аня?? — Она вскочила и потерла пальцем чуть размытое от времени написанное имя, будто от трения оно могло измениться или было чем-то заляпано. — Аня!! Она всё же была! Теперь ты мне веришь, что внучка бабы Нюси действительно существовала!! Баба Шура не была старой девой, у нее была дочь! И это ей завещала свои сокровища моя прабабка!

Гюнтер взял письмо у нее из рук:

— Действительно, Аня... Ну мало ли кого она имела в виду?

— Мне это нужно срочно выяснить! — с горящими глазами Аня схватила за руку Гюнтера. — Сейчас! Ну пожалуйста! Отвези меня в Лукоянов!

— Опять? Мы же там были. Нет там уже давно никакого дома Лукьяна, ни тем более его самого... У кого спрашивать?

— Не знаю... У соседей! Или еще у кого-нибудь... Поехали? — она с надеждой смотрела в его глаза.

— Ну что мне с тобой делать... Сумасшедшая... — Гюнтер взял ключи от машины.

На выезде из Ильинска им встретился милейший дядя Паша.

— Дядя Паша, куда подвезти? — Гюнтер открыл дверцу. Дядя Паша с готовностью сел в машину. Аня демонстративно молчала.

— До Ужовки. Подвезешь — буду благодарен. А вы куда?

— В Лукоянов.

— Путешествуете? Это хорошо. Я в Лукоянове на повороте однажды колесо оставил. Так забавно вышло... — они обсудили его историю про колесо, посмеялись, помолчали. Аня не сдержала собственный яд:

— Как ваши уголовники поживают? Поймали этого вашего Нахимова?

— Нахимов-то? Приходил он ко мне вчера.

Аня ушам своим не поверила: разыскиваемый уголовник приходил к подполковнику полиции? С какой целью?.. Конечно, она уже и не думала про дядю Пашу хорошо, но чтобы вот так ...

— А... Зачем, если не секрет?

— Да нет, не секрет. Выпить со мной хотел.

— Ну и как, выпили Вы с ним?

— Да, по рюмочке пропустили.

Аня даже не знала, что сказать. Видя недоумение в ее глазах, дядя Паша пояснил:

— Вы мысленно спрашиваете меня, почему я не задержал его? Видите ли, Анечка, жизнь — сложная штука... Идеальные ситуации бывают редко. Обычно на принятие решений влияют много факторов... Ну, считайте, что я уже старенький для таких приключений... Да и если человек пришел в гости, то даже как-то неудобно его выпроваживать...

Аня молчала. «No comments, — думала она. — Как же я ошибалась в этом человеке...»

— Ну а Вы, Аня, что решили с бабы Шуриным домом делать?

— Да ничего не решила пока.

— Ну тогда пока ничего не решили — Ванечка, слышишь? — вы не ходите в этот дом...

— Почему? — спросила Аня.

— В нем... энергетика плохая.

Дядя Паша доехал до Ужовки и вышел.

— Он пил с Нахимовым?? — воскликнула Аня, когда за ним захлопнулась дверца.

— Ну и что? — Иван пожал плечами. — Нахимов не только уголовник, он еще и его бывший одноклассник. Они всю жизнь бок о бок провели: один ловит, второй убегает. Им есть что вспомнить.

— Ну и Санта-Барбара...

— Никакой Санта-Барбары. Просто деревня...

В этот раз во дворе коттеджа былолюдно. Когда Аня с Ваней подъехали, несколько детей играли в жмурки, а мужчина с женщиной — видимо, родители — сидели на лавочке, комментировали игру и подзадоривали:

— Давай, Даша, он впереди, поднажми... Ну что ж ты так, давай вставай...

Увидев подъехавший к дому кроссовер, молодой мужчина с бородой встал и подошел к забору.

Аня не знала, как сформулировать цель своего приезда.

— Здравствуйте, — начала она, выходя из машины, — извините за странный вопрос...

Мы ищем человека, который жил на этом месте много лет назад. Может, Вы что-то слышали о нем? Его звали Лукьян.

— Слышал, — изучающе смотрел на них мужчина.

— Да? — Аня обрадовалась. Всё узнать оказалось легче, чем они предполагали. —

Может быть, он Ваш родственник? Извините за нескромность...

— Может быть. А вы с какой целью интересуетесь?

Аня немного помялась, не зная, с чего начать.

— Мы ищем какую-нибудь информацию про некую Анну, которая, может быть, здесь жила у Лукьяна. Это моя родственница, точнее, тётя...

— Тётя? — какое-то странное удивление отобразилось на лице мужчины.

— Ну, получается, что так... Двоюродная...

Мужчина с сомнением смотрел на нее. Образовалась неловкая пауза.

— Эта девушка утверждает, — вступил в разговор Гюнтер, кивнув на Аню, — что в письмах своей прабабки обнаружила наличие родственницы, о которой не слышала раньше, и захотела узнать о ней побольше. Если что-то знаете — расскажите по-братски, а нет — развейте наши сомнения. Скажите ей, что никакой Анны никогда не существовало.

Мужчина внимательно посмотрел на Гюнтера.

— Ну почему же не существовало? Существовало... Пойдемте в дом, посидим, поговорим...

Аня обрадованно последовала за мужчиной. Ей хотелось поскорее всё узнать.

— А вы знали ее лично? А Лукьяна? Вы не родственник, случайно? Или просто купили здесь землю? А кем Вам доводился Лукьян, если он вообще Ваш родственник?..

— Сколько вопросов сразу... Знал я Лукьяна лично. Он мой дед.

Они сидели на светлой просторной кухне и пили крепкий чай с травами. Жена накладывала печенюшек, нарезала колбасу и всячески хлопотала вокруг них, будто Аня с Ваней были им как минимум близкими родственниками. Ане даже стало как-то неудобно от этого деревенского гостеприимства.

— Я расскажу, что знаю сам. Не знаю, как вам это пригодится...

Когда мой дед Лукьян уже был женат и у него уже было двое детей, он работал на торфодобыче под Нижним. Туда «сгоняли» народ со всей области. Там он познакомился с девушкой Шурой, которая тоже там работала. Я не знаю всех подробностей, но так или иначе у нее родился ребенок Лукьяна, девочка Аня. Когда Шура вернулась домой в свое село с ребенком на руках, ее мать была в ужасе — такой позор, девка без мужа родила! Да еще и от женатого! Тогда были другие времена... Она сказала дочери, чтоб та девала ребенка, куда захочет, пока не узнали все соседи, или пусть уходит сама. Шуре идти было некуда... Она пошла к отцу ребенка... Он принял ребенка без зла и претензий, но вот его жена... После семейного скандала дед всё же забрал ребенка жить к себе, а Шура вернулась жить к своей матери. Жена Лукьяна, моя бабушка, сначала не хотела принимать чужое дитя, но потом привыкла, и Аню стали растить как родную дочь. Моя бабка часто о ней вспоминала... Она полюбила ее и всегда жалела. Даже своих детей, бывало, за «мужнин грех» наказывала... А Шура больше никогда не приезжала. Вроде бы, она переписывалась с дедом какое-то время, пока моя бабка не устроила им разнос. Думаю, больше они и не виделись. — Он замолчал. Аня тоже молчала, переваривая информацию. Потом, наконец, спросила:

— Вы можете дать мне координаты Анны? Где она сейчас живет?

— Нет, не могу... Аня умерла, когда ей было лет 5–6.

Все замолчали.

— Отчего она умерла? — неловко спросила Аня.

— Заболела чем-то. Тогда детская смертность вообще была очень высокой... Вот и всё,

что я знаю про Вашу родственницу. Надеюсь, я не сильно Вас расстроил... Я даже не знаю, сообщили ли о ее смерти Шура...

— Баба Шура была не ее похоронах... — Аня вспомнила «похоронную» фотографию. — Она знала... Она переживала за Аню, она часто писала...

Они распрощались как родные:

— А ведь мы действительно могли быть родственниками — заметила Аня, — хоть и очень дальними.

— Дальних родственников не бывает — улыбнулся внук Лукьяна. — Заезжайте, если будете проездом...

Аня ехала домой в печальных размышлениях. Всё теперь вставало на свои места. Она мысленно «пролистывала» слова бабы Маруси о бабе Нюсе: «Ей так хотелось иметь внучек.... Я уверена, Анна Матвеевна не осудила бы Шуру за внебрачного ребенка... Шура умерла в одиночестве...» Вот тебе и Анна Матвеевна! «Не осудила бы...» Да она вышвырнула свою родную внучку и готова была выгнать собственную дочь... И всего лишь из-за общественного мнения... Даже не верилось. Наверное, она надеялась, что Шура найдет себе законного мужа, нарожает от него детей и забудет своего «неудавшегося» первенца. Иногда мы невольно, от всей души желая близким добра и лучшей участи, навсегда ломаем хребет их судьбе, их счастью. Калечим всю их дальнейшую жизнь... Шура больше не вышла замуж и не родила другого ребенка. Она всю жизнь прожила одна. Одна и умерла на полу материнского дома... А ведь она даже дочь назвала в честь своей матери — в надежде, что та когда-нибудь простит ее...

А за бабу Марусю, попавшую в такую же ситуацию спустя пару лет, баба Нюся заступилась... Да и перед смертью всё же написала письмо несостоявшемуся зятю, в котором спрашивала о своей внучке... Всё же она оставила свои богатства именно для нее. Значит, заочно любила... Может, даже раскаивалась? Кто знает... Может, со временем она бы простила Шуру и пустила в свой дом ее незаконную дочь, но она не успела. Она так и не узнала, что судьбой ее внучки было умереть следом... Хотя кто знает, как сложилась бы жизнь Ани, останься она в Ильинске?

Сколько новой информации за последние дни... Сначала Дмитрий, теперь Анна...

— Кто назвал тебя Аней? — перебил ее размышления Гюнтер.

— Меня называла бабушка, младшая сестра бабы Шуры.

Что это — совпадение? Вряд ли... Она ведь наверняка была в курсе этой истории — она уже ходила в школу, когда Шура вернулась домой с младенцем на руках... И тоже молчала всю жизнь. Скрывали, будто в этом было что-то порочное. О времена, о нравы...

И зачем баба Шура столько лет хранила это письмо, ведь она знала, что «внучки Анны» уже нет... Зачем просила передать эту информацию Ане? Потому что своих детей у нее не было, логично. Возможно, она хотела, чтобы семейные реликвии достались ее династии. А может, она хотела, чтобы я узнала правду. Правду о том, что у нее тоже была дочка и право на семейную жизнь... Иногда так хочется поделиться правдой хоть с кем-то...

Сколько же таких «скелетов в шкафу» хранилось у наших предков... Никто уже не скажет... Но нам ли осуждать их? Еще неизвестно, как проживем свою жизнь мы сами и сколько скелетов будет храниться в конце жизни в наших собственных шкафах. Чем дольше живешь — тем большим количеством неприятной, скрываемой информации обрастаешь, как мхом. Не осудят ли нас наши дети и внуки? В конце концов, каждый из нас имеет право на свои заблуждения и свои маленькие тайны. Мы все иногда ошибаемся и храним в головах

свои странные заморочки. Надо уметь это вовремя простить самому себе и своим близким, чтобы было время всё исправить. Время... У всех есть свои скелеты, и каждый имеет на них право. Надо только вовремя от них избавляться...»

— Слушай, ты не видел мою расческу? — Аня вышла босиком на крылечко, где Иван ждал ее для уже привычного вечернего «моциона». После знойного дня так приятно подышать прохладным вечерним воздухом.

— Ну, одно из двух: либо она затерялась в толще твоих тряпок и тапок, либо она добровольно сгинула в поисках лучшей жизни... Держи. Я купил тебе еще одну — чтобы было больше шансов найти в доме хоть одну из них... — Иван достал из кармана и протянул ей резной берестяной гребешок.

— Какая красивая! — Аня невольно залюбовалась. — У тебя была идеальная чистота до меня... Я внесла в наш дом хаос. — Аня и сама не заметила, как стала говорить «наш дом» вместо «твой дом», потому что ей казалось, что она прожила здесь лет десять, не меньше. Нет, она жила здесь всегда! Всегда по всему периметру дома и двора были разбросаны ее платья и кофты, расчески и косметика, телефон и зарядники, а все полочки были завалены коллекциями красивых камней с Алатыря, коряжек из леса и безделушек из Починок. На столе всегда стоял букет пшеничных колосьев, принесенных с поля, а холодильник был полон вкусняшек для неё.

— Ты внесла в наш дом жизнь. А хаоса здесь давно не хватало.

Аня села рядом и с благодарностью обняла его.

— Я люблю этот дом, он душевный. Я теперь понимаю, что значит выражение «мой дом — моя крепость». Здесь так спокойно. Это даже не просто крепость, это наш собственный форт на острове, отрезанный от всех мегаполисов где-то в глуши... Здесь так легко спрятаться от всех. — Аня легла, положив голову Гюнтеру на колени. Она так привыкла к нему... Если дом этот она знала лет десять, то его хозяина — еще с прошлой жизни. А он знал о ней уже столько, что из всех близких людей, многих из которых она любила годами, он по праву мог называться самым родным. Господи, как же теперь она оторвется и уедет от него? Опять привыкать к прежней городской жизни, опять возвращаться на работу... Опять фальшивые улыбки и «зацени мою новую машину», опять замкнутые бетонные стены холодных городских коробок. Опять залазить в скорлупу собственного конформизма, самозапретов и правил... Прежняя жизнь казалась ей просто невозможной... без него, но количество дней отпуска катастрофически приближалось к нулю. Как быть? Что делать дальше?

Будут ли они общаться, когда Аня уедет?.. Будет ли Иван ждать ее до следующего отпуска? И сможет ли она сама сохранить все свои лучшие эмоции на расстоянии? А, главное, есть ли вообще смысл в поддержании таких странных отношений. Ездить друг к другу на выходные? Как-то неправильно, глупо... Всю жизнь так не проживешь. А ей нужно на всю жизнь... Большой семьей. Она городская, и именно в городе её место. А он хочет жить один. Он хочет жить в деревне... Их интересы расходятся на разные полюсы, как зенит и надир. И их общие дни сочтены.

— Если б ты знал, как я не хочу уезжать... Но через несколько дней мне надо на работу. Ну поехали со мной в город? Ну пожалуйста?..

Его голос погрузнел.

— Нет. Я не поеду, ты знаешь. Если хочешь, оставайся ты... — он погладил ее по

волосам.

— Я не могу остаться, ты тоже знаешь. У меня хорошая работа. У меня сложившийся годами образ жизни и круг знакомых. Я не могу вот так всё бросить и переехать в деревню. — Она не удержалась от укора. — Ну почему же ты так против города! Все переезжают в город, а ты не хочешь...

— Ань, ты опять за старое?.. И за объездной есть жизнь, представляешь? Нас тут 36 миллионов в стране... Я вообще не понимаю, почему я должен чувствовать себя каким-то ненормальным из-за того, что живу в деревне? Мне не нравится, что в нашем разговоре ты мыслишь только материальными аспектами. Я не заставляю тебя жить в деревне, раз она так не мила тебе. Я слишком хорошо понимаю, что навсегда уехать из того места, где ты родилась и выросла — это серьезный шаг, это жертва, которой ты будешь попрекать меня всю жизнь. Я не хочу этой жертвы и потому не вправе держать тебя. У тебя нет никаких обязательств передо мной.

Но и я никогда не поеду жить в город. Прими это, как данное. И прошу тебя, давай закроем эту тему раз и навсегда.

Аня уткнулась в его большую ладонь и замолчала. Ей было горько.

«Он не идет на компромисс. А почему я должна идти? Почему именно я должна добровольно жертвовать своей прежней жизнью? Да, он красивый умный добрый и самый лучший, у него есть образование и работа... но он живет в деревне! Между нами барьер, который мне не взять. Я рано радовалась тогда, в бане, что так легко смыть с себя старую жизнь. Она тянет обратно...» Она представила себе весы, на одну чашу которых сажала всех своих самых лучших городских знакомых, а на другую сажала Ивана... и он их всех перевешивал! Каждый раз! Да, он красивый умный добрый и самый-самый лучший — чего ж тебе надо, Магомет, чтобы подойти к горе? Лишь самую малость — чтобы он был городским...

— Ну что, подождем сегодня твою бабушку в гости? — Иван уютно примостился на краешке кровати. Это уже вошло в правило, что он не ложился спать до тех пор, пока не уснет Аня. Она любила спать, положив его большую теплую ладонь себе под голову, вместо подушки.

— Слушай, Гюнтер, — засыпая, неожиданно вспомнила она. — Всё забываю спросить: а почему надо мной продавцы смеялись, когда я комбикорм в магазине покупала?

— Потому что комбикормом обычно кормят свиней, — в полудреме ответил Гюнтер. — Ну, и другую скотину...

— Что?? — и она прилепнула подушкой его лицо. Он выбрался из-под подушки:

— Называй меня Иваном...

Она уснула, а ночью опять приходила бабушка. Теперь, после поездки в Лукоянов, она еще и приводила с собой за руку девочку Аню... Они молча простояли до рассвета, а потом бабушка сказала: «Не приходи больше в мой дом». И они ушли так же тихо, как и появились. «Скоро я уже начну беседовать с призраками, — с ужасом подумала Аня. — Это клиника... Всё же надо умыться святой водичкой, пока моя крыша еще на месте ...»

Там, где деревня заканчивалась, начинался огромный зеленый холм, и часовня стояла прямо на его полуотвесном боку. Вокруг нее прямо из холма повсюду струились чистейшие родники, постепенно сливаясь ручейками вместе и превращаясь в исток реки.

— В этом роднике, говорят, когда-то нашли икону Казанской божьей матери, — сказал Иван, — поэтому и престольный праздник здесь Казанская, — а на этом месте выстроили часовню. Вода в родниках святая, а если поднимешься на вершину холма — тебе простятся грехи. Здесь просят об осуществлении желаний.

Аня набрала в ладони ледяной прозрачной воды и умылась, чувствуя, как смывает с себя остатки прежних мыслей и расстройств, страхов и обид, остатки прежней жизни. Всё будет хорошо! Она мысленно попросила прощения у бабы Шуры и у бабы Нюры — за то, что не принимала никакого участия в их жизни и смерти, и за то, что никогда не проявляла уважения к истории своей семьи. Потом подумала и попросила прощения у самой себя — за то, что столько лет шла не туда и не с теми людьми. «Скоро в город... Пожалуйста... пусть всё сложится так, что мы останемся вместе... Помоги мне принять правильное решение... Пожалуйста...» — загадала она «волшебной» воде.

Бросив велосипеды у подножья холма, они стали подниматься на вершину по едва заметной тропке. Подъем был такой крутой, что местами приходилось держаться за высокую траву, чтобы не съехать вниз. Под конец подъема Гюнтер буквально затаскивал Аню наверх за руку. Склон был усеян дикими колокольчиками, гвоздиками и зверобоем, а под ними, прямо на земле лежали переспелые, ароматные ягоды — что-то среднее между клубникой и земляникой. Над ягодками кружились синегрудые варакушки.

— Это и есть полевая клубника. Последние, поздние ягоды, — сказал Иван, втаскивая Аню в гору за руку. Когда они, наконец, поднялись, Аня обернулась и замерла перед красотой пейзажа: проводя где-то безумно далеко четкую линию горизонта, вокруг, под горой, лежали желтые поля, соседние деревни и полоска зеленого леса. Птицы пролетали на уровне их глаз, и свежий ветер колыхал волосы.

— Дух захватывает... Какие, оказывается, сильные места есть в нашей области.

— Еще бы... Здесь обзор на несколько километров в каждую сторону. Здесь мы ближе к Солнцу и свету. Здесь место силы и правды. — Он нарвал букет из ягод и протянул Ане.

Она не могла молчать о том, что лежало на сердце:

— Я не хочу уезжать... — она притихла, обняв его и положив подбородок ему на грудь. Запрокинув голову, она глядела в его голубые глаза, которые, казалось, сливались с небом. Наверное, ей всё же простился какой-то грех, потому что на сердце было хоть и грустно, но спокойно и чисто.

— С тобой я живая, с тобой не нужно никем притворяться...

Он оторвал сладкую ягодку от кустика, положил ей в рот:

— Полевая ягода — это не городская клубника, красивая и блестящая, но лоснящаяся искусственностью и фальшью. И это не деревенская земляника — капсула свободы и естественности, но слишком уж простая. Это особенная ягода. Это лучшая из всех ягод... Вот так живешь себе, и лето уже переваливает за половину, и кажется — всё, не будет больше полевой клубники, никогда в жизни больше не будет. Остаются с тобой на зиму только «пластмассовые» египетские виктории... И вдруг случайно находишь в поле одну-единственную, последнюю ягодку. И сразу кажется: лето еще не закончилось, впереди еще много солнца... Последняя ягода полевой клубники — самая яркая, самая удивительная. Вкус ее помнят долго... всю жизнь.

Он смотрел на Аню своими ласковыми голубыми глазами и знал, что она понимает его. Взял ее за руку и стал целовать ее пальцы и серединку ладошки.

— Спасибо тебе... Спасибо за мою последнюю ягоду.

Аня сдерживала слезы.

— Я не могу знать, что и как сложится дальше. И за тебя я решать не могу. Возможно, ты уедешь и больше не вспомнишь про меня. Но... Если я когда-нибудь надумаю прожить эту жизнь долго и счастливо — ты составишь мне компанию?..

Аня вопросительно смотрела в его глаза:

— Как же твой единственный страх...

— Я готов мириться со своими страхами... Лишь бы ты всегда была рядом...

Слеза не удержалась.

— Прости меня... Я не могу...

Несмотря на предостережения дяди Паши о «плохой энергетике», в бабкин дом они все же заходили. Но чем дольше искали «наследство», тем больше утрачивался смысл поиска. Постепенно Ане стало казаться, что они ходят в старый дом как на работу, или по старой привычке. Сокровища все меньше и меньше были интересны ей, и в сам факт их существования она уже почти не верила:

— Как жила без них — так и дальше проживу; вот только во дворе еще проверим...

— Ты одержимая... — говорил Иван, и она мысленно соглашалась с ним... Она никак не могла остановиться, незавершенность действия тяготила ее, она думала о сокровищах по инерции и ей никак не хотелось ставить на поисках жирную точку.

— Давай договоримся, — сказал ей, наконец, однажды утром Иван, — что сегодня копаем последний день, и твоя душенька на этом успокаивается.

Ане пришлось согласиться: она понимала, что и сама порядком устала от поисков, и Ивана замучила. Ей хотелось избавиться от навязчивых мыслей о кладе, о бабке... обо всем, и просто спокойно пожить оставшиеся дни отпуска вдвоем с Ваней.

В этот день она никак не хотела уходить с раскопок домой. Они перекопали весь двор, где раньше жила скотина, перетрясли сено на чердаке двора, обшарили курятник, оторвали доски под крыльцом и даже перебрали кирпичи, сложенные во дворе...

— Всё, пойдем праздновать завершение этой бессмысленной эпопеи, — сказал Иван, забрасывая лопату на плечо.

— Сейчас, только одну минуточку, — говорила Аня и лезла прошарить очередную дыру за старой поленницей. В конце концов, Иван, не дождавшись, забросил Аню на второе плечо и вышел вон из этого проклятого дома.

— Ну что, отпразднуем? — сказал Иван, открывая бутылку дорогого вина.

— Ты же не пьешь?

— Водку — нет, а коллекционное вино очень даже...

Он подбросил дров в печку «топящейся» бани и сел на низенькую лавочку, протянув Ане пузырящийся бокал. Вкусно пахло баннным дымком.

— За чистую Анину голову! — улыбнулся он. Аня взяла бокал и, как в кресле, уютно устроилась на светлом полу бани у него между ног, поставив свои локти ему на колени.

— Вкусно! — оценила она, глядя на огонь сквозь пузырьки вина. Они вместе любовались костром в топке, который, изрядно пощелкивая, быстро поглощал белые остовы березовых дров. Огонь съедал всё — суету, усталость, ненужные мысли, отдавая взамен тепло и умиротворенность души. Казалось, что время остановилось и больше не властно над ними.

— Остаток отпуска проведем как адекватные люди, — говорил Иван. — Свожу тебя покататься на Починковских верховых лошадях. И на тяжеловозах! Поверь мне, это нечто! Еще съездим в Болдино — ты не была там? Там душевно. Почувствуешь себя русской дворянкой, как ты хотела, прогуливаясь между трехуровневыми озерами или по анфиладам барских комнат. Мне иногда кажется, что в прошлой жизни я жил в одной из таких усадеб, катался верхом по заповедным рощам и аллеям, лежал на таком же диване, как у Пушкина, и прятал документы от управляющего в шкафу из цельного дерева...

Аню осенило:

— А шкаф-то я толком так и не проверила! А вдруг там двойное дно? — она секунду помедлила, потом вскочила и стала быстро одеваться.

— Куда ты, сумасшедшая! — одернул её Иван. — Мы же договаривались: последний день!

— День еще не закончен! — крикнула Аня, поспешно натягивая эспадрильи и застегивая ремешок на платье. — У меня есть еще целый час! Я быстро! До 12 вернусь, обещаю!

— Да у тебя совсем крыша поехала! Деньги важнее здравого смысла? Учти, что я в этот раз с места не сдвинусь! — Иван был зол, как никогда раньше. — Езжай одна и потом не жалуйся, что тебя бабка страхами замучила!

— Не бойсь, не замучает! — крикнула Аня и выбежала из бани. — Мне надо поставить жирную точку!

Сейчас она прощупает шкаф и, если найдет клад, Иван поймет, что был неправ, и смягчится. Ну, а не найдет, так не найдет, зато точно успокоится.

Аня подбежала к старому дому привычной и уже хорошо протоптанной тропинкой, стараясь не вспоминать старые страхи. Мысль о том, что она здесь в последний раз, вдохновляла забыть все неприятные эмоции. Про фонарик она и не вспомнила, и теперь в кромешной тьме нащупывала дырку в замке, чтобы вставить ключ. Внезапно ей опять показалось, что она слышит шаги в доме. Аня прислушалась, обернулась на тропинку: не пошёл ли вслед за ней Иван? Нет, его не было.

— Ну уж нет, в этот раз я просто не могу вернуться к нему как испуганная прибитая собачонка! — решила Аня и, наконец, отперев замок, решительно толкнула скрипучую входную дверь. Ей показалось, что в сенях она увидела отблески света, идущего через глухую дверь комнат, и услышала чей-то голос. Жуть на секунду напала на нее, но отступить сейчас она не могла. «Со щитом или на щите», — подумала девушка и, уже привычно собрав храбрость, быстро прошла сени и открыла тяжелую дверь в комнату. Открыла и обмерла: в ее доме, посреди комнаты, при тусклом свете свечи, на тряпках восседали какие-то пьяные бомжи! Один мужик, хорошо «позавтракавши», лапал отвратительную пьяную бабу, что-то счастливо повизгивающую матом, а второй, лет 50-ти, обросший недельной щетиной, что-то жрал, склонившись над пакетами, и остатки пожираемой жижи стекали с его подбородка обратно в пакет.

Аня пришла в ужас! Говорить в этой ситуации «Что вы делаете в моем доме?!» было по меньшей мере глупо, а по большей — опасно... Спасаться! Нужно спасаться, пока не поздно! «Беги!» — мелькнуло в ее мозгу, но ноги словно окаменели. Все эти типы обернулись на звук открываемой двери и замолкли. Отвратительный чавкающий субъект встал, и Аня узнала его: это был тот самый «бомжеватый мужик», который помогал ей вынуть подол из спиц велосипеда... По пьяни он чуть не упал, но на удивление быстро и ловко подобрался к

Ане и схватил ее грязной рукой за ремешок платя.

— Ну вот, Шагал, а ты обижался, что баба только одна! — крикнул он «товарищам» пропитым хриплым голосом, и все трое зашлись пьяным ржанием. Перепуганная в усмерть Аня рванулась от бомжа, но тот крепко вцепился в треклятый ремешок и потащил ее поближе к свету. От него блевотворно разило, и его мутные от алкоголя глаза сладко шарили по Ане, которая пыталась вырваться, ничего не соображая от ужаса.

— Давай делай дело скорей и уходим отсюда! — кажется, сказал на матерном языке первый субъект и вновь занялся своей очаровательной барышней. Второй же швырнул Аню на сальные фуфайки и, придерживая ее коленом, стал копать в ширинке...

«Ну всё, мне пипец! — пронеслось в Анином мозгу в тон диалекту местного общества. — Зачем я поругалась с Иваном...»

Но тут дверь снова открылась. Все обернулись.

Это был Гюнтер. Он быстро подошел к отвратительному субъекту и, отшвырнув его от Ани, чётко сказал:

— Это моя женщина. И только я могу к ней прикасаться.

Быстро поднял Аню за руку и вышел с ней из комнаты. Аня едва успевала перебирать ногами, чтобы не упасть. Пьяные бомжи в силу ослабленной работы мозжечка то ли не успели сообразить, что к чему, то ли не стали догонять их, но как бы то ни было, Аня и Ваня уже сидели в его машине и ехали домой в гробовом молчании.

Аня осторожно посмотрела на Гюнтера. Его лицо не выражало ничего, и он молча смотрел на дорогу.

«Вот теперь мне точно пипец!» — подумала Аня и почувствовала себя как нашкодивший ребенок. Решив, что «лучшее средство защиты — это нападение», она сказала:

— «Это моя женщина» — и всё?! Хоть бы треснул его разок, что ли...

Он не оценил ее сарказма.

— Это вам не Голливуд, барышня... — спокойно заметил он. — Или тебе было бы приятно наблюдать, как я убиваю людей?

Нет, ей не было бы приятно.

— Зачем сразу убивать? Можно же было просто выгнать их из моего дома.

— Они и сами с утра уйдут.

— Да я не хочу, чтоб они и минуты там были! Разведут мне антисанитарию. — Она вспомнила его мусливые губы и сальные руки. Брр!.. — Фу! Он трогал меня! Какой-то омерзительный бомж...

— Это не бомж. Это Нахимов.

Аня замолчала, пытаясь что-то понять.

— Ты же говорил, что не помнишь, как он выглядит...

— Я соврал.

Соврал? Зачем? Ей стало неприятно, что он опять обманывает её. Мало ли, в чем ещё он мог так же легко соврать ей?

— А он? Он же помнит тебя?

— Да брось... Сколько у него таких, как я, — всех не упомнишь. Я для него всего лишь сын убитого им полицейского.

— Что же будет теперь?

Гюнтер неопределенно пожал плечами.

Слава богу, они уже дома. Его дом — моя крепость.

— Может, он испугается, что мы его увидели, и сядет на дно? — с надеждой спросила Аня. — Будет тихонечко скрываться в том месте дислокации, где скрывался до этого...

— Ты не поняла? Его место дислокации — твой дом! Он всё это время скрывался по ночам в твоём доме. Не было никакого призрака, был он! Отсюда и изменения в доме, которые ты списывала на бабайку... Днём копали мы, а ночью приходил Нахимов. В дом легко зайти через дворное крыльцо. Занавешивал окна тряпками. Я знаю его бабу... Наверно, днём он отсиживался у нее, до прихода ее мужа. К матери заходил. Неужели не помнишь мужика, который во дворе дома ведьмы в машине копался? Зачем ему садиться на дно, если он захаживает к подполковнику полиции? Сама подумай.

Аня опять замолчала. Убийца в её доме...

Она вспомнила, как в первую ночь в деревне спала в машине под окнами и ведь видела, что там кто-то шевелился... Во вторую слышала шаги на дворном крыльце... Видела «бабку в платье». Похоже, она и правда помешалась на призраках, если не поняла очевидных вещей.

— Не нравится мне всё это... — судорожно соображала она. — Они могут найти нас. В любом случае, это становится опасным. Мы знаем, где скрывается человек, которого ищет вся местная полиция... Разве что кроме дяди Паши. Может, сообщить на всякий случай дяде Паше? Он ведь тоже предупреждал меня...

— Да, думаю, именно этим я и займусь завтра. А пока ложись спать. Могу поспорить, сегодня бабка к тебе не придёт.

Он выключил свет и уселся рядом с окном, взяв в руки электронную книгу. А сам то ли всё ещё дулся на Анину глупость, то ли думал о чем-то. А может, он сел у окна, чтобы увидеть, кто зайдет к ним за калитку?.. Мысли путались...

— Ты злишься на меня? — Аня укрылась одеялом.

— Да. Тебе не надо было ездить в этот дом, — флегматично заметил он.

Аня долго ворочалась. Было как-то тревожно. Да, мертвых она теперь не боялась, но боялась живых... Дёргалась от каждого звука, доносившегося с ночной улицы, от каждой проезжающей мимо полуночной машины. Единственное, что успокаивало ее, — это силуэт спокойной фигуры Гюнтера. Когда, наконец, рассвело, Аня уснула от нервной усталости.

Проснувшись утром, она не обнаружила Ивана рядом и быстро вскочила. Он так и не лёг спать... Оббежав весь дом и нигде не найдя его, она распахнула занавески и выглянула в окно. Иван стоял на улице и о чем-то мирно разговаривал через забор с парнем интеллигентной внешности. У Ани отлегло от сердца. Увидев Аню, он молча кивнул парню и пошел в дом.

— Доброго утра моей принцессе! — он поцеловал ее в макушку. — Сейчас позавтракаем и я перегоню твою машину.

Аня и забыла, что вчера ночью бросила её у своего дома.

— Спасибо. — Аня разлила по чашкам кофе. — Интересно, «бомжи» не отвернули от неё колеса?

— Зачем им твоя машина... Пока меня нет, пожалуйста, ни шагу из дома! Хватит уже искать себе неприятностей...

— Обещаю!

После завтрака Аня уютно устроилась в кресле у окна, взяв свою чашечку кофе и его книжку, и посмотрела, как он вышел за калитку. Всё же утро имеет дивное свойство — умиротворять то, что ночью казалось таким страшным.

Минуты через три у дома остановилась машина. Из нее вышел молодой человек. Аня легко узнала его — это с ним разговаривал Ваня утром. Он остановился у забора и, видимо, стал ждать, когда выйдет хозяин.

«Как неудобно, — подумала Аня, — Ваня ведь только ушёл, сколько он прождет? Может, у них дела какие-то. Выйду скажу.»

— Здравствуйте, — она вышла из калитки: не разговаривать же с человеком через забор, это неприлично. Тем более, у соседей напротив опять брехал и звенел цепью пёс, чуть не покусавший ее в начале отпуска. Не перекрикивать же. — А Иван уехал только что. Вы позвоните ему.

— Здравствуйте, — улыбнулся интеллигентный мальчик. — А я не к нему, а к Вам. Ваши документы на отказ от дома готовы, нужно подойти расписаться. Сегодня их нужно отправлять в Починки, до 11 нужно успеть. Неужели Иван не передал Вам?

— Нет... — удивилась Аня. — Странно... Может, забыл... Я подойду через полчаса!

— Нам бы желательно пораньше, курьер ждёт, мы предупреждали... Да там дел-то на пять минут — зайдите сейчас.

— Я не могу сейчас. Да Вы не переживайте, я успею до 11, Иван подвезёт. — Не будет же она говорить ему, что Иван «не отпускает её» из дома.

— Так я сейчас туда еду. Давайте подвезу. — Молодой человек обезоруживающе улыбался. — Там только пару подписей поставить. Это правда быстро.

Аня колебалась. Съездить, пока Ивана нет? Она дала обещание «не выходить из дома», но она же не ребенок, чтобы из-за этого не забрать документы. Она сгоняет туда и обратно — он и не заметит... Молодой человек торопился. Она уже почти согласилась, как вдруг соседская собака, вновь сорвавшись с цепи, неожиданно перескочила забор и кинулась на интеллигента. Аня взвизгнула и отбежала на крыльцо, а интеллигент начал отбиваться от собаки. Собака довольно долго трепала его, и Аня не знала, как ему помочь, пока, наконец, юноша, сражаясь с животинкой, не нащупал дверку машины. Он запрыгнул за руль и, на ходу захлопывая дверь, быстро уехал. Собака побежала вдогонку. Тут же рядом с домом остановился Гюнтер на Аниной машине. Несомненно, он застал интеллигентного юношу.

Аня перевела дух. Ну и что всё это значит? Гюнтер зачем-то скрыл, что документы готовы? Или этот молодой человек вовсе не из конторы? Но зачем тогда ему сдалась Аня? Это как-то связано со вчерашней ночью?

Гюнтер вышел из машины и по его лицу Ане стало понятно: войны не избежать.

— Что у тебя за дела с этим? — без всяких предисловий спросил он. Ане не понравился его тон. Непроизвольно она прибегла к лучшему методу защиты — нападению:

— А почему ты не сказал мне, что документы на дом готовы?

— С чего ты решила, что они готовы? И откуда я должен был это знать?

Вообще да, как-то глупо с его стороны отпираться...

— Я еще раз тебя спрашиваю: что за дела у тебя с этим?

— Да нет у меня с ним никаких дел. Ты сам разговаривал с этим интеллигентным мальчиком утром! Он просто сказал, что можно забрать документы на дом сегодня. Предлагал подвезти. Всё!

— «Подвезти»? «Интеллигентный мальчик»? Ты говоришь полную чушь. Ты знаешь кто это? Это «курьер смерти». Это «шестерка» Нахимова, которая приходит с посланиями к тем, с кем у Нахимова личные счеты. Он передает слова, назначает встречи. Через него же и находят Нахимова те, кому он требуется.

Аня потеряла дар речи, вообще перестав понимать, что происходит.

— Ты что, решила-таки за моей спиной «пробить» направление «Нахимов» в своих глупых поисках? У тебя вообще принципов нет? Ты готова сотрудничать с любым аморалом, лишь бы денег найти?

Аня впервые видела его по-настоящему взбешенным. Он пытался проглотить свою ярость, но получалось плохо.

— Да всё не так! Я не знала, кто это! Слушай, ну не стоит так злиться... Я не виновата, что так произошло... Давай выдохнем и осмыслим всё на остывшую голову. Я клятвенно обещаю, что впредь буду тебя слушаться... и всё такое... и таких историй больше не будет.

— Да, таких историй больше не будет. — Иван собрался с мыслями. — Ты уезжаешь. Колеса целы, бензин на месте. — Он кинул ей ключи от машины. — Сейчас еще масло заодно гляну, — и чеши в город.

Ну, это уже перебор.

— Из-за такой ерунды? Да чего ты так злишься?

— Считай, что мне надоели эти «ерундовые» истории. Я только успел отъехать — ты уже опять во что-то вляпалась. Ты свихнулась со своими сокровищами. Для тебя только деньги и статус и имеют значение. Можешь ехать в «родные пенаты».

— Сегодня?.. Ты выгоняешь меня?

— Да хоть сейчас. Днем раньше или днем позже — какая разница... Зачем растягивать. Все равно уедешь.

Да что за чушь он несёт! Аня молчала. Это звучало как рапорт об отставке. Неужели этот холодный тип — тот самый Гюнтер, который еще вчера был с ней?

— А как же ... Починковские кони? Болдино?..

— Я не уверен, что хочу общаться с таким беспринципным человеком, как ты. Яблоко от яблони недалеко падает: видимо, и в тебе осталась капля скотской крови твоего троюродного дядюшки.

От обиды Аня не знала, что сказать, на глаза навернулись слезы. У нее было ощущение, что по ней только что прокатился товарный вагон — и не просто один раз проехал, а покатался туда-сюда... Аня смотрела на Гюнтера, как смотрят на предателя, пытаюсь отыскать в его глазах прежнего Ивана. Но его не было... Он не выдержал ее взгляда и отвел глаза.

— Ань, давай не будем лукавить. У нас нет общего будущего. Ты всё равно не хотела оставаться со мной. Тебе нужно было всего лишь найти свои сокровища... Я помог тебе, чем смог. Дальше наши пути расходятся. Наше время истекло...

Аня молча и быстро собирала вещи, механически закидывая в сумку что-то, что схватила рука. Когда в руки попал берестяной гребешок, подаренный Гюнтером, Аня швырнула его на пол, смахивая глупые слезы. Она не будет реветь перед ним. Она больше ни минуты здесь не останется.

По-разному она представляла себе расставание, но чтобы вот так?.. Неужели он больше не скажет ей... Ничего? Она невольно задержалась у машины.

— Я нашлепал тебе бутербродиков с сельдерейчиком в дорогу, — Гюнтер уложил ее вещи в багажник.

Как это неуместно! Уж лучше б молчал... Аня поскорее села за руль. Щемящее чувство придавило ее: сегодня мы виделись в последний раз... Он пристегнул её ремнем и, хлопнув

рукой по капоту, сказал: «Ну, давай!..»

Так ничего и не сказав ему, Аня медленно покатила. В зеркальце заднего вида она видела, как он постоял немного, глядя ей вслед, и пошел в сторону дома.

Проезжая мимо бабкиного дома, она не удержалась. Она знала, что их там сейчас нет. Остановилась, подошла и заглянула в окно. Посреди комнаты, так же как и ночью, валялось сальное тряпье, какая-то грязь, хлам... На стене какой-то дрянью одним ёмким матерным словом было намалёвано послание о бренности поисков, предназначенное явно для Ани и Вани. «Видимо, этот действительно сменил место дислокации, раз больше не скрывает следы своего присутствия. Или перепил?» — подумала Аня.

Она ехала, как в тумане, «на автопилоте» вставая на светофорах и машинально включая поворотник. За время своих каникул она уже отвыкла ездить за рулем по большой дороге, и невольно обратила внимание, что без Ивана, сидящего рядом, она опять боялась скорости собственной машины и проезжающих навстречу фур. Голова ее разрывалась от мыслей и эмоций, которые сбились кучей, и Аня никак не могла разобрать этот клубок, разложить их по полочкам.

Он оказался козлом, таким же, как и все они. Её Гюнтер, её Ванечка — и такой нож в спину!.. Оставшись одной, можно было дать волю слезам. Она никогда больше сюда не вернется, никогда! Одни только траблы с этой деревней. И документы на дом так и не забрала. Они даже не поговорили напоследок... Обида требовала реванша, обида кричала: он просто выпроводил меня!..

Не надо было вести себя так глупо, она же знала, что нельзя доверять первому встречному! Сама виновата. Что ж, отпуск закончен. Скоро на работу... Точно она знала только одно: что позади нее то место, где, пусть и по глупости, по ошибке, но ей было хорошо, было! А впереди — одиночество в миллионном городе.

На границе Починковского и Лукояновского районов, которая шла по вершине высокого холма, она решила остановиться. «Я еще в Починковском районе... Я еще здесь... В последний раз». Она вышла из машины, чтобы оглянуться назад. Вокруг раскинулись бескрайние, уходящие в горизонт холмы, покрытые желтыми полями и зелеными лугами, а внизу, между холмами, сверкало на солнце синее озеро. И поля, поля... Безбрежные, ставшие родными просторы. По голубому небу медленно текли стада белых облаков.

Откуда-то прилетела синегрудая птичка и на мгновение, будто по ошибке, села на капот. «Это варакушка», — вспомнила она слова Ивана. — Будто из Ильинска меня догнала... Варакушки живут на огороде и кушают ягоды на лугу. Последние ягоды... «Я готов мириться со своими страхами, лишь бы ты всегда была со мной...» Человек, сказавший такое, не мог всего через пару дней выпроводить ее из своей жизни. Просто не мог! Он сделал это нарочно... Зачем? Зачем он так обидел её...

Аня размазала слезы на лице и сев в машину, поехала дальше. Что-то не срасталось в его словах... Откуда она вообще могла знать, что этот интеллигент — «курьер смерти»? Как она могла найти его за спиной Гюнтера? За собственной злобой он не замечал логических вещей! Мог бы включить голову... Погоди, а о чем тогда он сам разговаривал с тем, кто приходит назначить встречу с убийцей?.. А Нахимова так и не поймали... А Ваня врал, что не помнит, как выглядит Нахимов. Быть может, он соврал и о том, что Нахимов его не помнит? В голове опять пузырем всплыли сплетни, которые она слышала в первый свой день в магазине: уголовник убьет тракториста, Антона и сына милиционера...

Её будто окатили ледяной водой. Она поняла всё. Когда много лет назад Дмитрий,

бросив всё, на ходу сажал сестер в поезд, как тоскливо ему было «обижать» их... Но у него была только одна цель — убереечь девчонок... Аня ударила ногой по тормозам.

Нахимов — маргинал со стажем, он убирает со своей дороги всех, кто перешел её. Как легко она поверила в деланное спокойствие Ивана ночью! Он же ждёт Нахимова! И дождался его курьера утром. Нахимов знает, что Иван — не дядя Паша, скрывать убийцу не станет. И теперь он придет, чтобы убрать свидетеля. Нет, у них какие-то свои старые счеты, вся деревня знает об этом, все, кроме Ани... Боже мой, он же убьёт Ивана... А вдруг... Он уже... Ужасная мысль буквально прострелила ей голову.

Боже мой, какая я тупая! Я настолько заиклилась на своей обиде, что... Надо что-то делать, а не катиться спокойненько в город! Что-то делать! Быстрее!»

Мгновенно забыв о своих обидах, которыми терзалась еще пару минут назад, она развернула машину и, забыв про страх скорости, понеслась обратно в деревню. «Нахимов убьет его!» — пульсировало у нее в голове. Только бы не опоздать! Она не представляла, что можно сделать и чем помочь Ивану — пойти в полицию, запихнуть его в машину, заставить уехать — всё, что угодно, — но лишь бы не опоздать! Только бы не опоздать... «Как я могла уехать, ну что я за дура, дура... — ругала она себя. — Лишь бы не опоздать!» Казалось, минуты уходили, а дорога никак не продвигалась.

Наконец, показались соседние, уже знакомые деревни, потом железнодорожный переезд, мост через Алатырь, поворот на Ильинское, вековые ивы вдоль дороги, чужие дома, чужие дома, чужие ... Какая же бесконечно огромная у нас деревня... наш дом! Наш! Она затормозила посреди дороги и выбежала из машины.

Иван сидел на крыльце, живой! Слава Богу! Аня непроизвольно засмеялась. Он живой и здоровый! И сразу отхлынуло, полегчало.

Она, смеясь, пошла к нему. Он даже никуда не уходил, с ним никого нет. Сейчас он удивится, зачем она вернулась, и, наверно, рассердится. Побубнит и они непременно уедут вместе! Она успела!

Но чем ближе она к нему подходила, тем большие подозрения зарождались в ее голове: что-то было «не так» то ли в его уставшей позе, то ли в том, что он смотрит на неё без раздражения, но и без радости.

— Знаешь что... — остановилась она у крыльца. — Я не доделала свои дела здесь! И я забыла свои вещи! И...я никуда без тебя не уеду!

Иван скептически улыбнулся:

— Теперь можешь остаться. Но смысла в этом будет немного...

Теперь?.. — у Ани внутри опять все оборвалось.

— Что случилось за этот гребаный час, что меня не было? — крикнула Аня, проглатывая тревогу.

Он молчал.

— Да говори уже! Что? — закричала она.

— Я убил Нахимова, — спокойно сказал Иван.

— Зачем ты сделал это? Ванечка... — Аня опустила на ступени к нему в ноги. — Ты же не хотел... Говорил, радости не доставит...

— Я и не ощущаю радости. Хотя раньше мне казалось, что я буду счастлив в этот момент... — в его голосе было такое леденящее равнодушие, будто он убивал каждый день.

Аня не знала, что сказать. Ей хотелось оправдать Гюнтера.

— Как это случилось? Ты защищался? Расскажи мне! Тот утренний «интеллигентный мальчик» приходил к тебе с посланием от Нахимова?.. Нахимов искал тебя?

— Нет. Это я его искал... Я всегда знал, где найти его. Мне просто нужно было назначить встречу с этим...

Аня молчала.

— Я хочу, чтобы ты знала: ты ни в чем не виновата. Я сделал это намеренно. Я планировал сделать это с тех самых пор, как моей семьи не стало. Я бы и сделал это раньше, но судьба нас разводила: то я в городе, то он в тюрьме. В этот раз всё складывалось удачно: он вышел, а я уже на месте. Только ты не вовремя приехала...

Я отложил своё дело до твоего отбытия в город. Я знал, что никто из его своры никогда не осмелится шагнуть на территорию моего дома. Но то, что он дождался, когда я уеду, чтобы увезти тебя... Это меня просто выбесило. Я был зол не на тебя. Я знал, что ты бы не стала связываться с убийцей ради своих дурацких сокровищ, я доверял тебе... Но Нахимов мог опередить меня, понимаешь?.. Мне нужно было выпроводить тебя любой ценой. Я воспользовался поводом и обидел тебя намеренно, прости. — Он замолчал.

— Ну рассказывай же уже дальше, рассказывай!

— Да чего рассказывать-то... Мы встретились на кладбище. Наверное, он хотел схоронить меня сразу. — Аня не поняла, шутит он или говорит серьезно. — Он сидел со своими подельниками на могиле моего отца... Они пили из моей же рюмки... — Аня вспомнила одинокую стопку с водкой на белом памятнике. — Я просто ... ну...ударил его. Он упал, и башка его раскололась о могильную плиту... Знаешь, я даже разочарован, что он так быстро скопытился...

— А подельники?

— А подельники убежали, — закончил он свой короткий рассказ.

— А вдруг они вернуться, чтобы отомстить?..

— Нет, это простые «шестерки». Им это не нужно.

— Что мы будем делать, Ваня? — Аня с надеждой глядела ему в лицо. — Надо что-то делать...

— Ничего. Я уже позвонил дяде Паше. Он всё знает и сейчас приедет за мной. Всё кончено.

— Давай убежим? — предложила вдруг Аня. Ей всё казалось, что еще не поздно всё исправить, что нужно быстро действовать, что-то предпринимать... Она не понимала, как он может так спокойно сидеть и ждать своей участи, ждать, что его посадят в тюрьму, и судьба его на этом будет кончена. — Сбежим, а дяде Паше скажешь...ну...что пошутил? — она нервно улыбнулась.

— Я никуда не побегу. Во-первых, это глупо, а во-вторых, я должен понести наказание за то, что сделал. Я хочу понести наказание. Ты вообще понимаешь, что я сделал? Я убийца! Ты сидишь рядом с уголовником... И я хочу, чтобы ты знала правду: это не случайность, и ты ни в чем не виновата. Я давно решил сделать то, что сделал.

Дядя Паша пришел пешком, без формы и регалий. Он был спокоен, как и Иван, кивнул Ане, ничего не спрашивал и молча дождался, пока «уголовник» методично соберет свои документы, запрет дом и сядет за руль своего кроссовера. Аню просили не ездить с ними, но она боялась, что если сейчас отпустит Ивана, то больше никогда его не увидит. Глядя на спокойные лица мужчин, Ане не верилось, что произошло что-то чрезвычайное и ужасное. Ей всегда казалось, что в такие моменты все должны бегать, суетиться и орать. Но вместо

этого они молча, втроем — мужчины впереди, а Аня на заднем сиденье — приехали на кладбище.

Вчерашнего мужика, лежащего на могиле в неестественной позе, Аня увидела издалека.

— Побудь здесь... — сказал Иван. — Там кровищи море... Аня содрогнулась и остановилась среди кладбища. Мужчины молча подошли к труп.

— Он вообще-то еще жив, — сказал, осмотрев его, дядя Паша. — Удивительно живучий, как собака...

— Какая разница... — буркнул Иван.

— Будет содействие.

Они взяли мужика за руки и за ноги и дотащили до машины, методично расстелили на заднем сиденье клеенку и забросили его в салон. Он и вчера выглядел отвратительно, а сегодня... Аня старалась не смотреть.

— Ты боишься, что ли? — обратился дядя Паша к Ане. — Ну садись впереди, а я с этим поеду. Аня, с благодарностью к дяде Паше, села рядом с Иваном.

Они, всё так же храня молчание, привезли Нахимова в районную больницу, передали его медсестрам, в двух словах объяснив, что он ударился головой, и сели ждать в коридоре.

— Это Нахимов, что ли? Который Ильинский, тот самый... — спросила их медсестра через открытые двери.

«Видимо, Нахимов был просто звездой, раз даже Починковские медсестры узнали его», — подумала Аня. Она все хотела поглядеть Ивану в глаза, чтобы понять, что делается у него на душе, но он не смотрел на нее. Рядом намывала коридорные полы энергичная бабулька в сером служебном халате. Было тихо, только ее ведро грохотало.

В открытые двери приемных покоев было видно, как пришел уставший хирург.

— Что у нас?.. Готовьте операционную... — доносился до коридора его уставший голос. К нему подошла медсестра, узнавшая Нахимова, и что-то тихо сказала. — Хотя... — врач кинул быстрый взгляд на сидящих в коридоре, — вряд ли у нас найдутся нужное оборудование и дорогие медикаменты... Скорей всего, нужно везти его до города... А кровопотери большие, не знаю, как он перенесет такую долгую дорогу...

Медсестра вышла в коридор.

— А вы езжайте, езжайте, чего ждать-то...

— Так он выживет или нет? — уточнила Аня.

— Ну откуда же мы знаем, — уклончиво ответила медсестра. — Мы сделаем всё, что должны, — и, вернувшись в кабинет, закрыла за собой дверь.

Проходя со шваброй мимо, энергичная бабулька, намывавшая всё это время полы, зашипела им:

— Да зачем вы его, ирода, привезли! Заставляете людей такой грех на душу брать!.. Лучше б сами закопали его под баней — и дело с концом... — демонстративно сплюнув, она быстро ушла по коридору. «Закопали под баней...» — Аня с Ваней переглянулись. Там, в зарослях крапивы, в старом бабушкином огороде, осталась некопанной баня... Как это глупо теперь.

Потом они поехали в милицию. Всё было как в бреду. Аня всё говорила, кричала, убеждала и вносила хаос в спокойный мужской коллектив. Мужчины говорили мало. Сонный участковый писал, Иван и дядя Паша коротко отвечали. Ане всё не верилось, что это происходит с ними, казалось, она со стороны смотрит дурацкий фильм. Ведь всего несколько часов назад всё было нормально! Ведь всё было нормально...

Когда Ивана проводили в «обезьянник», до Ани вдруг разом дошло, что суетиться больше не стоит. «Всё кончено...» — вспомнила она слова Ивана.

Она пробыла там до глубокой ночи.

— Уезжай домой. Смысл тебе здесь торчать, — устало сказал Иван, попросив передать ей ключи от дома и своей машины. — Дома запрись! — наказал он и, наконец, посмотрел ей в глаза. В них не было ничего, кроме усталости и заботы.

Дядя Паша вышел проводить Аню.

— Вот, вишь, как оно бывает, — он достал сигарету и закурил. — Сначала отца не смог уберечь... А теперь вот и сына. Эх, Ванёк, Ванёк... Сколько раз я просил его уехать в город... Но он никогда этого не сделает... Дом еще этот отцовский...

— Ну кто же знал, что так выйдет...

— Да все знали... — Он молча курил.

— Как это понимать? — Аня ждала разъяснений.

— Они ненавидели друг друга хуже дворовых собак...

— Ваня говорил, что смерть Нахимова не доставит ему радости! Хотя... Он же соврал.

— Ваня не мог простить ему смерть родителей. Еще тогда, когда ему 16 было, он сломал Нахимову челюсть прямо в зале суда. Такое унижение для зэка... Когда Нахимов выходил из тюрьмы, все ждали, что Ванька первым будет, перед трактористом и Антоном...

Но годы идут, а Ваня человек импульсивный, но добрый... Он уехал в город, вырос, потом вернулся и долго жил один... Он знал, что Нахимов никогда не оставит его в покое. Его и его близких. И — ты уж прости за прямоту, — но он никогда бы не женился, зная, что Нахимов жив. Да, прежней злости давно нет, и Иван, может, и не собирался убивать Нахимова. Но лучше уж так, чем наоборот... Нахимов... Он ничего не забывает. Я знал, что рано или поздно, но Нахимов найдет средства пролить кровь заклятого врага... всегда находил. Но всё же возвращаться на зону ему не очень-то хотелось, раз с годами он стал осторожнее... Ни сучка, ни задоринки — никто и никогда не ответит ни за Антона, ни за тракториста.

Я нашел его в тот же день, как он утопил Антона. Я знал, что Антона, так же, как и тракториста, ему не предъявят — ни свидетелей, ни реальных доказательств. Заявление и свидетель есть только по изнасилованию. Ну что ему дадут за это? Год? А потом он вновь выйдет и прирежет Ивана. Я предложил ему негласный договор: я не трогаю его, а он пока не трогает Ивана. Мне нужно было хотя бы выиграть время. Ваня не знал... Нахимов дал мне слово, и я уверен, он не нарушил бы его... Но на горизонте тогда не было тебя, — он с сожалением помолчал. — Подстроить Ванино «наказание» так, чтобы следствию не за что было уцепиться, Нахимову было трудно. По жизни они не пересекались, на провокации Ваню не подцепить, болевых точек в виде близких людей у Вани не было. Может, это все продолжалось бы еще долго, но тут появилась ты. Это был шанс для Нахимова. Если он пока не может подступиться к самому Ивану, то он может хотя бы сделать ему этакую «маленькую гадость», уничтожив близких ему людей... Тем более, если они сами так и лезут к нему в руки. Ну зачем ты ему глаза мозолила?

Дядя Паша затянулся и пустил в ночное небо облако дыма.

— Нахимов понял, что у него, наконец, появился некий рычаг давления на Ванину психику. В твой дом его привела случайность — в заброшенный дом легко попасть. И если поначалу он иногда скрывался в твоём доме, не зная, кто его новый хозяин, то узнав, что ты — девушка Ивана, стал специально искать встречи с тобой. Последние дни — ты не знаешь,

ведь вы почти забросили поиски — он не очень-то скрывался и ждал тебя в доме иногда даже днем...

— Да, пока он не знал, что я с Иваном, он ко мне относился явно лучше, — зачем-то промямлила Аня.

— Сначала я надеялся, что у тебя получится уговорить Ваню уехать жить в город. Когда понял, что Ваня не изменяет своим привычкам, я пытался убедить тебя, что надо уехать тебе. Ты уж прости, если обидел... Когда Нахимов приходил ко мне тогда, на стакан водки — помнишь? — я просил его не трогать тебя, но он не дал мне такого обещания...

— И Вы меня простите...

— Ну, ничего, ничего... Еще повоюем. Когда Ванькин отец умирал, он велел мне приглядывать за сыном. Ванька тогда шпаной был, и неизвестно было, какой путь он себе выберет. Но он сам себя человеком сделал. А я до сих пор приглядываю... Я асфальт выгрызу, я погоны сложу, но Ваньку из тюрьмы выну! — Он докурил сигарету, бросил окурки и вернулся в здание.

Аня на ватных ногах вышла под звездное небо и села за руль его машины. Всё здесь, в машине, было уже такое родное и хранило его энергетику... Аня не знала, что будет дальше, но одно знала точно: что больше она никуда не уедет, пока все не прояснится, сколько бы времени это ни заняло — день, месяц, год... Больше она никогда никуда не уедет.

Аня катилась по ночному шоссе, как во сне. Черная ночь окутала ее, охватила, обняла. Все небо усыпали звезды. Всего сутки назад он обнимал ее и говорил, что всё будет хорошо... Внезапная злость охватила Аню. Домой к Ивану она не поехала. У нее было одно незаконченное дельце в этом проклятом доме... Вдавлив газ до пола, она не ощущала страха скорости. Въехав чуть ли не на крыльцо, она бросила машину Ивана открытой, схватила из багажника топор — инструменты он давно уже перестал выкладывать — и, включив фонарик, пошла на огород, не ощущая ни тяжести топора, ни жжения крапивы, вымахавшей выше ее роста, которая бурным потоком хлестала ее со всех сторон. Была полночь, и деревня молчала. Только цикады нещадно звенели в ушах. Тьма, непроглядная тьма кругом, вечная тьма...

Чёрная кошка, как в первую ночь, снова бросилась ей под ноги. Но Ане больше не было страшно. Ярость бушевала в душе ее.

— Ну что же, кто здесь — призрак бабки или уголовники — выходите, поговорим! Вот она я! Я не боюсь вас! — крикнула она в темноту. Никто не ответил ей, только ночные цикады притихли на минутку. — Я ничего больше не боюсь, — тихо добавила она и, размахнувшись, со всей дури ударила топором по замку. Он отлетел, как детская игрушка. Она вошла в крошечный мрак передбанника, слабым лучом фонаря нашла дверь в самую баню, дернула ее и вошла. Кругом пахло сыростью и плесенью. Ошалелые пауки спешно спасались от луча ее фонарика. Она закрепила его, взяла топор и со всей силы шарахнула по доскам пола. Столько злости в ней было, что, казалось, ей не хватает места в голове, и мозг вот-вот взорвется от ярости. Злость давала силу рукам, много силы. Она лупила доски, пока они, уже прихваченные гниением, не поломались. Аня вышвырнула их, сходила за лопатой и принялась копать.

— Всё из-за меня! Из-за моей вечной жадности! Проклятые сокровища! Сейчас или никогда найду я вас, и будьте прокляты! — пульсировало криком в ее голове. — Я виновата во всем, одна я... — и слезы сами потекли по ее лицу, смешиваясь с грязью. Страшные

мысли лезли ей в голову. — А уходя, подожгу проклятый дом...

Она копала несколько часов, не замечая усталости и быстро образовавшихся мозолей. Довольно часто ей казалось, что лопата на что-то натывается, но каждый раз это оказывались обломки кирпичей и досок. Она разворотила весь пол несчастной бани, ставшую жертвой ее нечаянной злости. Но постепенно ярость уходила, и приходило бессилие. Руки ее слабели. В конце концов, с первым лучом солнца, забрезжившим в крохотном окошечке бани, она отпустила лопату и без сил опустилась на колени.

— Ничего нет! Ничего и не было... — в бессилии думала она. — «Утопия...» — вспомнила она слова Гюнтера. — Из-за утопии я погубила жизнь Ивана. И наше счастье я схоронила здесь, в кучах этого бесполезного чернозема. Она легла на кучу земли, как на могильный холмик, и зарыдала. Она плакала долго, уткнувшись в грязь лбом, и постепенно успокаивалась. Ее некогда любимое платье было окончательно испорчено и вся она, измазавшись в грязи, была похожа на черта из преисподней.

А Солнце, вечное Солнце всходило над горизонтом и обещало жаркий день. «Жизнь продолжается» — всё вспоминала и вспоминала она слова Гюнтера. — Жизнь... Жизнь без Ивана.

Она успокоилась и притихла. Не хотелось ничего. Ни спать, ни есть, ни шевелиться. Она лежала в грязи, уставившись бессмысленным взглядом в дыру, где раньше был фундамент глиняной печки, а теперь лишь торчали ржавые железки, и взгляд её угасал. «Всё кончено», — в последний раз подумала она. Голова ее была пуста, все мысли куда-то ушли, оставив ее одну. Она закрыла глаза и стала вспоминать, как им с Ваней было хорошо вместе. Как он смеялся... Целовал ее в макушку... Заботился и во всех смыслах носил на руках. Она открыла глаза и лицо ее стало озаряться тихой радостью в лучах взошедшего солнца, а взгляд стал более осознанным и постепенно сфокусировался.

Внезапно ей стало интересно, на что именно она смотрит столько времени. Что это за железки под печкой?.. Она вскочила и стала вытирать с них грязь руками. Постепенно они приобрели очертания какого-то железного короба.

Да, это были сокровища.

Аня откапывала этот короб, сколько смогла, а потом, собрав все последние силы, потянула его на себя. Он подался и выскочил ей в руки. Это оказался небольшой, кованный, довольно простой сундучок. Никаких замков, как показывают в фильмах. Грязный, проржавевший ящик. Аня попыталась открыть его, но крышка «приварилась» от времени и влаги. Аня взяла топор и с большим трудом, но открыла его. В нем лежали серебряная посуда, золотые и драгоценные украшения и старинные деньги. А на дне — пожелтевший лист бумаги. Аня достала его.

«Дорогая моя внучка Анна!» — читала она. — Скоро я умру и уже никогда тебя не увижу. Но я надеюсь, что ты сможешь простить свою глупую бабушку... Разные эпохи и разные судьбы отдаляют нас друг от друга. Но во все времена каждая мать хочет верить, что ее дети и внуки будут лучше, умнее, а главное, счастливее ее самой.

Я очень хочу верить, что ты уже нашла свое счастье и без этих безделушек, и теперь правильно распорядишься ими. Воспользоваться ими сама я не смогу никогда, так же, как и мои дочери, потому что богатство в наше время наказуемо и опасно. Но я расстаюсь с ними с легким сердцем, потому что не хочу прикасаться к ним. Деньги не принесли счастья нашей семье. Мой бедный брат Дмитрий много страдал, чтобы мы были свободны и счастливы, но он погиб, так и не узнав, что свободу в душе и счастье быть с близкими не выкупить

никакими деньгами. Труды его были напрасны.

Мы всегда получаем то, что сами заслуживаем. Поэтому я молю Бога, чтобы он даровал моим потомкам благодать свою, и чтобы потомки мои благодать эту заслуживали.

Благословляю тебя на жизнь долгую и счастливую. Твоя любящая бабушка, Анна Матвеевна.»

Аня брала каждую вещь в руки и с грустью рассматривала. «И этой женщины я боялась столько дней и ночей! — с сожалением думала она. — Иван и тут был прав: она же хотела защитить меня... Надо поискать ее могилу на кладбище... Её письмо не пригодилось настоящей Ане, зато будто мне завещано... Каждое слово! Это всё про меня! Я тоже настоящая Аня, и я тоже ее внучка... Почему же не сбывается прабабкино благословление? Ну хоть одно поколение Ань должно же прожить свою жизнь нормально! Ну почему так... Все свои дивные сокровища сейчас я с радостью променяла бы на него одного — на Ванечку...»

Она перебирала незамысловатые бусы и броши и представляла, как много-много лет назад 12-летняя девочка Аня везла их в своем убогом узелке в холодном поезде и плакала от страха и неизвестности за жизнь свою, жизнь младшей сестренки и жизнь старшего брата... Чего стоило Дмитрию заработать на каждое из этих «сокровищ» и как мучительно и безвестно он канул в лету, не успев пожить, не дотянув и до тридцатника...

В руку ей попал позолоченный медальон на простой серебряной цепочке. Тот самый, что она видела на фотографии ещё молодой Анны Матвеевны. «Моей дорогой сестренке Аннушке» — разобрала она начеканенную на нём надпись. Она с грустью надела его себе на шею и захлопнула крышку ящика.

Солнце давно сияло на улице, а в полумраке бани богатая наследница спала на грязной куче, сжимая в ладони под головой серебряный медальон своей прабабки.

Аня проснулась в разгар жаркого дня от того, что кто-то щекотал травинкой ей нос. Она открыла глаза. Рядом сидел Иван и усталыми, ласковыми глазами смотрел на нее.

— Ну что, Брунгильда, царица моя, над золотом чахнешь? Ты куда ходила за ним? В преисподнюю? Вся сыпешся грязью... — он шутил по привычке, но лицо его не улыбалось. — Ага, в одиночку выкопала, чтобы не делиться! — сказал он и, обняв ее голову, поцеловал в макушку. Аня вскочила от неожиданной радости и обняла его.

— Почему ты здесь?

— Пока под подписку выпустили, — он устало лохматил свои белые волосы. — Дядя Паша хлопчет о том, чтобы я проходил по делу свидетелем.

— Как ты добрался домой? Я же уехала на твоей машине.

— Дядя Паша на служебной подвез. Я домой даже не заходил. Знал, где тебя искать. Пойдем домой. Спать хочется... — они встали и пошли, забыв про сокровища. Иван всё же вернулся и захватил сундук.

Он сидел за столом, положив подбородок на руки. Она бегала по кухне и хлопотала:

— Сейчас я тебе котлетки пожарю. Или что хочешь? Просто мяса? Я быстренько...

Потом он завалился на любимый ковер и вырубился после двух бессонных ночей. Аня легла рядом и тихонько положила голову ему на грудь. В первый раз она видела, как он спит по-настоящему, не притворяясь — тихо, как младенец. Она любовалась им и ни о чем не

думала. Ей было хорошо здесь и сейчас.

Аня подтянулась повыше и шепнула ему на ухо:

— Я хочу составить тебе компанию, чтобы прожить долго и счастливо...

Но он спал, и не мог этого слышать.

Прошло несколько дней. Нахимов умер в больнице, не приходя в сознание. Его подельников поймали на воровстве. Про то, что они видели на кладбище, эти люди словно напрочь забыли, всё отрицали и говорили, что их там не было.

Ивана потаскали по бюрократическим заведениям и постепенно дело убитого тюремщика стало зарастать пылью, как обычный несчастный случай. Дядя Паша всё же добился того, чтобы Иван проходил по делу не обвиняемым, а свидетелем. Желающих продвигать дело Нахимова не нашлось ни в органах, где только вздохнули с облегчением, что их избавили от старой оскомины и многолетнего источника постоянной работы, и что больше никогда не придется ни искать его, ни заводить на него всё больше новых дел; не нашлось их и среди мирного населения, где он не оставил ни близкого человека, ни светлой памяти...

Узнав, что Аня хочет остаться жить в деревне, все ее городские подруги и сослуживцы, покрутив пальцем у виска, обсудили между собой, как быстро способен опуститься человек, поменявший городские блага на хижину среди коров — и наверняка с каким-то алкашом... Родные тоже не поддержали Аню. Сначала она сильно расстраивалась и переживала, что никто не принимает ее выбор. «Как быстро все забыли, что все мы родом из деревни, только кто-то в первом поколении, а кто-то в 21-м... — думала она. — Обидно. А я-то думала, что мои близкие меня всегда поддержат... Хотя... Всего месяц назад я рассудила бы так же, как они...»

Потом сетования бывших подруг по поводу утерянной Аниной жизни начали ее потихоньку побешивать... В конце концов, ей стало все равно, что думают другие. И — о чудо! — подруги и близкие как-то быстро смирились, и страсти по поводу Аниного переезда в деревню утихли.

Аня понимала, что бывшее окружение просто временно заблуждается, желая ей добра, но не зная при этом, что такое «добро» именно для Ани.

— Каждый оценивает жизнь, исходя из собственного опыта и стереотипов, — думала Аня после телефонных разговоров с мамой. — А я не хочу ваши стереотипы и правила. Это моя жизнь и мой выбор. Я хочу пройти свой путь, а не ваш! Я хочу сама выбирать то, что мне нравится, то что мне делать, где и как мне жить. Я хочу сама взлетать и падать, смеяться и плакать, быть правой и заблуждаться... Я хочу сама совершить свои ошибки! И я имею на это право!

Я знаю: ощущать себя счастливым или несчастным человеком можно вне зависимости от того, где ты живёшь, — в городе, деревне или на маленьком острове, а чтобы показать, как человек тебе дорог, можно ни разу за весь роман не сказать слово «люблю».

— Так что ты решила делать со своими сокровищами, богатая женщина? — спросил однажды утром Иван.

— Я тут подумала... Слушай, а пол в нашей бане легко снимается?..

В 2023 году в сельской местности России живет 36 789 914 человек.

